

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Игумнов Никита Александрович

Автономное толкование Конституции Российской Федерации

(нормативные основания и практика применения)

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук
Малютин Н.С.

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КОНЦЕПЦИЯ АВТОНОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	15
Параграф 1. Автономность Конституции Российской Федерации как ее юридическое свойство.....	15
Параграф 2. Автономное значение норм Конституции Российской Федерации.....	33
ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОНОМНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РЕШЕНИЯХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ.....	62
Параграф 1. Автономное толкование практике Конституционного Суда Российской Федерации.....	62
Параграф 2. Автономное толкование в практике Европейского Суда по правам человека.....	87
ГЛАВА 3. АВТОНОМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	106
Параграф 1. Метод автономного толкования Конституции Российской Федерации: основные характеристики.....	106
Параграф 2. Пределы и ограничения автономного толкования Конституции Российской Федерации.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
БИБЛИОГРАФИЯ.....	152

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Толкование непременно сопутствует праву¹, поскольку любая норма носит обобщенный характер, по своей сути не может охватить детально все возможные варианты применения и, следовательно, в целях реализации подлежит интерпретации, в том числе судебной. Это касается и конституций, которые состоялись как признанный объект толкования, создав тем самым самостоятельную область для юридических исследований. В ней российское научное правоведение в значительной части освоило особенности толкования Конституции Российской Федерации², а также теорию и практику ее конституционно-судебной интерпретации³. Вопросы толкования не обошел вниманием и Конституционный Суд Российской Федерации, который в выпущенной в 2021 году юбилейной информации обратился к методологическим аспектам конституционного правосудия⁴. Изложенное свидетельствует о непреходящем доктринальном и прикладном интересе к проблематике толкования в конституционном праве, которая уже в силу этого поддерживается в актуальном состоянии.

---

¹ Юриспруденция, по выражению Р. Иеринга, начинается с толкования. См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника. СПб., 1905. С. 64–65.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ и от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, а также с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1 декабря 2022 года). Далее также – Основной закон.

³ См.: *Брежнев О.В.* Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006; *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): очерки теории и практики М., 2001; *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017; Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012; *Кряжков В.А.* Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998; *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008; *Таева Н.Е.* Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: монография. М., 2006; *Хабриева Т.Я.* Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998; *Шустров Д.Г.* Толкование в конституционном праве: теоретические основы. Монография. М, 2022 и др.

⁴ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

При таких условиях, чтобы высказаться по теме оригинально и без повторов, не обойтись без обращения к той динамично развивающейся стороне учения о конституционной герменевтике, которая связана с функционированием конституционной юстиции, демонстрирующей тенденцию к развитию методологической основы толкования норм Основного закона. В частности, в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации наряду с традиционными интерпретационными методами нашло отражение автономное толкование⁵, которое пока не получило основательного и комплексного осмысления.

Востребованность изучения автономного толкования диктуется тем, что его целостная концепция в литературе и решениях российского органа конституционного контроля не сложилась, не выясненными остаются предпосылки, правовая природа, результаты и пределы автономного толкования Конституции Российской Федерации. Понимание названных особенностей значимо не только для развития теории толкования Основного закона, но и для формирования определенной, устойчивой и непротиворечивой интерпретационной практики, тем более что существующие исследования⁶, – в отсутствие адекватного доктринального восприятия автономного толкования Конституции Российской Федерации – не позволяют однозначно разрешить фундаментальный вопрос о правомерности безоговорочного переноса данного интерпретационного подхода на национальную конституционно-судебную почву.

---

⁵ См.: *Морцакова Т.Г.* Судебная речь о партии и автономное толкование понятий: правовая позиция эксперта в Конституционном Суде России / Служение праву: памяти профессора В.А. Туманова посвящается; Сборник статей. М., 2017. С. 87–103.

⁶ Применению автономного толкования к статьям Конвенции о защите прав человека и основных свобод посвящен тематический сборник. См.: Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / М.В. Агальцова, А.Ю. Бушев, М.Р. Воскобитова и др. М.: Статут, 2016. Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм».

См. также в контексте толкования Конституции Российской Федерации: *Блохин П.Д.* Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование // *Закон.* 2019. № 6. С. 61–76; *Он же.* «Вавилонское столпотворение»: комментарий к практике автономного толкования норм Европейской конвенции и российской Конституции // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2019. № 6. С. 106–120.

Интерес к анализу автономного толкования Конституции Российской Федерации обусловлен также немногочисленностью примеров прямого обращения к нему в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и, как следствие, отсутствием готовых обобщений и выводов относительно области применения и особенностей автономного толкования. Это, в свою очередь, создает пространство для формулирования авторских умозаключений и позволяет выдвигать гипотезы о путях, которыми может пойти конституционно-судебная интерпретационная деятельность в части автономного толкования, оставляя эмпирическую верификацию некоторых из них на будущее время, что обеспечивает наличие перспективных направлений для последующих научных поисков.

Таким образом, исследование автономного толкования Конституции Российской Федерации актуально для теории и практики конституционного правосудия в России (как в аспекте оценки конституционности внутригосударственного нормативного регулирования, так и в контексте соотношения национального и международного правопорядков), и может быть полезным для законотворческой деятельности в той ее сфере, которая касается согласования нормативного регулирования с конституционными нормами.

Степень научной разработанности темы в целом характеризуется отсутствием в отечественной правовой литературе комплексных исследований, посвященных рассматриваемым вопросам автономности Конституции Российской Федерации, автономного значения конституционных норм и их автономного толкования, и на восполнение данного доктринального пробела направлено настоящее диссертационное исследование.

С учетом этого проблемы действия норм Конституции Российской Федерации и определения их содержания изучались на основании работ С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, А.А. Белкина, А.Н. Кокотова, О.Е. Кутафина,

Н.Е. Таевой и др. Большое значение для диссертации имели труды в области толкования Конституции Российской Федерации, среди которых можно выделить работы А.С. Автономова, С.А. Белова, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, Е.В. Гриценко, А.В. Должикова, В.Д. Зорькина, С.Д. Князева, В.О. Лучина, Н.С. Малютина, Е.В. Тарибо, Т.Я. Хабриевой, Д.Г. Шустрова, Б.С. Эбзеева и др.

Существенная часть проведенного исследования была сконцентрирована на вопросах толкования с акцентом на деятельности Европейского Суда по правам человека, изучение которых осуществлялось на основе трудов А.С. Исполинова, А.И. Ковлера, А.Н. Русова, К.В. Энтина и др. Применительно к проблемам непосредственно автономного толкования следует также отметить исследования отечественных ученых – Е.С. Алисиевич, П.Д. Блохина, В.А. Лукашевича и В.А. Туманова, которые в своих работах затрагивали отдельные аспекты автономного толкования.

В числе значимых источников, посвященных теории конституции, конституционному толкованию, толкованию в практике международных судебных органов, а также формированию автономного международного правопорядка можно отметить работы зарубежных авторов, которые изучались как на иностранном языке (например, работы таких исследователей как А. Barak, Е. Bjorge, К. Dzehtsiarou, R.H. Fallon, S. Greer, Н. Keller, К. Lenaerts, G. Letsas, Т. Staweckі), так и на русском языке (в частности, работы Г. Еллинека, Я. Броунли, Х.-Г. Гадамера, Э. Куриса, А. Нуссбергер, О. Пферсмманна, М. Тропера, Ю. Хабермаса и др.).

Объект диссертационного исследования представлен отношениями, которые возникают в связи с формированием и применением метода автономного толкования Конституции Российской Федерации, а также правовым регулированием данных отношений.

Предмет диссертационного исследования образуют автономное толкование норм Конституции Российской Федерации и его применение в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Цель диссертационного исследования заключается в определении и анализе сущности, оснований и особенностей автономного толкования Конституции Российской Федерации. Достижению указанной цели служит решение следующих задач:

- формирование представления об автономности Конституции Российской Федерации как одном из ее юридических свойств;
- анализ влияния законодательных норм на содержание норм Конституции Российской Федерации в свете ее автономности;
- изучение практики выявления Конституционным Судом Российской Федерации автономного значения норм Конституции Российской Федерации;
- выявление признаков автономного толкования в практике Европейского Суда по правам человека;
- установление сфер применения и места автономного толкования в системе методов толкования Конституции Российской Федерации;
- определение пределов автономного толкования Конституции Российской Федерации.

Теоретическая основа исследования представлена положениями и выводами, отраженными в работах отечественных и зарубежных ученых по вопросам выявления содержания конституционных норм и судебного толкования в конституционном и международном праве.

Нормативную основу настоящей диссертации образуют положения Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, а также международные правовые акты, регламентирующие организацию и деятельность международных судебных органов.

Эмпирическая основа диссертационного исследования образована судебными актами Конституционного Суда Российской Федерации,

Европейского Суда по правам человека, Суда Европейского союза, Суда Евразийского экономического союза.

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы.

Обращение к методам анализа и синтеза позволило на основании изучения обширной интерпретационной практики судебных органов выявить и сформулировать общие характеристики автономного толкования.

Метод формально-юридического анализа с учетом сформулированной темы работы являлся важной частью исследовательского процесса. На основании данного метода осуществлялось разграничение сходных юридических (конституционных) понятий, выявлялись сущностные признаки понятия «автономное толкование» и т.д.

Существенное значение для диссертационного исследования имел и сравнительно-правовой метод, который позволил на основании сопоставления особенностей практики применения автономного толкования Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации проанализировать и выявить специфические характеристики автономного толкования конституционных понятий.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты диссертационного исследования развивают теорию толкования Конституции Российской Федерации и могут рассматриваться как основа для дальнейшей разработки концепций автономности Конституции Российской Федерации и ее автономного толкования.

Что касается **практической значимости работы**, то она заключается в возможности использования результатов работы как в нормотворческой деятельности (в части законодательного развития конституционных норм и совершенствования статуса Конституционного Суда Российской Федерации), так и в правоприменительной деятельности (интерпретационной практике Конституционного Суда Российской Федерации).

Кроме того, полученные в диссертационном исследовании научные результаты могут быть полезны для целей преподавания курсов, связанных с конституционным правом (теория конституции, конституционное правосудие и т.д.), правами человека (деятельность органов по защите прав человека).

Научная новизна диссертации определяется темой работы, посвященной вопросам автономного толкования Конституции Российской Федерации, которые не были предметом фундаментальных конституционно-правовых исследований. В диссертации была подробно проанализирована концепция автономности Конституции Российской Федерации, заключающаяся в том, что Основной закон юридически не зависит от иных правовых актов, а его нормы имеют автономное значение. Автономное значение выявляется посредством автономного толкования, которое, будучи связанным с расширением содержания норм о конституционных правах и свободах, по существу, представляет собой конституционно-судебное нормотворчество.

В диссертации на основании сопоставительного анализа практики применения автономного толкования Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека, были выявлены особенности и признаки автономного толкования, которое, во-первых, обращено к положениям о правах и свободах; во-вторых, представляет собой расширительную интерпретацию положений Основного закона о правах и свободах; в-третьих, предполагает системную интерпретацию норм Конституции Российской Федерации.

Кроме того, в диссертационном исследовании было обосновано использование метода автономного толкования в целях осуществления конституционного нормоконтроля, а также были выведены особенности данного метода конституционной интерпретации, позволяющие рассматривать его как специфический и комплексный метод толкования. При

этом были сформулированы пределы автономного толкования Конституции Российской Федерации, ограничивающие усмотрение Конституционного Суда Российской Федерации в части определения автономного значения конституционных норм, к числу которых относятся среди прочего недопустимость толкования, сокращающего объем конституционного права, конституционная сдержанность, исключительный характер автономного толкования и др.

Обозначенные подходы содержательно раскрываются в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Категория автономности в российском конституционном праве играет роль принципа разнообразных конституционно-правовых отношений, характеризует конституционное право как отрасль в целом, а также выступает в качестве одного из юридических свойств Конституции Российской Федерации, которое, наряду с онтологическим аспектом (юридическая сила конституционных норм, их действительность и порядок изменения заданы непосредственно конституционным регулированием), включает также семантический аспект (наличие у норм Основного закона автономного значения). Тем самым свойство автономности, определяя соотношение Конституции Российской Федерации с иными правовыми актами, входящими в российскую правовую систему, является предпосылкой и основанием ее автономного толкования.

2. Обусловленное семантической автономностью Конституции Российской Федерации автономное значение представляет собой сформированную в результате толкования Основного закона совокупность смыслов конституционной нормы, выходящих за пределы ее буквального смысла, определяемого в порядке производного нормотворчества для цели реализации конституционных прав и свобод в конкретных отраслевых правоотношениях. С точки зрения возможности выявления автономного значения нормы Конституции Российской Федерации подразделяются на

нормы-принципы, нормы о правах и свободах, нормы об организации государственной власти. В рамках такой классификации автономному толкованию подлежат нормы о правах и свободах, поскольку только в отношении такого рода норм Конституция Российской Федерации допускает расширение их содержания без изменения текста Основного закона.

3. Автономное толкование Конституции Российской Федерации представляет собой комплексный метод ее казуального толкования, предполагающий совокупное использование разных интерпретационных методов для выявления автономного значения конституционных норм о правах и свободах, которое формируется под влиянием всей системы конституционного регулирования (должно быть с нею согласовано) и не может быть определено путем изолированной интерпретации толкуемой нормы Конституции Российской Федерации. В результате применения автономного толкования осуществляется расширение содержания конституционных прав и свобод без изменения текста Конституции Российской Федерации. Инструментальная роль автономного толкования Конституции Российской Федерации заключается в том, что оно выступает в качестве средства сокращения пределов усмотрения нормотворческого органа.

4. Субъектом применения автономного толкования Основного закона является Конституционный Суд Российской Федерации как орган уполномоченный на официальное толкование Конституции Российской Федерации, результаты которого не могут быть преодолены иным субъектом (за исключением конституционного законодателя). Приоритетной сферой применения автономного толкования является конкретный конституционный нормоконтроль в отношении внутригосударственных нормативных правовых актов. Вместе с тем в свете обоснованной в диссертационном исследовании концепции семантической автономности Конституции Российской Федерации автономное толкование ее норм может быть востребовано для

оценки соотношения положений Основного закона и международно-правового регулирования.

5. Выявление автономного значения норм Конституции Российской Федерации приобретает характер конституционно-судебного нормотворчества, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, который, применяя метод автономного толкования, ограничен буквальным значением конституционных норм, принципом конституционной сдержанности, презумпцией конституционности закона, требованиями согласованности результата толкования с правовой системой. С учетом этого обращение к методу автономного толкования допустимо в исключительных случаях в целях расширения (а не ограничения или сокращения) содержания норм Основного закона о конституционных правах и свободах, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации, будучи уполномоченным оценить допустимость вводимых ограничений конституционных прав с точки зрения Конституции Российской Федерации, сам создавать их не может. Соответственно, ни сокращение пределов, ни введение дополнительных ограничений конституционных прав и свобод не может выступать целью или побочным результатом применения автономного толкования. Для соблюдения отмеченных границ Конституционным Судом Российской Федерации, который имеет возможность достаточно свободно избирать конкретные варианты толкования тех или иных конституционных норм, повышается значимость конституционно-судебного самоограничения.

6. Автономное толкование используется в практике Европейского Суда по правам человека в целях обеспечения действенности и единообразного применения конвенционных гарантий и сокращения усмотрения государств в вопросе исполнения обязательств, вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Автономное толкование, применяемое Европейским Судом по правам человека, не является идентичным методу автономного толкования Конституции Российской Федерации с точки зрения

оснований, но имеет с ним функциональное сходство, которое выражается в аналогичности целей автономного толкования и средств выявления автономного значения соответствующих правовых норм. Применяя метод автономного толкования Европейский Суд по правам человека в некоторых случаях отступает от заданного при составлении названной Конвенции содержания конкретного права и тем самым от изначально заложенного в соответствующую конвенционную норму смысла. В отсутствие нормативного пополнения каталога конвенционных прав и свобод, предполагающего обязательное согласование воле государств – участников указанной Конвенции, практика автономного толкования может создавать риски возникновения конфликтов внутри данной международно-правовой системы, выражающихся в потенциальном неисполнении решений Европейского Суда по правам человека.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены лично автором; вклад автора в результаты, опубликованные в работах по теме, является определяющим.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается обоснованностью использования соответствующей методологии, изучением достаточного объема нормативной базы, российской и зарубежной научной литературы, судебной практики по конкретным делам.

Апробация результатов выражается в выступлениях автора на 7 международных научных мероприятиях, проведенных как в Российской Федерации (на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, МГУ имени М.В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»), Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), так и за рубежом (на базе Университета города Дьёр).

Основные положения проведенной работы представлены в 5 научных публикациях автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности.

Кроме того, полученные в ходе исследовательской работы результаты используются в деятельности Управления конституционных основ публичного права Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, а также при проведении практических занятий по дисциплине «Конституционное право» на юридическом факультете ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертационного исследования, обусловленная темой, целями и задачами работы, представлена введением, тремя главами, объединяющими шесть параграфов, заключением и библиографией.

ГЛАВА I. КОНЦЕПЦИЯ АВТОНОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Параграф 1. Автономность Конституции Российской Федерации как ее юридическое свойство

Автономию или автономность⁷ традиционно связывают с самоуправлением и возможностью самостоятельно решать свою судьбу. Проводя исторический анализ развития понятия «автономия», Л. Суэйн, например, отмечает, что первоначально данное понятие, возникшее в греческом языке, связывалось с тем или иным объединением (коллективом, полисом, государством) и означало его самостоятельность (прежде всего в вопросах войны, но также и в правовой сфере), а впоследствии стало применяться и к отдельным лицам⁸. Получив изначально свою смысловую нагрузку в приложении к разного рода объединениям категория автономности со временем стала использоваться для характеристики достаточно широкого круга объектов и при этом неизменно обозначала их независимость от чего-либо. Под автономией понимают, в частности, способность личности к ответственным решениям, свободным от внешнего давления⁹, и эта трактовка стала краеугольным камнем этической концепции И. Канта, который автономию называл «самозаконодательством воли» и единственным принципом моральных законов и обязанностей¹⁰. Об автономии как о самостоятельности говорят также в отношении семьи¹¹,

---

⁷ Несмотря на некоторые смысловые расхождения слова «автономия» и «автономность» используются по тексту как взаимозаменяемые.

⁸ См.: *Swaine L.* The Origins of Autonomy // *History of Political Thought*. 2016. Vol. 37. № 2. P. 219–224, 236.

⁹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%8F&all=x> (дата обращения: 20 августа 2022 года).

¹⁰ «Автономия есть [...] основание достоинства человека и всякого разумного естества» (*Кант И.* Сочинения. Т. 4. Ч. I. М., 1968. С. 278). См. об этом подробнее: *Артемова О.В.* Универсальность и автономия в этике И. Канта // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 96.

¹¹ *Якушев П.А.* Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // *Вестник гражданского процесса*. 2021. № 1. С. 277–293.

транспортных средств¹² и искусственного интеллекта¹³, которые, хотя и каждый по-своему, поставлены в независимое положение от, соответственно, государства и общества, человека, мышления. Автономность тем самым в обязательном порядке предполагает самостоятельность и, собственно, комплементарную пару, то есть противопоставленный объект. Кроме этого, в высокоорганизованных системах, к числу которых относится и право¹⁴, к обязательным признакам автономии добавляется также наличие исключительно внутренних оснований и закономерностей существования и развития¹⁵.

Семантически заложенное в автономность «самозаконие»¹⁶ связывает ее с юриспруденцией и конституционным правом в частности. М. ван Хук, например, обращаясь к вопросу о соотношении правовой системы и других нормативных систем (мораль, религия), отмечал, что для права характерна и необходима автономия, которая проявляется в аспектах, связанных с наличием: собственных правил (содержательный), изменяемых по внутренним законам (институциональный); языка, стиля и способов аргументации (методологический); науки (доктринальный)¹⁷. Автономность, следовательно, рассматривается как конституирующий признак права, без которого оно утрачивает значение самостоятельного нормативного регулятора. При этом в доктрине оценки степени автономности права, т.е. его независимости от других сфер социально-экономической жизни, в крайних

---

¹² «Автономные технические средства качественно отличаются от традиционных объектов права (материальной и нематериальной природы) вследствие наличия способности совершать независимо от воли человека юридически значимые действия». См.: Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Лебедев В.А., Зенин С.С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // *Lex russica*. 2019. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Жданов А.А. Автономный искусственный интеллект. М., 2012.

¹⁴ Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // *Журнал российского права*. 2017. № 6. С. 9.

¹⁵ Такой признак отмечают Ю.В. Сачков и М.А. Можейко. См.: «Автономность». Гуманитарный портал // URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7169> (дата обращения: 2 ноября 2022 года).

¹⁶ Слово «автономия» образовано из двух греческих слов – αὐτός (сам) и νόμος (закон), хотя в философской литературе предлагается и иной вариант перевода слова «автономия» – «самостоятельность». См.: Апресян Р.Г. Историческая и нормативная динамика идеи моральной автономии // *Альманах «Дискурсы этики»*. 2015. № 1 (10). С. 16–18.

¹⁷ ван Хук М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 60–61.

точках варьируются от признания полной автономии правовой системы до констатации ее зависимого и подчиненного положения¹⁸, а в полутонах акцентируют внимание на его относительной самостоятельности и взаимосвязи, в том числе с экономикой, обществом, экологией и др.¹⁹. Анализируя проблему автономности права, Г.А. Гаджиев указывает на два возможных подхода – интерналистский (право самодостаточно и вырабатывает свои правила разрешения юридических споров) и экстерналистский (право подлежит изучению с междисциплинарных позиций и подлежит оценке с точки зрения экономической эффективности)²⁰. Несмотря на строгость такой классификации, не предполагающей, на первый взгляд, наличия промежуточного варианта, уверенно держаться можно именно усредненной позиции, как сохраняющей за правом самостоятельность в нормативной регламентации общественных отношений и вместе с этим не исключающей необходимости учета неправовых факторов в нормотворчестве и правоприменении. Такой баланс, не опровергающий ни интерналистский, ни экстерналистский подходы, продиктован тем, что законодатель, осуществляя правовое регулирование с учетом социальных, экономических и иных факторов, использует именно правовые средства и во всяком случае должен учитывать конституционные принципы справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности²¹. Дуализм названных подходов не является противопоставлением двух взаимоисключающих решений рассматриваемого

---

¹⁸ Самым очевидным образом это отразилось в марксистской концепции правопонимания, провозгласившей право «надстройкой», зависимой от экономического «базиса» и подчиняющейся ему.

¹⁹ См.: Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 78.

²⁰ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 208–209.

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова» // СЗ РФ. 10.04.2017. № 15 (Часть VII). Ст. 2283.

вопроса, они лишь акцентируют различные аспекты автономности права – онтологический и интерпретационный.

Если говорить непосредственно о конституционном праве, то категория автономности вошла в него как «право, предоставляемое объединениям, сословиям, корпорациям руководиться собственными нормами и правилами в определенных пределах»²², с тем добавлением, что такая возможность самостоятельного определения поведения касается не только разного рода коллективов и объединений, но и личности. Как отмечал Н.С. Бондарь, принцип индивидуальной автономии личности означает право каждого человека вести образ жизни, согласующийся с его собственными наклонностями и представлениями, свободно определять свои убеждения и предпочтения, которые государство должно уважать, не допуская произвольного вторжения в сферу частной жизни²³. Личностная автономия постепенно превратилась в один из краеугольных камней конституционного государства и наряду с территориальной²⁴ и национально-культурной²⁵ автономиями твердо обосновалась в конституционном праве. Упоминания заслуживают также партийная и университетская автономии, без которых не обходится современный конституционализм, ставящий политическое многообразие и образование в число конституционных ценностей и обеспечивающий их соответствующей защитой. Так, политико-управленческая автономность политических партий усматривается в их праве согласно уставу и иным внутренним актам самостоятельно принимать

---

²² Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890. Т. 1. С. 126; Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1997. С. 4.

²³ См.: Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

²⁴ Ирхин И.В. Территориальная автономия в зарубежных унитарных и регионалистских государствах Европы и Азии: конституционно-правовое исследование. М., 2019. С. 5.

²⁵ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2004 года № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» (абзац второй пункта 2) // СЗ РФ. 15.03.2004. № 11. Ст. 1033.

решение о выдвижении кандидатов в депутаты²⁶, а принцип автономии университетов, который непосредственно не закреплен в Конституции Российской Федерации, наделен конституционным звучанием как одна из основ государственной политики в области образования, определяющей взаимоотношения государства и высших учебных заведений²⁷.

Таким образом, в конституционном праве категория автономности используется в приложении к форме национально-государственного устройства; самоорганизации граждан, принадлежащих к определенной национальности; самостоятельности в осуществлении своей компетенции²⁸. Приобретая значение одного из принципов разнообразных конституционно-правовых отношений, автономность характеризует и само конституционное право как отрасль²⁹. При этом доминирующая в науке оценка конституционного права как занимающего господствующее положение в системе права, дала основания утверждать, что оно является «метаотраслью» права, которая с опорой на Конституцию Российской Федерации обеспечивает конституционализацию всего правопорядка³⁰.

---

²⁶ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2020 года № 43-П «По делу о проверке конституционности подпунктов «а», «е» пункта 14¹ статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» в связи с жалобой гражданина М.Ю. Серяпова» (абзац четвертый пункта 5) // СЗ РФ. 02.11.2020. № 44. Ст. 7059.

²⁷ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 года № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» (абзац второй пункта 6) // СЗ РФ. 17.01.2000. № 3. Ст. 354.

²⁸ С.А. Авакьян, например, говорит об автономии как о праве самостоятельно решать вопросы, отнесенные к ведению кого-либо (*Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 25–26). В этом убеждает и трактовка понятия «autonomy», которую дает авторитетный Юридический словарь Блэка (*Black's Law Dictionary*. 9th ed. 2009. P. 154): национальная, управленческая и личная автономия связана с самостоятельностью.

²⁹ Об этом подробнее см.: *Игумнов Н.А.* К вопросу об автономности конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 10–16.

³⁰ *Кравец И.А.* Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.

Специфику конституционного права усматривают среди прочего в использовании особого методологического инструментария³¹, сочетании характеристик публично-частной отрасли права³², выполнении ценностно-функционального назначения ядра правовой системы³³ и т.д. Кроме того, как отмечает, например, О.М. Бабошин, конституционное право обладает всеми признаками «сложного органичного целостного системного образования»³⁴. По мнению Д.М. Азми, регламентируя (закрепляя) права и свободы человека, основы экономической и политической организации общества, конституционное право на основе конституции государства предопределяет основные направления и главное содержание правового регулирования, осуществляемого другими отраслями, является ядром системы права и любой другой отрасли, юридической базой их развития³⁵. О.Е. Кутафин справедливо указывал, что нормам конституционного права присущи как черты, характерные для всех российских правовых норм, так и специфические особенности, к числу которых относятся: неклассическая структура, специфика нормативности, выражающаяся в том, что не все нормы конституционного права устанавливают права и обязанности субъектов соответствующих правоотношений³⁶.

Однако едва ли эти утверждения справедливы по отношению ко всему конституционному праву, которое, хотя и касается важных вопросов организации публичной власти и регулирования основных прав и свобод, тем

---

³¹ Для конституционного права характерны специфические методы установления статусов, общего нормирования и т.д. См.: *Прудентов Р.В.* Теория и практика метода в праве: общие и конституционно-правовые аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 74

³² *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 240–243.

³³ *Он же.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ *Бабошин О.А.* Система конституционного права как отрасли российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 5.

³⁵ *Азми Д.М.* Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014. Доступ из СПС «Гарант».

³⁶ *Кутафин О.Е.* Избранные труды: в 7 томах. Том 1. Предмет конституционного права: монография. М., 2011. С. 72–73.

не менее не исчерпывает всю национальную правовую систему. Поэтому особое воздействие российского конституционного права охватывается лишь той его частью, которая представлена основополагающим источником всего российского права – Конституцией Российской Федерации. Такому пониманию созвучны мысли А.Н. Кокотова о двойственной сущности отрасли конституционного права России, которое, с одной стороны, является «обычной отраслью права», а с другой – представляет собой «общую часть национального права», основанную на Конституции Российской Федерации, действующей везде, «где работают другие нормативные правовые источники национального права»; при этом отраслевая конкретизация конституционных положений не исчерпывает их внутреннего содержания, которое не сводится к совокупности их отраслевых конкретизаций³⁷.

Подобное значение конституционного регулирования позволяет выдвинуть гипотезу о том, что качество автономности присуще Конституции Российской Федерации в контексте ее соотношения с иными правовыми актами, входящими в российскую правовую систему. В таком ключе размышляет об автономизации конституционного права³⁸, например, О. Пфферманн, который полагает, что конституция может быть автономной в двух значениях: онтологическом (нормы, из которых она состоит, юридически независимы) и эпистемологическом (знания о ней не сводятся к знаниям о какой-либо другой области)³⁹. Приведенная позиция требует уточнения в той части, которая касается познавательной автономности,

---

³⁷ Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 38.

³⁸ В данном контексте под конституционным правом понимается именно конституционное регулирование без учета конституционно-правового законодательства и иных норм. Точка зрения о том, что при буквальном понимании выражения «конституционное право» его источником может быть только конституция нашла отражение в литературе. Э. Курис, например, замечал, что «[...] конституционное право, обладающее способностью вмещать в себя нормы различных отраслей права, само отраслью права не является» [курсив – Э. Куриса], а источники данной отрасли представлены конституцией и развивающими ее актами органа конституционного контроля. Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 101–102.

³⁹ Пфферманн О. Автономизация конституционного права во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 55–56.

связываемой в исследовании О. Пферсмманна не с конституцией (нормативным актом высшей юридической силы), а с конституционным правом в целом, как отраслью права, что становится заметно при детальном анализе приведенной автором аргументации, посвященной месту конституционного права в системе французского публичного права⁴⁰.

Если рассматривать Конституцию Российской Федерации как онтологически автономную, то нельзя не учитывать, что «генетически» она, как и любой другой заимствованный основной закон⁴¹, наследует конституционному опыту других государств. Как справедливо отмечает К.В. Арановский, «конституционную юстицию, парламентаризм, президентуру, омбудсмана, пропорциональные и смешанные избирательные системы, местное самоуправление, неотчуждаемые права, правила чрезвычайного положения, импичмента, легальной многопартийности и еще многое Россия получила в извлечениях из иностранного права»⁴². Постановления пленумов высших судов⁴³, арбитражные суды⁴⁴ и организация прокуратуры достались Конституции Российской Федерации от советской правовой системы, а в противовес ей – как итог преодоления «конституционных страхов»⁴⁵ – идеологическое многообразие и политический плюрализм.

---

⁴⁰ С учетом этого данный аспект в настоящем диссертационном исследовании отдельно не анализируется. Однако в качестве попутно сказанного можно отметить, что гносеологическая автономность Конституции Российской Федерации едва ли требует дополнительного обоснования и анализа, имея в виду наличие сложившейся и развивающейся доктрины, которая ставит в предмет изучения именно Основной закон.

⁴¹ Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 55.

⁴² Арановский К.В. О понятии и объеме иностранного государственного или конституционного права, а также о современных условиях его изучения и преподавания // Lex russica. 2013. № 11. С. 1252.

⁴³ Подробнее об этом явлении см.: Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 141–158.

⁴⁴ Витрянский В.В. О преобразовании госарбитража в арбитражные суды. URL: http://www.arbitr.ru/upimg/EC232CAF54FF6C9633F017C22BE768DD_%C2%E8%F2%F0%FF%ED%F1%EA%E8%E9.pdf (дата обращения: 23 ноября 2022 года).

⁴⁵ См. об этой концепции: Краснов М.А. «Конституционные страхи» // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 3–11.

В то же время, попав в российский Основной закон соответствующие предписания приобретают свое значение только как нормы Конституции Российской Федерации и утрачивают свою условную юридическую связь с «материнскими» правовыми системами. Принципами именно российского права, таким образом, становятся общеправовые принципы (соразмерности, справедливости и др.), источником которых в национальной правовой системе Конституционный Суд Российской Федерации называет Основной закон⁴⁶. Эта позиция исходит из того, что названные принципы не были, конечно, впервые сформулированы Конституцией Российской Федерации, однако их действие в российской правовой системе задается и определяется исключительно национальным конституционным регулированием. Неслучайно, например, известный с древности правовой запрет *non bis in idem*, который иногда причисляют к общим (универсальным) принципам права и рассматривают в качестве общепризнанной императивной нормы, принятой в каждом государстве⁴⁷, излагается в конституционных актах разных стран с заметными акцентами, сделанными на двойном наказании, повторном предъявлении обвинения, судимости, состоявшемся оправдании и т.д.⁴⁸, а в отечественном конституционном правопорядке связывается в силу

---

⁴⁶ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2022 года № 49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина» (абзац четвертый пункта 4.2) // СЗ РФ. 21.11.2022. № 47. Ст. 8305.

⁴⁷ *Игнатенко Г.В.* Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 87.

⁴⁸ Среди многочисленных примеров см., в частности: «никто не может быть подвергнут многократному наказанию за одно и то же деяние на основании общих уголовных законов» (статья 103, абзац 2, Основного закона Федеративной Республики Германия); «никто не может быть осужден дважды за совершение одного и того же преступления» (статья 29, пункт 5, Конституции Португальской Республики); «каждый обвиняемый имеет право не быть вновь судимым за правонарушение, в отношении которого он был признан невиновным, и не быть вновь судимым и наказанным за правонарушение, за которое он был признан виновным и наказан» (статья 11, пункт «h», Конституционного акта Канады 1982 года); «никто не должен за одно и то же правонарушение дважды подвергаться угрозе лишения жизни или нарушения телесной неприкосновенности» (Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки); «никто не может быть дважды судим за одно и то же преступление, будучи раз оправдан или осужден за него» (статья 23 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов); «ни одно лицо не может быть дважды поставлено под угрозу наказания за одно и то же преступление» (статья 21 Конституции Республики Филиппины); «каждое обвиненное лицо имеет право на справедливый суд, которое включает, в частности, право не быть осужденным за действие или бездействие в отношении которых лицо было ранее оправдано или обвинено» (статья 35, подпункт «m» пункта 3, Конституции Южно-Африканской Республики); никто не может быть

буквального значения статьи 50 (часть 1) Основного закона лишь с уголовной ответственностью. Это, впрочем, не помешало Конституционному Суду Российской Федерации на основе ограниченного значения соответствующей конституционной нормы сформировать универсальное автономное значение правила *non bis in idem*, выражающееся в запрете двойного привлечения к публично-правовой ответственности, который вытекает не столько из указанной конституционной нормы, сколько из взаимосвязанных с нею принципов равенства, справедливости, правовой определенности⁴⁹.

Соответственно, Конституция Российской Федерации является автономной, поскольку в юридическом смысле она отделена от всех других правовых норм своими специфическими свойствами и чертами (верховенство, особый порядок принятия и изменения и т.д.), функционирует по внутренне определенным правилам (содержание конституционных норм, порядок изменения Основного закона заданы непосредственно конституционным текстом), а ее действительность не зависит от прочих правовых актов. В этой части свойство автономности Конституции Российской Федерации (в онтологическом аспекте) обнаруживает некоторое сходство с концепцией автономности правопорядка, которая сложилась в праве Европейского союза.

Комплекс предпосылок экономического, политического, социально-культурного и т.д. характера привел к образованию особого международного объединения – Европейского союза, который развивался как относительно

подвергнут повторно уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение (статья 77, подпункт 2 пункта 3, Конституции Республики Казахстан); «никто не может быть осужден повторно за одно и то же деяние» (статья 22 Конституции Республики Армения).

Приведенные примеры не претендуют на исчерпывающий характер и призваны лишь продемонстрировать то разнообразие, с которым государства, принадлежащие к различным правовым системам и находящиеся в отличающихся социально-экономических условиях, закрепляют, казалось бы, универсальное правило. Тексты конституций приводятся в соответствии с данными сайта <https://www.constituteproject.org/?lang=en> (дата обращения: 28 октября 2022 года).

⁴⁹ См. подробнее: *Игумнов Н.А.* Запрет двойного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) в фокусе конституционно-судебной интерпретации // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1 (91). С. 4–9.

автономное (от международного правопорядка и от национальных правовых систем) образование, заявив с самого начала своего существования о том, что европейская интеграция, сперва в рамках европейских сообществ, а впоследствии и в рамках Европейского союза⁵⁰, представляет собой специфическую правовую систему. Учредительные документы Европейского союза (далее также – Договоры и Хартия)⁵¹, включающие два основных содержательных элемента конституции (*frame of government* и *bill of rights*), по своим нормативным характеристикам, содержанию и фактическому положению в системе европейского права приобретают конституционный характер⁵². Приведенные элементы – наряду с формированием общей политической воли – в числе конституционных оснований Европейского союза называет, в частности, Ю. Харбермас⁵³. Тем самым Договоры и Хартия, имеющие статус источников первичного права Европейского союза, носят конституирующий характер и обладают *высшей юридической силой* по отношению ко всем другим нормам (нормам вторичного права)⁵⁴, что позволяет сопоставлять их с государственными конституциями.

Развивая концепцию автономного европейского правопорядка, Суд Европейского союза⁵⁵ преодолел несколько последовательных этапов,

---

⁵⁰ Поэтапный характер формирования Европейского союза отразился на внутреннем устройстве этой организации, которая изначально не обладала единой правосубъектностью и включала три структурных компонента (опоры) со своим автономным правопорядком. См.: Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / В.А. Жбанков, П.А. Калинин, С.Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте 7 февраля 1992 года), Договор о функционировании Европейского Союза (подписан в г. Риме 25 марта 1957 года), Хартия Европейского Союза об основных правах (принята в г. Страсбурге 12 декабря 2007 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵² Это обстоятельство подчеркнул и сам Суд Европейского союза в Решении от 23 апреля 1986 года № 294/83 по делу «*Les Verts v. Parliament*». EU:C:1986:16 (пар. 23). Здесь и далее решения Суда Европейского союза приводятся по данным официального сайта. URL: <https://curia.europa.eu/juris/recherche.jsf?language=en> (дата обращения: 20 декабря года).

⁵³ См.: Харбермас Ю. Кризис Европейского Союза в свете конституционализации международного права // Дайджест публичного права Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2013. Вып. 2. № 1. С. 18.

⁵⁴ См.: Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁵ Высший судебный орган Европейского союза, как, впрочем, и сам Союз имел на протяжении истории несколько наименований. Для упрощения в настоящей работе используется единый термин – Суд

начиная с известного дела *Van Gend en Loos*⁵⁶, в котором было отмечено, что Сообщество образует новый международно-правовой порядок. По замечанию К. Ленарта, из решения по названному делу вытекает, что автономия европейского правопорядка рассматривается в двух аспектах: негативном (союзное право не является «обычным международным правом») и позитивном (нормы, установленные в Европейском союзе, являются самодостаточными)⁵⁷. Впоследствии, Суд Европейского союза в деле *Costa v. ENEL* прямо указал, что в отличие от обычных международных договоров, Договор создал свою собственную правовую систему, которой их суды обязаны строго придерживаться⁵⁸.

Кроме того, в деле *Kadi-I* Суд Европейского союза, признавая приоритет обязательств, вытекающих из участия в Организации Объединенных Наций, перед вторичным правом Союза, тем не менее подчеркнул, что это не относится к нормам первичного права – Договорам и Хартии. Как отмечается в литературе, решение по делу *Kadi-I* было намеренно сформулировано и аргументировано Судом Европейского союза таким образом, чтобы распространить принятый в отношении решений органов Организации Объединенных Наций подход и на другие случаи взаимодействия с нормами международного права⁵⁹. Впоследствии, в деле о возможности присоединения к Конвенции о защите прав человека и

Европейского союза, который в общем плане обозначает соответствующий судебный орган, принявший конкретное судебное решение.

⁵⁶ Постановление Суда Европейского союза от 5 февраля 1963 года по делу № 26-62 «*NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*». ECLI:EU:C:1963:1.

⁵⁷ *Lenaerts K.* The autonomy of European Union Law // I Post di Aisdue, I (2019) Sezione «Convegni annuali e interinali Aisdue» n. 1, 28 ottobre 2018. URL: https://www.aisdue.eu/wp-content/uploads/2019/04/001C_Lenaerts.pdf (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

⁵⁸ Постановление Суда Европейского Союза от 15 июля 1964 года по делу № 6/64 «*Costa v ENEL*». EU:C:1964:66.

⁵⁹ См.: *Burka G. de.* The European Court of Justice and the International Legal Order after Kadi // Harvard International Law Journal. 2009. Vol. 51. № 1. P. 48. URL: <https://ilj.org/wp-content/uploads/2016/08/de-Burca-The-European-Court-of-Justice-and-the-International-Legal-Order-after-Kadi-2009.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

основных свобод (далее – Европейская конвенция)⁶⁰ Суд Европейского союза, опираясь на высказанную в деле *Kadi-I* позицию, отметил, что включение Европейской конвенции в систему союзного права не согласуется с принципами автономии правового порядка Европейского союза и единообразного применения соответствующих норм⁶¹. В данном решении было подчеркнуто, что автономный характер правового порядка Европейского союза предполагает толкование основных прав человека осуществлялось исключительно в рамках институциональной структуры самого Союза, а в случае присоединения Европейского союза к Европейской конвенции эта Конвенция войдет в союзный правовой порядок, где абсолютным приоритетом перед всеми международными договорами, включая Устав ООН, обладают учредительные договоры Европейского союза⁶². При этом Суд Европейского союза исходил из того, что «правовой порядок ЕС является полностью автономным и в нем провозглашен приоритет любых нормативных актов ЕС над нормами национального права государств-членов (включая национальные конституции), а учредительные договоры и Хартия основных прав ЕС обладают приоритетом над любыми международными договорами»⁶³.

Тем самым в вопросе о соотношении союзного права с нормами международного права Суд Европейского союза исходя из принципа автономности (независимости и самодостаточности) правовой системы Европейского союза⁶⁴ занимает достаточно жесткую позицию, последовательно придерживаясь принципа верховенства норм первичного

---

⁶⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) // СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

⁶¹ Заключение Суда Европейского союза от 18 декабря 2014 года по делу № 2/13. ECLI:EU:C:2014:2454 (пар. 170–174).

⁶² См. об этом также: *Исполинов А.С.* Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия) // *Международное правосудие.* 2015. № 1. С. 118–134.

⁶³ *Он же.* В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2/13 // *Международное правосудие.* 2018. № 2. С. 16–27.

⁶⁴ *Лифшиц И.М.* Международные договоры государств – членов Европейского союза с третьими странами в практике Суда ЕС // *Международное правосудие.* 2019. № 3. С. 84–101.

союзного права, наделяя его абсолютным иммунитетом (автономностью) в отношении как иных международно-правовых норм⁶⁵, так и внутригосударственного регулирования. Нетрудно заметить, что данная характеристика сближает учредительные документы с государственными конституционными актами. Это позволяет учитывать опыт формирования европейского автономного правопорядка для целей определения признаков автономности в приложении к конституционному праву, хотя и не означает, что автономность Конституции Российской Федерации отождествляется с концепцией автономности права Европейского союза. Тем не менее из изложенного следует, что автономность коммунитарного права основывается на принципе верховенства права Европейского союза. Свойство юридического верховенства, в свою очередь, характеризует и Конституцию Российской Федерации, что дает возможность рассматривать его в качестве предпосылки (основания) для свойства автономности Конституции Российской Федерации, которое в онтологическом аспекте означает, что юридическая сила норм Основного закона, их действительность и порядок изменения заданы непосредственно конституционным регулированием.

Вместе с тем отмеченный аспект не затрагивает проблему определения смысла (содержания) конституционных норм, что является необходимым для оценки согласованности с ними иных правовых предписаний. Поэтому наряду с бесспорным в конституционно-правовом отношении утверждением о высшей юридической силе Основного закона, которому ни один правовой акт, входящий в национальную правовую систему, противоречить не может, в содержании свойства автономности Конституции Российской Федерации

---

⁶⁵ При этом последовательно отстаиваемая Судом Европейского союза позиция о внешней автономности коммунитарного права, по мнению А.С. Исполинова, свидетельствует о выстраивании в рамках Европейского союза как квази-федерации юрисдикционного суверенитета (характерного для независимых государств). См.: *Исполинов А.С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. Т. 15. № 5. С. 270–271.

усматривается наличие семантического элемента – автономного значения конституционных норм.

Вопрос автономного значения (смысла, содержания) не получил основательного и детального осмысления в конституционно-правовой литературе⁶⁶, однако ставился применительно к автономности отраслевого правового регулирования.

В частности, Д.В. Винницкий со ссылкой на французских исследователей отмечал, что «когда налоговый закон использует юридический термин, чтобы квалифицировать те или иные фактические обстоятельства, из этого [...] не вытекает, что этот термин должен быть взят в том юридическом смысле, какой он может иметь в гражданском или коммерческом праве»⁶⁷. Впрочем, сам автор придерживается той позиции, что абсолютизировать приведенное правило нельзя, а принцип автономии налогового права не должен сводиться к его противопоставлению остальной правовой системе; отказ от применения в налоговом праве понятий из других отраслей допустим только если их применение становится невозможным⁶⁸.

Из такого понимания принципа автономии налогового права исходит действующий Налоговый кодекс Российской Федерации⁶⁹, согласно которому институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в данном Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено этим Кодексом

---

⁶⁶ В данном аспекте об автономности конституции говорил, например, Г.А. Гаджиев, указывая на ситуации, когда подконституционное законодательство противоречит основному закону настолько, что конституция оказывается «задернута занавесом» из этих законов. Однако подробно данная идея в его исследовании не анализировалась. См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 207.

⁶⁷ *Винницкий Д.В.* Концепция автономии налогового права и ее влияние на законодательство и судебную практику // Законодательство. 2003. № 5. Доступ СПС Гарант.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СЗ РФ Российской Федерации. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824.

(пункт 1 статьи 11)⁷⁰. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, «приоритет при уяснении значения налогового института, понятия или термина отдается [...] налоговому законодательству; и только при отсутствии возможности определить содержание налогового института, понятия или термина путем истолкований положений налогового законодательства в их системной связи допускается использование норм иных отраслей законодательства»⁷¹.

Размышляя об автономности уголовного права, В.В. Хилюта отмечает, что сформулированные в уголовном праве подходы к толкованию тех или иных понятий и категорий должны применяться только для уголовно-правовых целей и не могут распространяться на иные отрасли права⁷². На примере понятия «имущество» автор доказывает, что данное понятие, хотя и заимствовано из гражданского права, имеет в уголовном праве собственное, автономное значение. Аналогичной точки зрения придерживается и М.А. Михеенкова, которая указывает на то, что уголовный закон нередко защищает межотраслевые ценности, поэтому судье, разрешающему дело, надлежит руководствоваться не легальными определениями этих отраслей, а целями уголовного судопроизводства и обстоятельствами конкретного дела⁷³.

Если обратить приведенные рассуждения к конституционному праву, то его автономность (как отрасли права) обнаруживается без труда, с учетом того, что оно во многом основано на понятиях, не имеющих иной отраслевой

---

⁷⁰ В литературе это называют проявлением субсидиарности в налоговом праве. См.: Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М., 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 24-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Печоранефтегаз» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 32¹ Федерального закона «О введении в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах» (абзац четвертый пункта 2). Здесь и далее, если не указано иное, решения Конституционного Суда Российской Федерации приводятся по данным его официального сайта: Решения КС РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 1 декабря 2022 года).

⁷² Хилюта В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex russica 2019. № 4. С. 117–128.

⁷³ Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 8. С. 73–78.

принадлежности. Такие понятия закреплены, например, в нормах, определяющих статус высших органов государственной власти, что относится исключительно к предмету конституционного права. Кроме того, заимствуя правовые понятия из других отраслей, конституционное право может наделять их новым, отличающимся значением. В конституционном законодательстве принцип автономности понятий означает, что собственный смысл имеет закрепленное избирательным законодательством понятие «место жительства»⁷⁴, отличающееся от понятия «место жительства», предусмотренного Гражданским кодексом Российской Федерации (пункт 1 статьи 20)⁷⁵. Об автономном значении судимости, которое она приобретает за пределами уголовно-правового регулирования, применительно к ограничениям избирательных прав говорил, пусть и небесспорно, в ряде решений Конституционный Суд Российской Федерации⁷⁶. Такого рода автономное значение отраслевых (равных по юридической силе) норм с достаточной степенью свободы устанавливается и изменяется законодателем, определяющим сферу действия тех или иных понятий, или на основе обычных правил толкования судами⁷⁷.

Вместе с тем автономное значение в соотношении с отраслевым законодательством приобретает и Конституция Российской Федерации, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской

---

⁷⁴ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (подпункт 4 статьи 2) // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

⁷⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁷⁶ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 450-О «По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2¹ статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (абзац первый пункта 3.2); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 1207-О «По жалобе гражданина Тоторкулова Алия Хасановича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также частью 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (абзац девятый пункта 2.1).

⁷⁷ О способах разрешения коллизий юридических норм см., напр.: *Петров А.А.* Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 28–41.

Федерации. Например, разрешая вопрос о запрете осуществления предпринимательской деятельности депутатами Государственной Думы, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что по общему правилу статус участника (учредителя) хозяйственного общества не свидетельствует об осуществлении предпринимательской деятельности, однако по смыслу статьи 97 (часть 3) Основного закона «вхождение в состав органов управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации и участие в работе высшего органа управления хозяйственным обществом [...], безусловно, является видом экономической деятельности, поскольку связано с участием в управлении деятельностью соответствующей коммерческой организации, которая по своей природе относится к предпринимательской деятельности». С учетом данной позиции из системного толкования статей 35 и 97 Конституции Российской Федерации было выведено конституционное содержание понятия предпринимательской деятельности, отличающееся от определения этого понятия, которое формально дается Гражданским кодексом Российской Федерации (абзац третий пункта 1 статьи 2)⁷⁸.

Эта позиция дает основания к тому, чтобы в поисках признаков автономности Конституции Российской Федерации обратиться к анализу конституционно-судебной интерпретационной практики для выявления особенностей содержания конституционных норм в их сопоставлении с развивающимися отраслевыми законодательными нормами, тем более что в литературе автономия конституционного права (под которым, как отмечено выше, понимается не отрасль конституционного права, а конституция) связывается именно с наличием конституционного судебного контроля. О. Пферсманн, например, отмечал, что характеристика автономии возникает

---

⁷⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (абзац третий пункта 4.3) // СЗ РФ. 07.01.2013 года. № 1. Ст. 78.

тогда, когда конституционное право формально отделено от остального законодательства и его применение подлежит юрисдикционному контролю⁷⁹.

Таким образом, проблема различающегося – конституционного и отраслевого – понимания одного и того же понятия предполагает постановку вопроса о соотношении содержания нормы Конституции Российской Федерации и развивающего ее регулирования. С учетом этого автономность как юридическое свойство Конституции Российской Федерации характеризует ее в двух аспектах – онтологическом (нормы Основного закона обладают верховенством и юридически не зависят от иных правовых норм) и семантическом (нормы Конституции Российской Федерации имеют самостоятельное значение). Это позволяет в предварительном порядке сформулировать гипотезу о наличии у норм Конституции Российской Федерации автономного значения, не зависящего от иных правовых актов, которые могут оказывать влияние на содержание конституционных предписаний.

Параграф 2. Автономное значение норм Конституции Российской Федерации

Соотношение Конституции Российской Федерации с положениями внутригосударственного правового регулирования преимущественно анализируется с точки зрения влияния, которое Основной закон оказывает на правовую систему⁸⁰. Особое значение в литературе придается также конституционным нормам-целям, нормам-принципам и нормам-дефинициям, которые, хотя и не регулируют конкретных правоотношений, влияют на всю правовую систему⁸¹. По справедливому замечанию А.А. Югова, в конституционном праве используется метод макросистемного правового

---

⁷⁹ Пферсманн О. Автономизация конституционного права во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 57.

⁸⁰ См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016.

⁸¹ Сергеев С.Л. К вопросу о механизмах реализации и охраны конституции // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5(65). С. 7.

регулирования, благодаря которому нормы конституционного права с помощью понятий и абстракций определяют статус и развитие самых крупных общественных систем, таких, как государство и государственные образования, избирательный корпус, статус личности, представительная система, публичная власть, и др.⁸².

Ценность конституционного регулирования усматривается в его возможности в «концентрированной форме создавать непосредственную базу развития общественного отношения даже без дальнейшего законодательного регулирования»⁸³. Общее признание того, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и может применяться непосредственно послужило также основанием для вывода об отсутствии необходимости принятия развивающего ее законодательства в силу возможности непосредственного применения Основного закона, который действует даже без конкретизирующих его норм⁸⁴.

Между тем категоричное и безоговорочное утверждение о возможности непосредственного применения Конституции Российской Федерации означало бы отрицание роли законодательного регулирования в российской правовой системе, с чем согласиться нельзя. Напротив, как верно отмечают Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин, осуществление многих конституционных норм требует принятия законов⁸⁵. Подобной позиции придерживается и Н.Е. Таева, которая подчеркивает, что Конституция Российской Федерации как нормативный акт высшего порядка представлена наиболее общими и абстрактными нормами, а содержащиеся в ней термины и понятия получают свое развитие и конкретизацию в текущем

---

⁸² Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

⁸³ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 195.

⁸⁴ Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М., 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 123–124.

законодательстве⁸⁶. Пленум Верховного Суда Российской Федерации также формулирует сдержанную позицию о непосредственном применении Основного закона судами в тех случаях, когда закрепленные нормой Конституции Российской Федерации положения, «исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения» и указывает на необходимость применения закона в случаях, когда статья Конституции Российской Федерации является отсылочной⁸⁷.

Сама сущность Основного закона, соответственно, объективно предполагает, что подконституционное регулирование, развивающее предписания более высокого порядка на основании интерпретации соответствующих принципов и ценностей, претворит в жизнь намеченные конституционным законодателем установки с учетом и социально-политических реалий конкретного общества⁸⁸. Поэтому обоснованным представляется тот подход, что законодательное регулирование необходимо для полноценного применения большинства положений Конституции Российской Федерации, которая, как указывал В.Д. Зорькин, «живет в законах»⁸⁹.

Этим не опровергается принцип верховенства Конституции Российской Федерации, который учитывает, что конституционные нормы не всегда регламентируют наиболее значимые общественные отношения в полном объеме, перекладывая детализацию на нижестоящий уровень

---

⁸⁶ Таева Н.Е. Дефиниции в конституционном праве: технико-юридический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2713.

⁸⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

⁸⁸ Пресняков М.В. Стабильность Конституции РФ и конституционная определенность: к вопросу об особенностях российского конституционализма // Гражданин и право. 2021. № 4. Доступ из СПС «Гарант».

⁸⁹ Зорькин В.Д. Конституция живет в законах: резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1–5.

регулирования⁹⁰. Из аналогичного понимания верховенства Основного закона исходит В.В. Гошуляк, который рассматривает данный принцип с точки зрения двух аспектов: поведенческого (свойство, определяющее главенствующее положение конституции во всей системе национального законодательства и обязывающее все органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, учреждения, организации, граждане и их объединения обязаны соблюдать конституцию) и регулирующего (конституция закрепляет наиболее важные общественные отношения, которые находят свое выражение и конкретизацию в текущем законодательстве)⁹¹.

Как отмечал А.А. Белкин, «развитие конституционных положений в актах текущего законодательства достигается за счет сообщения отдельным нормативным актам элементов содержания, которое присуще Основному закону»; одной из форм такого развития является производное нормотворчество, осуществляемое посредством⁹²:

- конкретизации – перевода абстрактного содержания нормы конституции на более конкретный уровень⁹³;
- дополнения – расширения содержания отдельных элементов конституционного предписания⁹⁴;

---

⁹⁰ *Кравец И.А.* Верховенство конституции – принцип конституционализма // Журнал российского права. 2002. № 7. Доступ из СПС «Гарант».

⁹¹ *Гошуляк В.В.* Верховенство Конституции Российской Федерации // Публичное право сегодня. 2021. № 4. Доступ из СПС «Гарант».

⁹² *Белкин А.А.* К соотношению Конституции и государственно-правовых актов (производное нормотворчество) // Правоведение. 1985. № 5. С. 3–10. Хотя эта классификация и была выработана задолго до принятия Конституции Российской Федерации, она с достаточной степенью полноты охватывает и современное конституционное регулирование, а потому может быть использована для оценки норм действующего Основного закона.

⁹³ Конституция Российской Федерации в числе прочего наделяет родителей правом и обязанностями в части заботы о детях и их воспитания (статья 38, часть 2), а Семейный кодекс Российской Федерации, в свою очередь, перечисляет в Главе 12 конкретные права и обязанности родителей.

⁹⁴ Дополнение и конкретизация, по мнению А.А. Белкина, различаются тем, что при конкретизации обязательно существует норма основного закона, конституционное содержание которой уточняется действующим законодательством, в то время как при дополнении конституционной нормы какого-либо определенного содержания у нее нет – оно полностью определяется законом. В качестве примера А.А. Белкин приводит статью 121 Конституции СССР, которая предусматривала, что Президиум Верховного Совета СССР осуществляет *другие полномочия*, установленные Конституцией СССР и законами СССР (п. 18). Соответственно, законодательство, вводящее полномочия Президиума Верховного Совета СССР,

– замещения – реализации в подконституционном регулировании одного из вариантов альтернативного конституционного предписания, вследствие чего конституционная норма действует в том варианте, который закреплен в развивающем законодательстве⁹⁵;

– исключения – введения в законе дополнительных условий, при которых конституционная норма не применяется⁹⁶;

– введения определений – закрепления в законодательстве дефиниций для конституционных понятий при сохранении их конституционного содержания)⁹⁷.

По существу, в каждом из указанных случаев нормотворческий орган на основе собственного толкования норм конституции принимает решение об их содержательном наполнении в отраслевом регулировании. Зависимость конституционных норм от производного нормотворчества проявляется при этом не только в части определения их содержания в подконституционном регулировании. Так, публичная власть на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской

дополняет конституционную норму. Примером дополнения Конституции Российской Федерации является часть 6 статьи 125, согласно которой Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом. Основной закон не уточняет, какого рода могут быть такие полномочия и тем самым уполномочивает законодателя на дополнение конституционной нормы.

⁹⁵ Основной закон допускает установление в федеральном законе альтернативного порядка назначения на должность и освобождения от должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров (статья 129, часть 6). В настоящее время реализация этого полномочия отнесена к компетенции Генерального прокурора Российской Федерации, однако названная конституционная норма, рассматриваемая во взаимосвязи с частью 5 той же статьи, не исключает, что на уровне федерального законодательства данное полномочие будет закреплено, например, за Президентом Российской Федерации.

⁹⁶ В современном конституционном праве примером такого производного нормотворчества можно назвать законодательное закрепление дополнительных оснований для лишения избирательного права. Конституция Российской Федерации исходит из того, что не имеют избирательного права недееспособные и содержащиеся в местах лишения свободы граждане. Законодатель же дополнительно установил большую группу других исключений из действия части 1 статьи 32 Конституции Российской Федерации. См.: Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

⁹⁷ Согласно статье 69 Основного закона Россия гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (часть 1). Определение понятия «коренные малочисленные народы» дается в федеральном законодательстве, которое, фактически, и определяет круг лиц, являющихся субъектами указанной конституционной нормы. См.: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.

Федерации и на других территориях может осуществляться в общем порядке, а может – с особенностями, если они установлены федеральным законом – допускающая это конституционная норма (статья 131, часть 3), следовательно, реализуется лишь при наличии соответствующего федерального закона. Существование федеральных территорий, предусмотренных теперь Конституцией Российской Федерации, полностью зависит от усмотрения федерального законодателя и принятия соответствующего федерального закона, без которого часть 1 статьи 67 Основного закона имеет значение программного положения. От указанных ситуаций необходимо отличать конституционные нормы, из которых следует обязательность, пусть и условная в некотором смысле, принятия необходимого нормативного регулирования. Так, без принятия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании невозможна реализация инициативы о пересмотре Конституции Российской Федерации (часть 2 статьи 135)⁹⁸. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта не состоятся без соответствующего федерального конституционного закона (часть 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации). В этом смысле Основной закон не оставляет федеральному законодателю возможности уклониться от непосредственной реализации конституционного предписания по принятию соответствующего регулирования, если возникнет необходимость прибегнуть к той или иной конституционной процедуре.

Необходимость производного нормотворчества тем самым продиктована самим текстом Конституции Российской Федерации, закрепляющим основы конституционного строя российского государства, права и свободы личности, устройство основных органов публичной власти, а также порядок принятия конституционных поправок. При этом в силу

---

⁹⁸ С.А. Авакьян при этом отмечает, что принятие такого закона является обязательным. См.: *Авакьян С.А. Надо ли принимать и применять положенные законы: конституционно-правовые подходы // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 38–45.*

части 3 статьи 55 и пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации регулирование и защита прав и свобод, а также установление их ограничений отнесены к сфере ведения федерального законодателя⁹⁹, что само по себе предполагает его активное участие в наполнении конкретным содержанием норм Основного закона при осуществлении производного нормотворчества. Кроме того, Конституция Российской Федерации рассматривает федеральный закон как нормативный правовой акт общего действия¹⁰⁰ и отводит ему значительную роль не только в регламентации вопросов, связанных с правами и свободами, но и в области организации государственной власти, предусматривая необходимость законодательного определения порядка деятельности Правительства Российской Федерации и формирования Совета Федерации, выборов Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, установления общих принципов организации публичной власти в субъектах Российской Федерации, а также разрешения других вопросов связанных с устройством государства.

Концепция производного нормотворчества, согласующаяся с разработанной Г. Кельзеном теорией иерархического правопорядка¹⁰¹, не ставится в настоящей работе под сомнение как таковая. Однако в

---

⁹⁹ Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что «наполнение конкретным содержанием установленного частью 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации запрета осуществляется федеральным законодателем». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (абзац третий пункта 5.1) // СЗ РФ. 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

¹⁰⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 года № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» (абзац шестой пункта 4) // СЗ РФ. 19.01.1998. № 3. Ст. 429.

¹⁰¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015. С. 249. Впрочем, сам ученый, отмечая, что правопорядок является системой норм, в рамках которого каждая вышестоящая норма при этом является источником для нормы нижестоящей, не рассматривал именно конституцию в качестве нормы, возглавляющей правопорядок, и формулировал *Grundnorm* следующим образом: «Должно поступать, как предписано конституцией» (См.: Kelsen H. General theory of law and state. Cambridge, 1949. Цит. по: Богданова Н. А., Шустров Д. Г. Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том I: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции. СПб., 2012. С. 627). Таким образом, за рамками конституционного регулирования должно было существовать еще более основополагающее нормативное предписание, что фактически отрицает онтологическую автономность конституции.

утверждениях о развитии и детализации Конституции Российской Федерации в нижестоящем регулировании акцент преимущественно ставится на том влиянии, которое она оказывает на законодательные и подзаконные нормы (в частности, исследователи говорят об особом семантическом поле конституционных норм, которое задает контекстуальное поле для правовых актов нижестоящего уровня¹⁰²), а важный в контексте свойства автономности Основного закона аспект, связанный с влиянием действующего регулирования на содержание конституционных норм, остается без внимания.

В целом непосредственное отражение в Основном законе тех или иных норм обуславливается важностью конкретной сферы регулирования, которую конституционный законодатель обеспечивает дополнительной защитой, выводя из области свободного усмотрения ординарного законодателя. В то же время большинство положений о конституционных правах, свободах и обязанностях сформулированы таким образом, что именно законодатель, по существу, задает содержание и сферу применения соответствующей нормы Конституции Российской Федерации, определяя ее значение в конкретных отраслевых правоотношениях. Даже несмотря на конституционные принципы прямого действия Конституции Российской Федерации и непосредственного действия прав и свобод (статьи 15 и 18), для их реализации необходимо законодательное регулирование. По верному замечанию А.Н. Кокотова, положения Основного закона, хотя и представляют собой нормы прямого действия, в значительной степени опираются на развивающие и конкретизирующие их законы¹⁰³. Утверждение о том, что прямое действие конституционных норм еще не означает их

---

¹⁰² Пресняков М.В. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ее отраслевая интерпретация // Гражданин и право. 2014. № 11. Доступ из СПС «Гарант».

¹⁰³ Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1512–1513.

непосредственную реализацию, высказывалось также и в советской государственной-правовой науке¹⁰⁴.

В части производного регулирования нормотворческие органы (прежде всего – законодательные) имеют весьма широкие пределы усмотрения, которые ограничиваются в большей степени конституционными принципами с динамичным содержанием, а не непосредственно текстом Конституции Российской Федерации. Например, законодатель вправе достаточно свободно определять конкретные параметры порядка формирования (избрания) конкретных государственных органов¹⁰⁵. В сфере же регулирования и защиты прав и свобод усмотрение законодателя сокращается, хотя его пределы зависят от конкретных прав и свобод – в вопросе регулирования социально-экономических прав усмотрение законодателя традиционно шире, поскольку иначе, как отмечал, в частности, Н.С. Бондарь государство независимо от объективных социально-экономических условий и факторов было бы связано необходимостью направления строго определенного объема финансово-бюджетных ресурсов на цели социальной защиты¹⁰⁶.

Этим, безусловно, не отменяются требования к соблюдению нормотворческой процедуры и конституционных принципов, к числу которых относятся:

– принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционными критериями оценки законодательного регулирования,

---

¹⁰⁴ *Мазаев В.Д.* Реализация конституционных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. С. 8.

¹⁰⁵ Примечательно, что классические принципы проведения выборов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сформулированы Конституцией Российской Федерации лишь применительно к избранию Президента Российской Федерации (статья 81, часть 1). Тем не менее, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, в этой специальной норме по смыслу статей 1, 2, 3, 17, 19, 60 и 81 Конституции Российской Федерации выражены общие принципы, лежащие в основе реализации конституционного права гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным на подлинных свободных выборах. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2002 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Салямова» (абзац четвертый пункта 3) // СЗ РФ. 11.02.2002. № 6. Ст. 627.

¹⁰⁶ См.: *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. С. 364–365.

причем не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона¹⁰⁷;

– конституционные цели и ценности, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные обязательства Российской Федерации¹⁰⁸;

– универсальные принципы юридической ответственности¹⁰⁹;

– баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами¹¹⁰;

– социальные, экономические и иные факторы, определяющие объективные пределы его конституционных полномочий¹¹¹;

– сложившаяся в России отраслевая система правового регулирования и общие принципы соответствующих отраслей права – публичного или частного¹¹².

---

¹⁰⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 года № 1136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Музы Светланы Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 1, 9 и 12¹ Закона Вологодской области «О бесплатном предоставлении в собственность отдельным категориям граждан земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на территории Вологодской области» (абзац третий пункта 2).

¹⁰⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2020 года № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой» (абзац первый пункта 3) // СЗ РФ. 13.04.2020. № 15 (часть IV). Ст. 2431.

¹⁰⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2021 года № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» (абзац второй пункта 2).

¹¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» (абзац седьмой пункта 2) // СЗ РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

¹¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» (абзац первый пункт 3.4) // СЗ РФ. 04.08.2008. № 31. Ст. 3763.

¹¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2020 года № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 193 и пункта 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об

Между тем, взятые в своем абстрактном значении, эти принципы также не задают каких-либо конкретных конституционных пределов законодательного влияния на содержание норм Конституции Российской Федерации, тем более что, как показывает анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации, они обычно приводятся в решениях органа конституционного контроля в общем виде и без детализации. Иначе говоря, перечисленные принципы не отвечают на вопрос о том, в какой части производное нормотворчество является определяющим для содержания предписаний Основного закона, поскольку представляют собой в большей степени ориентиры для отраслевого нормотворчества, а не конкретные его параметры. По справедливому замечанию С.А. Авакьяна, ситуация, когда реализация правила, закрепленного в Конституции Российской Федерации в виде тезиса, в полной мере зависит от текущего регулирования, – «самая болезненная проблема теории Конституции и в целом конституционного права»¹¹³.

Влияние законодательства на содержание конституционных норм подтверждается рядом примеров, которые могут быть систематизированы в зависимости от сферы правового регулирования.

Так, относящиеся к числу основ конституционного строя положения статьи 6 Конституции Российской Федерации предполагают принятие специального федерального закона, который определяет понятие российского гражданства, устанавливает порядок его приобретения и прекращения¹¹⁴. При этом, хотя Основной закон непосредственно данные вопросы не регламентирует, из его смысла вытекает ряд требований к нормативному регулированию вопросов гражданства. В этом контексте

ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Центр-Продукт» (абзац второй пункта 2) // СЗ РФ. 18.05.2020. № 20. Ст. 3226.

¹¹³ Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26.

¹¹⁴ Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.06.2002. № 22. Ст. 2031.

заслуживает упоминания то обстоятельство, что несмотря на сформулированное в законодательстве понятие гражданства как устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей, Конституционный Суд Российской Федерации особо подчеркивает, что гражданами являются лица находящиеся в особой и устойчивой *политико-правовой* связи с государством¹¹⁵. Этот акцент стал значимым элементом аргументации в решении о конституционной допустимости ограничения пассивного избирательного права по основанию снижения значимости политической связи лица с отечественным правопорядком, обусловленным наличием у него иного гражданства.

Гарантированные Конституцией Российской Федерации личные права, относятся к группе прав первого поколения¹¹⁶, однако в современном конституционном праве рассматриваются как права, требующие участия государства в их осуществлении, в том числе посредством введения необходимых законодательных норм. Об этом говорил, например, Европейский Суд по правам человека в одном из прецедентных решений, указывая на то, что у государства могут быть не только обязательства воздерживаться от произвольного вмешательства (в частности, в частную жизнь), но и обязательства, которые заключаются в том, чтобы предпринимать действия, необходимые для эффективной защиты частной или семейной жизни; такого рода обязательства «могут включать принятие

---

¹¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3¹ статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (абзац первый пункта 2.1).

¹¹⁶ «Группу личных прав и свобод иногда называют негативными, так как они выражают независимость личности от государственных институтов и обозначают пределы вмешательства государства в область свободы и самовыражения индивида». См.: Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41–46.

мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений лиц между собой»¹¹⁷.

В частности, Конституция Российской Федерации, закрепляя право на жизнь (статья 20), не определяет момент ее начала и окончания, что, с одной стороны, позволяет соответствующие положения предусмотреть в отраслевом регулировании¹¹⁸, а с другой – предполагает постановку вопроса о возможности существования конституционных критериев возникновения жизни и наступления смерти, которые могут иметь значение при разрешении ряда вопросов, касающихся, например, соматических и репродуктивных прав.

Конституционный запрет пыток оставляет открытым вопросы о том, какие именно действия представляют собой запрещенные Конституцией Российской Федерации (статья 21, часть 2) пытки, и о том, совпадает ли с содержанием конституционного понятия то определение, которое пыткам дает Уголовный кодекс Российской Федерации (Примечание 1 к статье 286)¹¹⁹.

Конституция Российской Федерации требует отражения в законе допустимых случаев и условий проникновения в жилище (статья 25), чтобы поиск преступника и получение доказательств его виновности или спасение соседей от затопления не превращались в произвол и соответствовали конституционным гарантиям неприкосновенности жилища. Что именно считать «жилищем» в контексте указанной статьи, т.е. местом, проникновение в которое допустимо лишь по судебному решению,

---

¹¹⁷ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2004 года по делу «*Von Hannover v. Germany*». Здесь и далее решения Европейского Суда по правам человека приводятся по базе данных HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%20> (дата обращения: 2 декабря 2022 года).

¹¹⁸ Моменты начала и окончания жизни определены в действующем законодательстве как момент отделения плода от организма матери посредством родов и момент смерти мозга человека или его биологической смерти (необратимой гибели). См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (статьи 53 и 66) // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

¹¹⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

Конституция Российской Федерации не определяет, и это в свете различающихся трактовок данного понятия в отраслевом законодательстве оставляет открытым вопрос о содержании статьи 25 Основного закона. Эта проблема попала в поле зрения Конституционного Суда Российской Федерации¹²⁰, в который поступила жалоба о признании неконституционными положений законодательства об охоте, позволивших должностным лицам охотничьего надзора без судебного решения проникнуть в принадлежащий заявителю дом, квалифицированный в качестве объекта охотничьей инфраструктуры. Отраслевое (уголовное и уголовно-процессуальное) законодательство по-разному определяло понятие «жилище», в связи с чем был поставлен вопрос о наличии конституционных признаков жилища (например, фактическое использование любого помещения даже для временного проживания), однако данная жалоба была отклонена по формальным основаниям.

Реализация публично-политических прав, в числе которых право активное и пассивное избирательное право, право на участие в отправлении правосудия и др., также в значительной степени поставлена в зависимость от надлежащего законодательного определения избирательных процедур, форм участия в судопроизводстве и т.д. В частности, применительно к регулированию организации избирательной системы (что оказывает непосредственное влияние на соответствующие субъективные конституционные права избирать и быть избранным) Конституционный Суд Российской Федерации прямо отмечал, что оно, как правило, осуществляется не в текстах конституций, а законодательным путем, и от этого зависят

---

¹²⁰ См. подробнее фабулу: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 года № 886-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терехова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 3 статьи 40 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

конкретные параметры избирательной системы (например, ее вид, методика распределения мандатов и т.д.)¹²¹.

Гарантированное статьей 32 (часть 5) Конституции Российской Федерации право граждан участвовать в отправлении правосудия также предполагает наличие детализирующего данное конституционное предписание законодательного регулирования, причем это следует не из текста данной конституционной нормы, а из указания статьи 8 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», который предусматривает определение порядка реализации соответствующего права федеральным законом¹²², хотя Конституция Российской Федерации подобной оговорки не содержит.

Порядок организации и проведения публичных мероприятий, а также определение содержания гарантированных Конституцией Российской Федерации (статья 31) видов манифестаций – собрания, митинга и демонстрации, шествия и пикетирования также осуществляется федеральным законом¹²³. В частности, законодатель предусмотрел отличающиеся правила проведения одиночных и коллективных пикетирований, хотя непосредственно текстом Основного закона такие отличия не предрешаются. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что обязанность государства осуществлять регулирование отношений, связанных с организацией и проведением мирных собраний, вытекает из самой природы соответствующего конституционного права и заложенных в нем политических и публично-правовых началах¹²⁴.

---

¹²¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 1995 года № 77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (абзац первый пункта 2).

¹²² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.

¹²³ Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 21.06.2004. № 25. Ст. 2485.

¹²⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 года № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых

Весьма значительна роль законодательства в области определения содержания экономических и социальных прав, обладающих особой конституционной природой и традиционно предполагающих достаточно широкое поле законодательного усмотрения.

Так, гарантирующая право наследования часть 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации не уточняет содержание данного права и также оставляет с формальной точки зрения закрепление его объема в пределах усмотрения законодателя (например, в части установления очередности наследников). Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, положение статьи 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации не может рассматриваться как гарантирующее не указанным в законе дальним родственникам умершего (например, двоюродным и троюродным) право наследовать его имущество при отсутствии более близких родственников и наследников по завещанию¹²⁵.

Законом же в силу Конституции Российской Федерации устанавливаются государственные пенсии и социальные пособия (статья 39, часть 2) и само по себе их закрепление на конституционном уровне не позволяет отказаться в принципе от существования таких выплат. Однако перечень конкретных видов государственных пенсий и социальных пособий, порядок и условия их предоставления находятся в области законодательной дискреции. С формальной точки зрения лишь то, что законодатель отнесет к пенсиям и социальным пособиям, и будет обязательным для предоставления гражданам – сама Конституция Российской Федерации не задает в своем тексте никаких признаков, позволяющих выяснить, что из себя представляют соответствующие меры государственной поддержки.

вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» // СЗ РФ. 11.11.2019. № 45. Ст. 6407.

¹²⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 года № 200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дружининой Ненеллии Константиновны и Кадария Тамары Константиновны на нарушение их конституционных прав отдельными положениями статей 527, 532 и 552 Гражданского кодекса РСФСР» (абзац второй пункта 2).

Гарантирует Основной закон предоставление жилья малоимущим, оставляя в дискреции законодателя разрешение вопроса об определении круга граждан, относящихся к «малоимущим», а также о возможности предоставления жилья иным категориям лиц (например, нуждающимся, военнослужащим и т.д.) с тем условием, что порядок такого жилищного обеспечения, как, собственно, и само «жилье», его понятие и нормативы предоставления, также будут определены в законе (статья 40, часть 3).

Конституцией Российской Федерации закреплена общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях (статья 43, часть 2). Определение же конституционных понятий «дошкольное образование», «основное общее образование», «среднее профессиональное образование» вынесено за пределы конституционного регулирования, поскольку устанавливать конкретные этапы освоения образования и содержание соответствующих стадий образовательного процесса, которые надлежит пройти для получения определенной образовательной квалификации, надлежит с учетом изменчивых социально-экономических факторов, таких как количество граждан, нуждающихся в образовании, состояние образовательной инфраструктуры и уровень подготовки педагогов, текущий и ожидаемый запрос на образование и т.д. При этом от того, как законодатель определит, например, оказываемое в силу Конституции Российской Федерации бесплатно «основное общее образование» будет среди прочего зависеть то, сколько лет обучения в школе полагается оплачивать из государственного бюджета. Проблему соотношения конституционно-гарантированных уровней бесплатного образования и определенных в порядке реализации Конституции Российской Федерации законодателем ступеней образования (общего) затрагивал и Конституционный Суд Российской Федерации, который отмечал, в частности, что государственный минимальный социальный

стандарт основных показателей жизни детей включает в себя гарантирование среднего (полного), т.е. не только основного общего, образования¹²⁶.

Содержание предусмотренных Основным законом процессуальных гарантий также во многом определяется законодательным регулированием.

Сама Конституция Российской Федерации, например, прямо говорит о необходимости законного определения подсудности того или иного дела и закрепляет соответствующее право любого лица (статья 47, часть 1). Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, данное положение предполагает, что рассмотрение дел должно осуществляться *законно установленным* (т.е. именно в федеральном законе должны определяться критерии подсудности конкретных судебных дел), а не произвольно выбранным составом суда, и исключает возможность решения вопроса о передаче дела в тот или иной суд в отсутствие законодательно закрепленных оснований для этого¹²⁷.

Согласно Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых надлежит определить федеральному законодателю (статья 51, часть 1). Кого считать «супругом», т.е. лицом, против которого свидетельствовать не обязывает непосредственно конституционный текст Конституция Российской Федерации не определяет, вследствие чего сфера действия данной нормы устанавливается на основании законодательно установленных критериев супружества, которое в силу статьи 10 Семейного кодекса Российской Федерации представляет собой

---

¹²⁶ Данная позиция была сформулирована применительно к ранее действовавшему образовательному законодательству. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 19.06.2000. № 25. Ст. 2728.

¹²⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» (пункт 4) // СЗ РФ. 23.03.1998. № 12. Ст. 1459.

зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния брак¹²⁸. Круг близких родственников и вовсе Конституция Российской Федерации прямо уполномочивает законодателя определить самостоятельно. При этом Конституционный Суд Российской Федерации акцентировал связь рассматриваемого конституционного предписания, устанавливающего неотъемлемое право каждого на защиту себя или своих близких и освобождающего от обязанности ряда лиц давать свидетельские показания, с обладанием доверительной информацией, обусловленным родственными связями или родом профессиональной деятельности, что задает определенные рамки для законодательной конкретизации указанной конституционной нормы¹²⁹. Более того, возможность определения «иных случаев» освобождения от дачи свидетельских показаний (статья 51, часть 2, Конституции Российской Федерации) позволяет федеральному законодателю в рамках своей дискреции определять перечень соответствующих лиц и ситуаций и закреплять такое право, например, за депутатами Государственной Думы и сенаторами Российской Федерации¹³⁰.

В зависимость от законодательного регулирования попадают не только положения о конституционных правах, но и нормы Основного закона, устанавливающие обязанности. Закрепляя обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы, Конституция Российской Федерации буквально предписывает уплатить в казну лишь то, что поименовано в таком качестве законом и тем самым относит к сфере дискреции законодателя определение того, что является налогом и сбором. Вместе с тем

---

¹²⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

¹²⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (абзац пятый пункта б) // СЗ РФ. 26.02.1996. № 9. Ст. 828.

¹³⁰ Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (статья 21) // СЗ РФ. 09.05.1994. № 2. Ст. 74.

конституционное закрепление данных понятий не оставляет поле усмотрения законодателя безграничным и предполагает, например, установление налогов только «законом», что исключает налогообложение на основании подзаконных актов¹³¹. При этом Конституционный Суд Российской Федерации выводит из Основного закона конституционный смысл «законно установленных налогов и сборов», предполагающий, что налоговыми платежами могут быть признаны не любые публично-правовые обязательные перечисления в бюджет, а лишь те, которые отвечают специфическим признакам, т.е. представляют собой законную денежную форму отчуждения собственности в пользу специального бюджетного фонда, направленную на обеспечение публичных расходов публичной власти на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности¹³².

Что касается норм об организации публичной власти, то и в этой сфере можно обнаружить примеры определения содержания конституционного регулирования в законодательстве.

Так, признаки постоянного проживания в Российской Федерации, которое необходимо для замещения ряда публичных должностей (например, Президента Российской Федерации в силу части 2 статьи 81 Конституции Российской Федерации), текстом Основного закона не задаются и подлежат определению в нижестоящем нормативном регулировании. Вместе с тем наличие именно в Конституции Российской Федерации подобного требования позволяет предположить, что в конституционном смысле «постоянное проживание» может определяться более широко или, напротив,

---

¹³¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1999 года № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк» (абзац шестой пункта 2) // СЗ РФ. 08.11.1999. № 45. Ст. 5478.

¹³² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 1997 года № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11¹ Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О Государственной границе Российской Федерации» в редакции от 19 июля 1997 года» (абзац четвертый пункта 2) // СЗ РФ. 17.11.1997. № 46. Ст. 5339.

более узко, чем в отраслевом законодательстве, т.е. иметь независимое значение.

Аналогичным образом нельзя отказать в существовании, например, городским и сельским поселениям¹³³, если Конституция Российской Федерации, как это было до 4 июля 2020 года, предписывает такие муниципальные образования создавать и в них осуществлять местное самоуправление (часть 1 статьи 131¹³⁴), однако конкретные признаки названных территориальных образований надлежит определять именно законодателю. Примечательно при этом, что конституционная норма (в указанной первоначальной редакции) сопротивлялась практике муниципального строительства, которая тем не менее сначала поселения записывала в городские округа, а впоследствии ввела «муниципальные округа», как замену сельским (и не только) районам, которые ни территория, ни плотность населения не позволяли считать полноценными городскими округами с единым хозяйством и плотной застройкой¹³⁵. В итоге конституционная «гиря на ногах законодателя» в виде городских и сельских поселений была устранена и теперь все виды муниципальных образований

---

¹³³ По замечанию Конституционного Суда Российской Федерации, конкретизация федеральным законодателем ключевых, системообразующих понятий, таких как «поселение», «городское поселение» и др., является одной из гарантий права граждан на местное самоуправление в Российской Федерации. См: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2006 года № 469-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Боева Алексея Георгиевича, Лапковской Ольги Васильевны, Листрового Андрея Николаевича и Уланова Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав абзацем третьей части 1 статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Законом Красноярского края «О внесении изменений в Закон края «Об утверждении границы города Норильска с городами Кайеркан, Талнах и поселком Снежногорск» и постановлением Совета Администрации Красноярского края «Об объединении населенных пунктов» (абзац второй пункта 3.2).

¹³⁴ В редакции, действовавшей до вступления в силу Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 16.03.2020. № 11. ст. 1416 (далее также – Закон о поправке к Конституции Российской Федерации).

¹³⁵ Федеральный законодатель, учитывая принцип двухуровневости местного самоуправления, был вынужден сначала адаптировать под нужды укрупнения поселений форму городских округов, а впоследствии – вводить новую форму муниципальных округов (вместо районов, в которые как самостоятельные муниципальные образования входили поселения). Подробнее об этом вопросе см.: *Баженова О.И.* Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58–66.

Конституция Российской Федерации позволяет определять федеральному законодателю¹³⁶.

Из изложенного следует, что федеральный законодатель, являющийся по смыслу Конституции Российской Федерации полноценным и авторитетным интерпретатором Основного закона, уполномочен осуществлять нормативное толкование конституционных норм, которое в силу принципа разделения властей должны уважаться иными ветвями власти¹³⁷, в особенности в части выбора конкретных способов и инструментов правового регулирования, необходимых для решения приоритетных социально-экономических задач¹³⁸. При этом в силу презумпций добросовестности законодателя и конституционности закона, предполагающих, что пока норма не признана неконституционной, ее применение не должно считаться ошибочным¹³⁹, именно нормотворческое толкование Конституции Российской Федерации, результаты которого выражаются в законодательном регулировании, отражает, по общему правилу, исчерпывающее значение буквального смысла конституционных норм¹⁴⁰. Наряду с этим нельзя не учитывать и не имеющий формально-

---

¹³⁶ В развитие конституционной нормы в Государственную Думу был внесен новый закон об организации местного самоуправления, который предполагает отказ от двухуровневой системы местного самоуправления. См.: Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения 14 апреля 2022 года).

¹³⁷ Законодатель, как отмечает А.В. Должиков, выступает первичным субъектом в наполнении нормативным содержанием конституционных прав. См.: *Должиков А.В.* Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2009 года № 1128-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ломашевой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 153 и пунктом 1 статьи 156 Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (абзац первый пункта 3).

¹³⁹ См.: *Сивицкий В.А.* Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты // Юридическая техника. 2010. № 4 С. 499–502.

¹⁴⁰ В американской правовой литературе и практике нашла отражение концепция независимого конституционного толкования (*departmentalism*), которое равноправно осуществляется всеми ветвями

юридического выражения аспект, связанный с тем, что конституционные учреждения и конституции уступают в возрасте, например, известным с древности исковым формулам и купле-продаже, а привычное для конституционного текста право частной собственности возникло задолго до конституции, также как понятия «преступление», «жилище» и многие другие: все они были восприняты в конституционном праве через другие отрасли права и имеют прочные корни за пределами собственно конституционного права и конституции, поскольку зародились и развивались задолго до появления в конституционном тексте¹⁴¹. Поэтому отраслевое содержание такого рода понятий, может оказывать влияние на смысл, который включающие их нормы приобретают в контексте конституционного регулирования.

Таким образом, в Основном законе закреплены нормы, содержание которых зависит от их развития на уровне подконституционного регулирования. Это согласуется с позицией о том, что Конституция Российской Федерации, в принципе не предполагает обязательной конкретизации каждого использованного понятия в ее тексте: для этого принимаются законы¹⁴². Приведенную черту конституций в целом отмечал еще Г. Еллинек, указывая на то, что законодатель вправе придавать определенный смысл положениям конституции, которые «не ясны и растяжимы»¹⁴³. Несмотря на кажущуюся парадоксальность данного

государственной власти. См.: *Fallon R.H.* Judicial Supremacy, Departmentalism, and the Rule of Law in a Populist Age // *Texas Law Review*. 2018. Vol. 96. Issue 3. P. 487–553.

¹⁴¹ Как справедливо отмечает А.Х. Ульбашев, «конституционное право перестает быть «вещью в себе», возлежащей на пьедестале правовой системы, лишь отдаленно оказывая воздействие на базовые отрасли права (в первую очередь на частное право). Цивилистика оказывает на конституционное право не меньшее влияние, чем право конституционное на гражданское право». См.: *Ульбашев А.Х.* Общее учение о личных правах. Москва: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴² *Автономов А.С.* Судебное толкование Конституции Российской Федерации как способ преодоления правовой неопределенности при определении места международных договоров в иерархии нормативных правовых актов в российской правовой системе // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. Выпуск 14. Казань, 2019. С. 46.

¹⁴³ *Еллинек Г.* Конституции, их изменения и преобразования / пер. с нем. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907. С. 12.

утверждения¹⁴⁴, принятое в развитие Конституции Российской Федерации регулирование в некоторых случаях может определять содержание конституционных норм для цели их применения в конкретных отраслевых правоотношениях. Неслучайно в литературе принятие законов, наряду с толкованием конституционных норм Конституционным Судом Российской Федерации, относится к числу способов преобразования Конституции Российской Федерации без изменения ее текста¹⁴⁵.

Можно ли считать, что содержание всех других норм Конституции Российской Федерации в полном объеме задается подконституционным регулированием в порядке производного нормотворчества? Принцип верховенства Основного закона, который сам по себе не исключает существования производного нормотворчества, при изолированном рассмотрении не может служить основанием для ответа на данный вопрос, но во взаимосвязи с семантической автономностью Конституции Российской Федерации дает основания к выводу о том, что смысл конституционных норм не ограничивается их отраслевым значением. Иное, вопреки самой сути Конституции Российской Федерации как нормативного акта, возглавляющего национальную правовую систему, создавало бы условия для неограниченного законодательного усмотрения, поскольку для ограничения действия положений Основного закона было бы достаточно отступить в подконституционном регулировании от буквальных формулировок Конституции Российской Федерации¹⁴⁶. Причем для этого не обязательно

---

¹⁴⁴ Существование изменяющих конституцию законов «конституционно-правовым нонсенсом» и «парадоксом» называет Д.Г. Шустров, уточняя, что это является естественным и неизбежным следствием стабильности конституционного регулирования. См.: *Шустров Д.Г.* Преобразующие Конституцию Российской Федерации неформальные способы ее изменения: между действительностью и конституционностью // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 5 (144). С. 45, 50.

¹⁴⁵ *Медушевский А.* Конституция России: пределы гибкости и возможные интерпретации в будущем // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 15.

¹⁴⁶ Об этом со ссылкой на концепцию автономного толкования см.: *Блохин П.Д.* Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование. С. 75.

На недопустимость решений законодателя, парализующих действие конституционной нормы, прямо указывал Конституционный Суд Российской Федерации. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1999 года № 14-П (абзац шестой пункта 3).

прямо закреплять исключение из конституционного правила – его сферу можно ограничить за счет формального использования иных понятий в отраслевом регулировании.

Так, введенная и последовательно расширяемая федеральным законодателем мера, поименованная «отмена решения о приеме в гражданство», с формальной точки зрения не является «лишением гражданства», прямо запрещенным статьей 6 Конституции Российской Федерации, а потому согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации не вступает сама по себе в противоречие с Основным законом. При этом нельзя не отметить, что с точки зрения содержания «отмена решения о принятии в гражданство», хотя и является конституционно-правовой санкцией, тем не менее по первоначальному значению (отмена лишь принятых на основании подложных документов решений, т.е. ничтожных в юридическом смысле) все же едва ли могла приравняться к лишению гражданства, которым является прекращение отношений гражданства исключительно по инициативе государства. Только нормативная эволюция оснований для отмены решения о принятии в гражданства поставила вопрос о соотношении данной меры, являющейся, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, специфической «конституционно-восстановительной мерой», с лишением гражданства – конституционно-правовой санкцией¹⁴⁷. Тем самым за счет использования понятия «отмена решения о приеме в гражданство» законодатель, как отмечают специалисты, получил возможность обойти конституционный запрет лишения гражданства (по крайней мере в отношении лиц, которые приобрели гражданство не по рождению)¹⁴⁸.

---

¹⁴⁷ См. по этой проблеме развернутую правовую позицию: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 года № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».

¹⁴⁸ По мнению Н.Е. Пирязевой законодатель последовательно «сближает процедуры прекращения гражданства и лишения гражданства, запрещенного ст. 6 Конституции РФ». См.: *Пирязева Н.Е.* Реализация

Конституционный запрет цензуры (статья 29, часть 5, Конституции Российской Федерации) законодатель ограничивает лишь средствами массовой информации¹⁴⁹ и этим формально не исключает цензуру в отношении иных средств распространения информации, даже не имеющих статуса СМИ¹⁵⁰.

В контексте уголовно-процессуального регулирования определяемые законодателем значения понятий «обвиняемый», «преступление» и «приговор», с точки зрения буквального смысла части 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации ограничивали бы действие права на пересмотр судебного акта лишь решениями, вынесенными судом в порядке уголовного судопроизводства¹⁵¹, если бы не позиция Конституционного Судом Российской Федерации, который подчеркнул, что из Основного закона вытекает общее право на пересмотр судебных актов, гарантированное применительно не только к уголовным делам, но и к делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений¹⁵².

Еще более подробно оценить негативные последствия такого подхода позволяет пример толкования статьи 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой международные договоры Российской Федерации имеют приоритет перед федеральным законом (часть 4). Основной закон не

конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 140–147. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁹ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (статья 3) // Российская газета. 8 февраля 1992 года. № 32.

¹⁵⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. С. 273.

¹⁵¹ Более того, не всех таких судебных решений, а лишь приговора, которым согласно пункту 28 статьи 5 УПК Российской Федерации является решение о невинности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (пункт 28 статьи 5) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁵² В частности, гарантии пересмотра применимы к судебному обжалованию в рамках избирательного процесса. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Г.В. Истомина, А.М. Соколова, И.Т. Султанова, М.М. Хафизова и А.В. Штанина» // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 2). Ст. 126.

Важно также отметить, что упомянув статью 50 Основного закона в мотивировочной части данного решения, Конституционный Суд Российской Федерации не указал ее в числе норм, которым не соответствовало законоположение, исключавшее возможность обжалования в кассационном порядке судебных решений по делам о нарушениях избирательных прав граждан.

конкретизирует, что в данном случае понимается под международным договором, которому отдается преимущество перед федеральным законом. С формальной точки зрения Конституция Российской Федерации гарантирует международному договору приоритет лишь перед «федеральным законом» и не касается его соотношений, например, с федеральным конституционным законом, законом субъекта или указом Президента Российской Федерации, принятым в порядке опережающего нормотворчества и приравненного по юридической силе к федеральному закону. Логика конституционного регулирования подсказывает ответы на вопросы о том, как могли бы разрешиться соответствующие нормативные коллизии, однако для их получения необходимо прибегнуть к толкованию Основного закона.

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», в свою очередь, к международным договором Российской Федерации относит договоры, которые заключаются с иностранными государствами, а также с международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера) (часть 2 статьи 3)¹⁵³. Такая законодательная конкретизация конституционного понятия «международные договоры Российской Федерации» с формальной точки зрения позволяла бы признать приоритет перед законом даже за международными договорами, которые, хотя и заключены, например, уполномоченной организацией или федеральным органом исполнительной власти, тем не менее являются

---

¹⁵³ Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.

«международными договорами Российской Федерации» и в силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации подлежат применению¹⁵⁴.

Между тем смысл рассматриваемого конституционного положения свидетельствует о том, что приоритет перед законами могут иметь не любые, а только ратифицированные в установленном порядке международные договоры. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, согласие на включение международного договора в российскую правовую систему, влекущее придание ему правоприменительного приоритета перед федеральными законами, должно оформляться в форме федерального закона о ратификации международного договора, подлежащего обязательному рассмотрению Советом Федерации¹⁵⁵.

Таким образом, нормотворческий орган на основе собственного толкования норм Конституции Российской Федерации уполномочен определять их содержание для целей применения в отраслевых правоотношениях, причем часть норм Основного закона действует лишь в том значении, которое было определено в подконституционном регулировании. При этом несмотря на отмеченную зависимость буквального значения конституционных норм от нижестоящего отраслевого нормативного регулирования положения Основного закона сохраняют свое независимое от отраслевого регулирования самостоятельное значение, обусловленное семантической автономностью Конституции Российской Федерации.

Выявление и формализация автономного значения норм Конституции Российской Федерации, существующего в неявном виде и скрытого за их буквальным смыслом, происходит в результате толкования Основного

---

¹⁵⁴ На ошибочную законодательную интерпретацию понятия «международные договоры Российской Федерации» указывается и в литературе. См.: *Автономов А.С.* Указ. соч. С. 46–47.

¹⁵⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 года № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (абзацы первый и второй пункта 4).

закона, что предопределяет необходимость анализа интерпретационной практики Конституционного Суда Российской Федерации по определению автономного значения.

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОНОМНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РЕШЕНИЯХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Параграф 1. Автономное толкование практике Конституционного Суда Российской Федерации

В Постановлении от 16 июня 2009 года № 9-П¹⁵⁶ Конституционный Суд Российской Федерации впервые прямо указал на автономное значение понятия «лишение свободы» среди иных доводов, положенных в обоснование принимаемого решения¹⁵⁷. Эта ссылка затем была многократно повторена и получила статус правовой позиции, подтвержденной последующей практикой. В названном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации обратился к толкованию статьи 22 Конституции Российской Федерации и отметил, что к мерам, которые согласно прямому указанию части 1 данной статьи представляют собой «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле (арест, заключение под стражу и содержание под стражей), необходимо относить также и административное задержание, безотносительно к тому, что текстом названной статьи Основного закона такая мера к содержанию понятия «лишение свободы» не отнесена¹⁵⁸: «задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы».

При этом Основной закон, называя конкретные правоограничительные меры, реализация которых требует судебного решения, никак не определяет

---

¹⁵⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандро» (абзац пятый пункта 3) // СЗ РФ. № 27. 06.07.2009. Ст. 3382.

¹⁵⁷ Здесь вновь необходимо оговориться, что позиция Конституционного Суда Российской Федерации об «автономном значении судимости», упомянутая ранее в диссертационном исследовании, не имеет отношения к автономному значению и автономному толкованию норм Конституции Российской Федерации.

¹⁵⁸ При этом и иные названные в части 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации с точки зрения действующего законодательства в отраслевом значении лишением свободы, которое означает одну из мер уголовного наказания, не являются.

их сущность, т.е. на уровне текста не задает содержание соответствующих понятий. Вследствие этого для разрешения вопроса о том, в каких случаях лицу будет гарантирован судебный контроль ограничения его личной свободы, необходимо обращаться к отраслевому регулированию, которое позволит установить, что является, соответственно арестом, заключением под стражу и содержанием под стражей. Действие статьи 22 (часть 2) Основного закона с учетом этого распространялось бы только на меры, которые являются административным («административный арест» – статья 3.9 КоАП Российской Федерации¹⁵⁹) или уголовным («арест» – статья 54 УК Российской Федерации) наказанием, а также на специальную уголовно-процессуальную меру пресечения («содержание под стражей» – статьи 108–109 УПК Российской Федерации). Соответственно, если следовать буквальному смыслу конституционной нормы, определяемому на основании осуществленной законодателем конкретизации, иные меры, которые формально не были квалифицированы законодателем как, соответственно, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, оказываются вне сферы действия статьи 22 Конституции Российской Федерации

Однако Конституционным Судом Российской Федерации было сформулировано понятие «лишение свободы», содержание которого охватывает любую меру, которая по своим сущностным характеристикам представляет собой фактическую изоляцию лица, а не только те меры, которые в качестве возможных ограничений свободы и личной неприкосновенности названы в статье 22 Конституции Российской Федерации и отраслевом регулировании¹⁶⁰. Иной подход давал бы законодателю, обязанному в силу прямого указания Основного закона

---

¹⁵⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

¹⁶⁰ Такая интерпретация данной статьи потребовалась для того, чтобы разграничить значение формально отсутствующего в статье 22 Конституции Российской Федерации понятия «лишение свободы» и положения ее статьи 32 (часть 3), которая содержит отсылку к «местам лишения свободы», что в соответствии с уголовно-правовым значением понимается исключительно как места отбывания наказания в виде лишения свободы.

закреплять, например, обязательный судебный контроль в отношении ареста, заключения под стражу и содержания под стражей, возможность отказывать по своему усмотрению в судебном санкционировании иным мерам, в том числе сопоставимым по значимости вмешательства в свободу и личную неприкосновенность с мерами, прямо оговоренными Конституцией Российской Федерации.

По этим же основаниям Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что лишь при наличии судебной санкции возможно принудительное помещение гражданина в психиатрический стационар¹⁶¹ или помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей¹⁶², которые, очевидно, не относятся ни к сфере административно-деликтного процесса, ни к области уголовного судопроизводства (не являются «арестом», «задержанием», «заключением под стражу» или «содержанием под стражей»). Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, «закрепленное в Конституции Российской Федерации понятие «задержание» носит общий характер, т.е. охватывает не только задержание лица за виновные противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания»¹⁶³. Еще раньше, т.е. до вынесения решений с опорой на автономное значение понятия «лишение свободы», Конституционный Суд Российской Федерации признал

---

¹⁶¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2009 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» (пункты 5 и 5.1) // СЗ РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1367.

¹⁶² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2019 года № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.» (абзацы второй и пятый пункта 3) // СЗ РФ. 16.12.2019. № 50. Ст. 7479.

¹⁶³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 года № 544-О-П «По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (абзац второй пункта 2.1).

неконституционным продолжительное ограничение свободы иностранного гражданина, которое применялось без специальной судебной санкции в целях обеспечения исполнения постановления о выдворении из Российской Федерации в административном порядке, хотя такая мера согласно отраслевому регулированию не считалась «задержанием», требующим при продолжительности более 48 часов решения суда¹⁶⁴. Прямая ссылка на автономное значение понятия «лишение свободы» в данном решении отсутствует, однако если бы оно было принято на несколько лет позже, то вполне могло бы войти в число примеров прямого применения автономного толкования в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Кроме того, правовая позиция об автономном значении понятия «лишение свободы» стала основанием для признания неконституционным порядка исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, с момента вытрезвления этого лица. Законодатель и судебная практика исходили из того, что при исчислении предельного срока задержания не учитывается период, в течение которого гражданин находился в состоянии опьянения. С одной стороны, нельзя не отметить и определенную долю рациональности в таком решении законодателя: полноценно реализовать свои права участника производства по делу об административном правонарушении лицо, безусловно, может только находясь в трезвом состоянии. Однако с учетом того, что даже находящийся в состоянии опьянения гражданин претерпевал ограничения, представляющие «лишение свободы» Конституционный Суд Российской Федерации дисквалифицировал такой подход и признал, что исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления, не соответствует Конституции

---

¹⁶⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» (пункт 6) // СЗ РФ. 02.03.1998. № 9. Ст. 1142.

Российской Федерации, поскольку, это может допускать ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов¹⁶⁵. Тем самым задержание с точки зрения конституционного смысла должно начинаться не с определяемого законодателем момента (например, с вытрезвления лица, находящегося в состоянии опьянения), а в момент реального ограничения свободы и личной неприкосновенности.

Из проанализированных решений следует, что Конституционный Суд Российской Федерации отмечает автономное значение *понятия* «лишение свободы», на основании которого строились рассуждения о необходимости расширительного понимания статьи 22 Основного закона.

«Понятие», как замечал в одной из фундаментальных работ Е.К. Войшвилло, отражает сущностные признаки чего-либо¹⁶⁶, а следовательно любая мыслительная деятельность (в том числе юридическая) имеет своим фундаментом понятия, которые описывают и передают отличительные признаки того или иного объекта. Применительно к любой форме права понятие и его смысл приобретают важное значение. Так, понятиями оперирует нормативный акт, дозволяющий поведение или устанавливающий ответственность; обычай, гарантирующий лидеру победившей на всеобщих выборах политической партии кресло премьер-министра, определяет с использованием понятий, что такое партия, кто является ее лидером и какую именно должность он в итоге займет; в договорной практике принято определяться с используемыми понятиями для однозначного согласования необходимых условий контракта; понятия формируются в судебных актах, особенно если речь идет о прецедентной практике высших судов; правовая доктрина также выступает источником пополнения юридического

---

¹⁶⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2016 года № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» (абзац первый пункта 4.3) // СЗ РФ. 28.11.2016. № 48 (часть III). Ст. 6840.

¹⁶⁶ *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. С. 87. Хотя с момента издания работы прошло более 30 лет, она тем не менее считается одной из самых авторитетных в соответствующей области знаний.

понятийного аппарата. Поэтому при толковании конкретной конституционной нормы акцент на значении именно «понятия», которое является семантическим ядром любых правовых норм¹⁶⁷, является закономерным.

Вместе с тем как таковые понятия не оказывают непосредственного регулирующего воздействия на общественные отношения и, по существу, не действуют вне связи с окружающими их нормативными предписаниями, которые устанавливают правила поведения (обязывают, управомочивают или запрещают). Соответственно, автономное значение конституционных понятий выступает частью автономного значения норм Конституции Российской Федерации. С учетом этой оговорки далее в тексте применительно к Основному закону речь пойдет об автономном значении именно конституционных норм и, соответственно, о проблемах, связанных с его определением.

Решениями Конституционного Суда Российской Федерации, в которых было выявлено автономное значение статьи 22 Конституции Российской Федерации, исчерпываются примеры конституционно-судебной практики, упоминающие прямо автономное значение конституционных норм. Тем не менее они позволяют подтвердить сформулированный ранее вывод о наличии у норм Конституции Российской Федерации автономного значения, а также выделить два ключевых аспекта его выявления.

Во-первых, осуществляя автономную интерпретацию статьи 22 Основного закона, Конституционный Суд Российской Федерации расширил объем конституционного понятия «задержание» по сравнению с его отраслевым содержанием, включив в него ситуации фактического применения к лицу ограничений его свободы. Неопределенность в содержании названного понятия позволяла законодателю необоснованно

---

¹⁶⁷ См.: *Власенко Н.А.* Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. С. 154.

определять момент начала задержания и тем самым произвольно увеличивать императивно ограниченный Конституцией Российской Федерации срок задержания без судебного решения. Похожим образом законодатель регулировал момент предъявления уголовного обвинения и тем самым отдалял момент реализации гарантированного Конституцией Российской Федерации права обвиняемого в совершении преступления на помощь защитника, что будет подробнее проанализировано далее.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что предусмотренные рассматриваемой нормой гарантии (в частности, судебный контроль) должны распространяться не только на те случаи, которые были прямо поименованы в части 2 статьи 22 Конституции Российской Федерации, а на любые ограничительные меры, влекущие фактическое ограничение свободы. В наиболее концентрированном этот подход был отражен в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П, где было отмечено, что «всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в процессе судопроизводства либо в виде уголовного или административного наказания, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, исходя из его законодательно установленных пределов»¹⁶⁸. Соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, изъял из поля усмотрения законодателя разрешение вопроса о закреплении конституционных гарантий для мер, которые сама Конституция Российской Федерации прямо не упоминает.

---

¹⁶⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7552.

С учетом отмеченных аспектов в число подлежащих изучению решений Конституционного Суда Российской Федерации могут быть также включены примеры из конституционно-судебной практики, в которых прямо автономное толкование или автономное значение не упоминалось, но при этом разрешался вопрос о расширении содержания конституционной нормы – в противовес ее более узкому, отраслевому пониманию. Их анализ позволит уточнить представление об интерпретационной деятельности, направленной на поиск автономного значения норм Конституции Российской Федерации, тем более что высказанная однажды правовая позиция об автономном значении понятия «лишение свободы» и переходящая практически без изменения из решения в решение, не создает при отдельном рассмотрении достаточной основы для формулирования окончательных выводов относительно автономного толкования.

Так, применительно к праву каждого иметь имущество в собственности (статья 34, часть 2, Конституции Российской Федерации) Конституционный Суд Российской Федерации среди прочего замечал, что «понятие имущества в конституционно-правовом смысле включает в себя различные имущественные права, в том числе обязательственные (права требования)»¹⁶⁹. Из аналогичной идеи исходил, например, Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германия, отмечая, что «определение собственности, которое гарантировано Основным Законом, должно выводиться из самого Основного закона. Конституционный термин «собственность не может выводиться из норм текущего законодательства, и рамки юридических гарантий конкретных прав собственности также не могут выводиться из норм частного права»¹⁷⁰. По мнению Г.А. Гаджиева,

---

¹⁶⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3¹ статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» (абзац второй пункта 2) // СЗ РФ. 31.05.2021. № 22. Ст. 3913.

¹⁷⁰ См.: Bundesverfassungsgericht. Beschluss des Ersten Senats vom 15. Juli 1981. 1 BvL 77/78 // BVerfGE 58, 300. Цит. по: *Низов В.А.* Конституционно-правовые основы публичной собственности в

конституционно-правовое понятие права собственности шире гражданско-правового субъективного права собственности, а понятие «лишение имущества» в конституционном праве Российской Федерации отличается от его традиционной интерпретации в гражданском праве и имеет автономное значение¹⁷¹. Такое толкование Конституции Российской Федерации имело достаточно серьезные последствия, поскольку, исходя из конституционно-правового содержания понятия «имущество», Конституционный Суд Российской Федерации признал, например, что названная норма гарантирует защиту права постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения земельным участком¹⁷², права членов гаражных кооперативов¹⁷³. В практическом плане это означает распространение на соответствующие права запрета лишения имущества иначе как по решению суда (статья 35, часть 3, Конституции Российской Федерации), притом что с цивилистической точки зрения конституционной защитой пользуется именно право собственности на имущество, а не иные права.

Очевидно, что применительно к содержанию запрета лишения имущества Конституционный Суд Российской Федерации придерживался линии расширительного толкования соответствующих конституционных гарантий имущественных прав. В то же время, рассматривая вопрос о возможности конфискации объекта таможенного правонарушения (незаконно ввезенного на территорию России автомобиля) по решению

контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 136.

¹⁷¹ Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 35; *Он же*. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о гарантиях права частной собственности при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд // Законодательство. 2008. № 1. Доступ из СПС «Гарант».

¹⁷² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2001 года № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 2). Ст. 5014.

¹⁷³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2021 года № 51-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 21¹ и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина В.И. Тринько» // СЗ РФ. 13.12.2021. № 50 (часть IV). Ст. 8681.

таможенного органа, т.е. в административном порядке, Конституционный Суд Российской Федерации допустил изъятие объекта таможенного правонарушения без обязательного предварительного судебного контроля – хотя в других делах лишение имущества в конституционном смысле допускалось при условии предварительной судебной санкции¹⁷⁴. Данная позиция была увязана с доводом о том, что решение таможенного органа о конфискации имущества само по себе не является прекращением права собственности, которое происходит только вследствие реального исполнения акта уполномоченного органа и перехода имущества в собственность государства.

Другой пример продемонстрировало рассмотренное Конституционным Судом Российской Федерации дело о праве на квалифицированную юридическую помощь. Конкретизируя гарантированное Конституцией Российской Федерации (статья 48, часть 2) право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство, вслед за буквой Основного закона, предусматривало, что защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения – с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении этой меры пресечения¹⁷⁵. Однако на практике данная норма позволяла проводить следственные действия без надлежащего официального закрепления статуса соответствующего лица, что являлось основанием для отказа в предоставлении ему, как не являющемуся с

---

¹⁷⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 1997 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда» // СЗ РФ. 26.05.1997. № 21. Ст. 2542.

¹⁷⁵ Часть первая статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года), действующая в редакции Закона Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

формальной точки зрения задержанным, содержащимся под стражей или обвиняемым, права на квалифицированную юридическую помощь. Тем самым законодатель связал «момент задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» с появлением соответствующих процессуальных документов.

Признавая неконституционной указанную норму, которая точки зрения текста практически повторяла часть 2 статьи 48 Основного закона, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что Конституция Российской Федерации не обуславливает предоставление помощи адвоката (защитника) формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым в процессуальном акте и указывает именно на существенные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи; «поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным»¹⁷⁶. В рассматриваемом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации также подчеркнул, что использованные в части 2 статьи 48 Основного закона понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться не в придаваемом им [уголовно-процессуальным законодательством] более узком значении, а в их конституционно-правовом смысле.

Приведенные примеры¹⁷⁷ объединяет то, что перед Конституционным Судом Российской Федерации, по существу, ставился вопрос об объеме той

---

¹⁷⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» (абзац третий пункта 2) // СЗ РФ. 03.07.2000. № 27. Ст. 2882.

¹⁷⁷ Ими, безусловно, практика автономного толкования норм Конституции Российской Федерации не ограничивается, однако сам по себе поиск и отбор соответствующих судебных актов в условиях, когда в практике Конституционного Суда Российской Федерации доминируют решения о конституционном истолковании отраслевого законодательства, затруднен. Разумеется, и в таких делах осуществляется казуальное толкование Конституции Российской Федерации, однако ключевая проблема, которая в них разрешается, по общему правилу связана с содержанием законодательного регулирования, а не норм Основного закона.

или иной нормы Основного закона: распространяется ли статья 22 на ограничения свободы («лишение свободы»), которые не отнесены законодательством к «задержанию»; действует ли конституционная гарантия запрета лишения имущества без судебного решения (статья 35, часть 3) в отношении объектов, не поименованных в качестве имущества в отраслевом регулировании; связан ли момент «задержания» (статья 48, часть 2) с процессуальным закреплением соответствующего статуса и т.д. Разрешение такого рода вопросов предполагало выяснение автономного (т.е. не ограниченного только совокупностью законодательных значений) смысла норм Конституции Российской Федерации, регулирующих спорные правоотношения.

Отмеченная связь автономного значения норм Основного закона и его интерпретации дает основания согласиться с нашедшим отражение в науке утверждением о существовании автономного толкования норм Конституции Российской Федерации¹⁷⁸, оставляя на будущее подробное обсуждение отмеченной исследователями его сопоставимости с автономным толкованием Европейской конвенции (этот вопрос будет подробно рассмотрен в диссертационном исследовании далее), тем более что невыясненными ни в конституционно-судебной практике, ни в профильной литературе остаются вопросы о природе и сущности автономного толкования Основного закона, сферах его применения, результатах, пределах и т.д., понимание которых необходимо для адекватного восприятия и применения данной разновидности конституционной интерпретации.

Констатируя необходимость автономного толкования Конституции Российской Федерации, Т.Г. Морщакова указывает на то, что оно основывается на придании интерпретируемым понятиям *подлинного смысла*,

---

¹⁷⁸ Морщакова Т.Г. Судебная речь о партии и автономное толкование понятий: правовая позиция эксперта в Конституционном Суде России / Служение праву: памяти профессора В.А. Туманова посвящается; Сборник статей. М., 2017. С. 87–103; Блохин П.Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование.

согласующегося с конституционными принципами¹⁷⁹. Такая точка зрения на природу автономного толкования предполагает, что Конституционный Суд Российской Федерации обнаруживает неявное значение норм Основного закона, изначально заложенное в него, соответствие которому является критерием корректности осуществленного автономного толкования. Если с утверждением о необходимости согласования смысла норм Конституции Российской Федерации с конституционными принципами можно согласиться без детального его обсуждения¹⁸⁰, то основополагающий вопрос о том, что собой представляет автономное толкование – поиск изначально заложенного в конституционную норму смысла или его формирование (создание) органом, уполномоченным на официальное толкование Конституции Российской Федерации – требует более подробного анализа.

Классическая теория толкования, основанная на категорическом утверждении о том, что интерпретация заканчивается с началом нормотворчества, ориентирует толкование на выявление воли автора (создателя) нормы¹⁸¹ и исключает создание нового смысла нормы посредством толкования. Такой взгляд предполагает, что смысл текста создается «Автором», является принципиально познаваемым, а результаты толкования могут быть верифицированы с точки зрения их истинности и ложности¹⁸².

---

¹⁷⁹ Морщакова Т.Г. Судебная речь о партии и автономное толкование понятий: правовая позиция эксперта в Конституционном Суде России. С. 95–97.

¹⁸⁰ Хотя эта позиция и оставляет открытым вопрос об определении содержания таких основополагающих принципов. См.: Троицкая А.А. Селективная рациональность? Аргументация Конституционного Суда РФ о сроках полномочий Президента в зеркале когнитивистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1. С. 94.

¹⁸¹ Такой взгляд существовал еще в дореволюционных исследованиях, посвященных вопросам толкования. Обзор позиций, ставящих во главу интерпретационного процесса выявление воли создателя нормы, см.: Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 80 и далее.

¹⁸² См. об этом: Тимошина Е.В., Кондров В.Е. В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти Законодателя» // Вопросы философии. 2022. Т. № 10. С. 34–35.

В литературе¹⁸³, в том числе конституционно-правовой¹⁸⁴, также высказывается мнение о том, что цель толкования конституции – разъяснение воли конституционного законодателя, воплощенной в конкретном положении конституционной нормы, т.е. выявление его подлинного содержания и истинного смысла¹⁸⁵. Абсолютизирует значение воли разработчика Конституции Российской Федерации, например, И. Марино, который отмечал, что «судьям Конституционного Суда надлежит предположить, какие содержание, цели и задачи, а также механизм исполнения каждого конституционного положения в свое время подразумевал его разработчик»¹⁸⁶. В.О. Лучин и А.В. Мазуров полагают, что путем толкования Конституции Российской Федерации выявляется воля многонационального народа Российской Федерации, принявшего Основной закон, разъясняется действительный смысл конституционных положений¹⁸⁷. Таким образом, из данного подхода вытекает, что значение нормы Конституции Российской Федерации закладывается в нее при составлении конституционного текста, и для определения смысла этой нормы необходимо понять, какой была воля принявшего ее субъекта.

Однако применительно к установлению воли конституционного законодателя как источника автономного значения конституционной нормы необходимо учитывать сложность поиска и выявления этой воли. Как отмечал Х.-Г. Гадамер, при толковании нельзя в качестве источника информации об идеях разработчиков закона использовать протоколы

---

¹⁸³ «Толкование не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в норме, раскрывать юридическую волю законодателя; предмет исследования при толковании – правовая норма, за пределы которой при строгом режиме законности выходить нельзя». См.: Закон: создание и толкование. / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1998. С. 69.

¹⁸⁴ Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 147.

¹⁸⁵ См. об этом: Нарутто С.В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁶ Марино И. «Нулевые толкования» Конституции: опыт России // Журнал российского права. 2022. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ Лучин В.О., Мазуров А.В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. Доступ из СПС «Гарант».

парламентских заседаний, имея в виду, что эти материалы не всегда отражают действительные цели, которые преследовал нормотворческий орган¹⁸⁸. К тому же, обращение к воле «законодателя» в контексте толкования Конституции Российской Федерации затруднительно еще и потому, что сам этот субъект конституционного нормотворчества неясен. Кого, например, следует признать «законодателем» российской Конституции, принятой всенародным голосованием, и как установить волю многонационального народа Российской Федерации, выступившего согласно преамбуле Конституции Российской Федерации субъектом ее принятия? Проблема определения воли конституционного законодателя отчетливо проявляется в достаточно чувствительном вопросе о смертной казни. В.Д. Зорькин, в частности, подчеркивал, что, принимая решение о невозможности применения смертной казни (сначала временной – в связи с отсутствием суда присяжных на всей территории России, – а затем и постоянной), Конституционный Суд Российской Федерации пошел против общественного мнения по данному вопросу¹⁸⁹.

Отмеченное противоречие проявилось применительно к конституционной реформе 2020 года и принятию закона о поправке к Конституции Российской Федерации, который, очевидно, является продуктом деятельности конституционного законодателя, однако его волю в литературе предлагают устанавливать исходя из книги *организаторов широкого обсуждения поправок*¹⁹⁰. Поэтому субъективная воля

---

¹⁸⁸ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 198. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (дата обращения: 15 января 2023 года).

¹⁸⁹ См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. Конституционный Суд Российской Федерации. 2021. С. 68. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

¹⁹⁰ Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Речь идет о книге Т.Я. Хабриевой и А.А. Клишаса. См.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О

конституционного законодателя едва ли может быть принята за надлежащий ориентир в толковании Конституции Российской Федерации. По мнению Р. Дворкина, субъективные намерения законодателя, который в каждый момент времени испытывает влияние лоббистов, скрытых корыстных интересов и т.д. не заслуживают того, чтобы быть основой для толкования, которое должно исходить именно из объективных целей вводимого регулирования¹⁹¹.

Однако объективной (или объективированной) воли конституционного законодателя¹⁹², которую полагается искать в буквальном смысле понятий и окружающего их контекста¹⁹³, затруднительно отдать роль авторитетного и надежного источника смысла, поскольку для выявления выраженных намерений конституционного законодателя в целях толкования норм Конституции Российской Федерации требуется, по существу, толкование этих же норм. Более того отнесению текстуального смысла нормы к числу источников ее автономного значения мешает уже то обстоятельство, что текст не может в полной мере выразить смысл. Необоснованность обращения к поиску подлинного значения конституционной нормы, определяемого волей конституционного законодателя или смыслом текста Конституции Российской Федерации, в контексте автономного толкования просматривается еще более отчетливо с учетом того, что фактически оно может выходить далеко за пределы предположительных границ смысла конституционной нормы, определенных текстом Конституции Российской

совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020.

¹⁹¹ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М., 2020. С. 428–430.

¹⁹² Как отмечает А.Н. Гермашев, историческое развитие учений о герменевтике происходило по двум направлениям: субъективному (предполагает «вживание» интерпретатора в правовую ситуацию, попытку выяснения того, какие намерения в правовой текст вкладывал его автор) и объективному (требует установления объективного значения письменных знаков и символов, которыми представлен правовой текст). См.: *Гермашев А.Н.* Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

¹⁹³ Н.С. Малютин указывал на то, что в немецкой конституционно-судебной практике сформировался универсальный подход, согласно которому «мерой толкования законодательных предписаний является исключительно выраженная в последних «объективированная воля законодателя». См.: *Малютин Н.С.* Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 31.

Федерации. В частности, в интерпретации статьи 31 Основного закона с очевидностью распространяющейся по своему буквальному значению только на российских граждан, Конституционный Суд Российской Федерации¹⁹⁴ проявил известную степень гибкости и признал, что данное конституционное положение распространяется не только на граждан, но и на их объединения, включая юридические лица. Такое толкование, безусловно, выходило за рамки буквы Конституции Российской Федерации, и «объективной» воли конституционного законодателя, который, надо полагать, не по случайности или недосмотру не использовал в рассматриваемой статье оборот «каждый вправе».

Альтернатива приведенному подходу к толкованию конституционных норм нашла отражение в рамках реалистической теории толкования М. Тропера, который полагал, что до толкования норма представляет собой бессмысленный текст, а «существенным является то, что с момента оглашения толкования компетентным органом оно становится аутентичным, каким бы ни было его содержание, и, таким образом, применение текста компетентным органом становится действительным»¹⁹⁵. Между тем ригоризм данного утверждения и общая оценка конституционного толкования как неограниченного с содержательной точки зрения процесса создания конституционных норм судом (в литературе этот подход называют

---

¹⁹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // СЗ РФ. 30.07.2012. № 31. Ст. 4470.

Примечательно, что «ограничительный» буквальный смысл статьи 31 Конституции Российской Федерации был отмечен Конституционным Судом Российской Федерации в названном Постановлении, где признается, что федеральным законодателем дано расширительное толкование статьи 33 Конституции Российской Федерации, непосредственно закрепляющей право на обращение только за гражданами Российской Федерации, и установлен единый порядок рассмотрения обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. Вместе с тем вопрос о том, вправе ли федеральный законодатель впоследствии отказаться от такого расширительного толкования, не будучи связанным с предметом рассмотрения по делу, непосредственно в указанном Постановлении не разрешался.

¹⁹⁵ *Тропер М.* Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 172, 175.

волюнтаристской концепцией¹⁹⁶) ставят точку зрения М. Тропера в прямое противоречие с разделением учредительной и учрежденной власти, к которой, по мнению исследователей, относятся и суды, не уполномоченные на изменение конституции¹⁹⁷.

В частности, строг в своих оценках конституционно-судебной актуализации конституционных норм был, например, Н.В. Витрук, который отмечал, что «идеи о «преобразовании» Конституции Российской Федерации без изменения ее текста являются ущербными, непродуктивными», а возложение такой ответственности конституционных судей – недемократичным¹⁹⁸. Обозначенная проблема «контрмажоритарности», в зарубежных источниках связывается в значительной степени со сложностью изменения текста конституции, а значит и со сложностью преодоления позиции органа конституционного контроля демократическим путем¹⁹⁹. Роль текста в конституционном толковании подчеркивает, например, А. Барак, который отмечал, что значение, придаваемое в процессе толкования, может меняться судом, однако текст, на основе которого определяется это значение²⁰⁰, судом изменяться не может. Держаться конституционного текста и не позволять себе судейского активизма и скрытой ревизии содержания Конституции Российской Федерации полагают необходимым для Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановский и С.Д. Князев, которые указывают, что иначе оправданный конституционным правосудием фактический правопорядок вступит в значимое расхождение с

---

¹⁹⁶ Тимошина Е.В. Судья как новый Суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. №2. С. 50–61.

¹⁹⁷ Шустров Д.Г. Понятие толкования в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 1. С. 80.

¹⁹⁸ Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁹ Rosenfeld M. Constitutional adjudication in Europe and the United States: paradoxes and contrasts // Oxford University Press and New York University School of Law. 2004. Volume 2. Number 4. P. 652–655.

²⁰⁰ См. об этом: Антонов М.В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4. С. 74–86.

Основным законом²⁰¹. Сам Конституционный Суд Российской Федерации стоит на том правиле, что толкование Конституции Российской Федерации, требующее внесения в нее новых норм, в порядке конституционного судопроизводства не осуществляется²⁰². Поэтому считается, что толкование Конституции Российской Федерации не может приводить к созданию новых правил поведения, новых норм²⁰³, а его результат должен быть тождествен смыслу конституционной нормы²⁰⁴.

Таким образом, предложенная М. Тропером концепция конституционного толкования, действительно, не защищена от критики²⁰⁵. Между тем реализованный – исходя из необходимости строгого соблюдения принципа разделения властей и других важных в конституционно-правовом отношении принципов – в категоричной форме отказ конституционной юстиции от воссоздания (преобразования) Конституции Российской Федерации, хотя и выглядит обоснованным в теоретическом плане, на практике может иметь и негативные последствия, если учесть, что именно за счет такой деятельности Конституционного Суда Российской Федерации отечественный конституционный правопорядок пополнился рядом правых гарантий, которые Основным законом буквально не были предусмотрены. Например, принцип *non bis in idem*, ранее упоминавшийся в работе, остался

---

²⁰¹ Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания. С. 57–58.

²⁰² Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что «указывая на отсутствие в Конституции Российской Федерации норм, четко выражающих принцип самостоятельности органов местного самоуправления, заявитель [Государственный Совет Республики Коми], по сути, ставит вопрос не о толковании содержащихся в Конституции Российской Федерации положений, а о внесении в нее новых, чего Конституционный Суд Российской Федерации делать не вправе в силу его полномочий, как они определены статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 года № 113-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Совета Республики Коми о толковании статей 12, 130 и части 1 статьи 132 Конституции Российской Федерации» (пункт 2).

²⁰³ В литературе вместе с тем отмечается, что Конституционный Суд Российской Федерации, имея возможность выбора из нескольких вариантов толкования норм Конституции Российской Федерации, способен своими решениями создавать правовые нормы. См.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. С. 206.

²⁰⁴ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 537.

²⁰⁵ Детальный и весьма глубокий разбор критических аргументов см. здесь: Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. № 1. С. 72–102.

бы ограниченным лишь сферой уголовной ответственности, как это прямо предписано частью 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации. Однако универсальный характер данного запрета кажется столь естественным, что буквальная формулировка нормы Основного закона, не выглядит как текст, которого в российском правовом порядке належит непременно придерживаться, не допуская от него отступлений, в том числе если это необходимо для более интенсивной и полной защиты прав и свобод, расширения их гарантий.

Похожим образом применительно к возможности объединения в политические партии Конституционный Суд Российской Федерации несмотря на то, что в Основном законе прямо не закреплено обязательное и непереносимое существование политических партий, отмечал: по смыслу статьи 30 во взаимосвязи со статьями 1, 13, 15 (часть 4), 17 и 32 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации свобода создания и деятельности политических партий, наличие которых необходимо для надлежащего функционирования представительной демократии, является неотъемлемой частью права каждого на объединение²⁰⁶. С практической точки зрения это означает, что, хотя Конституция Российской Федерации и не предусматривает в тексте понятия «политическая партия» это не освобождает законодателя от соблюдения, в частности, принципа равенства применительно к политическим партиям, которым это гарантировано как «объединениям» по смыслу статьи 13 Основного закона.

Тем самым в отсутствие автономного толкования, перечисленные в настоящей работе права и гарантии, появившиеся в результате воссоздания и развития значения конституционного текста Конституционным Судом Российской Федерации, остались бы – как не получившие отражения в самой Конституции Российской Федерации – в области усмотрения ординарного

---

²⁰⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 года № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В.Артемова и Д.А.Савина» (абзацы второй и третий пункта 2) // СЗ РФ. 20.12.2004. № 51. Ст. 5260.

законодателя²⁰⁷. Строгий конституционный текстуализм²⁰⁸, соответственно, может при формальном сохранении буквы Конституции Российской Федерации повлечь заметные издержки в аспекте осуществления и защиты конституционных прав и свобод.

Поэтому в свете умеренного варианта теории реалистического толкования автономное толкование норм Конституции Российской Федерации предполагает их воссоздание органом конституционного контроля, который связан определенными требованиями как к результатам, так и к процедуре толкования. Это позволяет заключить, что результатом автономного толкования является формирование органом конституционного контроля автономного значения нормы Конституции Российской Федерации, не совпадающего с совокупностью законодательно определенных значений интерпретируемой нормы. Причем проанализированная конституционно-судебная практика свидетельствует, что задаваемое актом Конституционного Суда Российской Федерации автономное значение преимущественно находится в пределах интерпретационного поля нормы (толкование понятия «задержание»), которое ограничивается совокупностью интерпретаций ее буквального содержания²⁰⁹, однако в некоторых случаях может и выйти за

---

²⁰⁷ Как неоднократно замечал Конституционный Суд Российской Федерации, вопросы, не получившие разрешения в Конституции Российской Федерации, относятся к сфере усмотрения законодателя. См., например, в контексте сроков проведения выборов в органы местного самоуправления: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 1996 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 58 и пункта 2 статьи 59 Федерального закона от 28 августа 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 22 апреля 1996 года)» // СЗ РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2811.

Оставляя, к примеру, определение пенсионного возраста как одного из условий назначения пенсии решение на усмотрение законодателя, Конституция Российской Федерации тем самым не исключает возможности его изменения. См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2019 года № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (абзац четвертый пункта 2).

²⁰⁸ См. об этом, например: *Scalia A., Garner B.A. Reading Law: the interpretation of legal texts.* West Group. 2011. P. 36. URL: <https://jm919846758.files.wordpress.com/2020/09/rliit.pdf> (дата обращения: 19 сентября 2022 года).

²⁰⁹ *Малютин Н.С.* Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. С. 63–64.

При этом справедливо отмеченная автором возможность выбора толкователем одного из нескольких значений, входящих в интерпретационное поле, как представляется, не вступает в противоречие с концепцией воссоздания нормы Конституции Российской Федерации.

них (толкование статьи 33 Конституции Российской Федерации), что согласуется с дифференциацией толкования в узком смысле (позволяет определить то, что входит в интерпретируемую норму) и в широком смысле (дополняет или исправляет дефектную норму)²¹⁰. Такой подход перекликается с мнением о том, что «с точки зрения автономного текста Конституция понимается как охватывающая множество значений; именно текст является обязательным, и при правильном прочтении этот текст [поддается] многим различным пониманиям в зависимости от субъективного эмпирического сознания интерпретатора»²¹¹.

Признание за автономным толкованием норм Конституции Российской Федерации нормотворческого потенциала и проанализированная практика его применения дают основание для формулирования ряда признаков автономного толкования.

Во-первых, автономное толкование обращено к положениям о правах и свободах. На основании изучения только тех решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые были упомянуты ранее, данное утверждение нельзя сформулировать в форме категорического вывода, поскольку они свидетельствуют лишь о том, что автономное толкование *может* применяться к выявлению смысла положений о конституционных правах, и сами по себе не могут подтверждать невозможность автономного толкования иных норм Конституции Российской Федерации. Вместе с тем связь автономного толкования именно с конституционным регулированием статуса личности вытекает из разграничения продиктованных принципом правового государства основополагающих типов правового регулирования – дозволительного (в области прав и свобод) и разрешительного (в области

---

²¹⁰ Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. P. 64.

²¹¹ Pill S.C. Valuing our Discordant Constitutional Discourse: Autonomus-Text Constitutionalism and the Jewish Legal Tradition // Buffalo Law Review. 2016. Volume 64. № 2. P. 370

деятельности органов государственной власти)²¹². С учетом того, что автономное толкование норм Конституции Российской Федерации предполагает выведение из них смысла, не охваченного текстом нормы и развивающего ее законодательства, расширение полномочий органов публичной власти за счет такой интерпретации Основного закона принципиально расходилось бы с отмеченными способами регулирования. Нельзя вместе с тем не признать, что как таковая проблема расширения полномочий отдельных органов государственной власти за счет толкования, безусловно, существует (например, не предусмотренные Конституцией Российской Федерации подразумеваемые полномочия Президента Российской Федерации, которые нашли свою конституционную легитимацию в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). Однако эти назидательные примеры лишь подтверждают важность соблюдения обозначенного ограничения в автономной интерпретации Основного закона²¹³.

Во-вторых, автономное толкование представляет собой расширительную интерпретацию положений Основного закона о правах и свободах. Проведенный в диссертационном исследовании анализ свидетельствует о том, что Конституционный Суд Российской Федерации всегда расширяет сферу действия конституционной нормы за счет автономного толкования.

По мнению П.Д. Блохина, в практике конституционного правосудия и в практике Европейского Суда по правам человека автономное толкование является расширительным и *«как правило, хотя и не всегда»* направлено на

---

²¹² С.С. Алексеев особо подчеркивает, что разрешительный принцип с точки зрения конституционного права должен обладать «исключительным и категорическим действием» в отношении государственной власти в целом. См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 672–673.

²¹³ Проблема расширительного толкования полномочий органов публичной власти не имеет непосредственного отношения к автономному толкованию Конституции Российской Федерации, область применения которого ограничена сферой прав и свобод, а потому отдельно в настоящем диссертационном исследовании не рассматривается.

более широкую и интенсивную защиту прав человека²¹⁴. Оговорку о том, что автономное толкование «не всегда» обеспечивает интенсивную защиту прав и свобод автор сопровождает ссылкой на выявление Конституционным Судом Российской Федерации автономного значения понятия «судимость» в Определении от 10 марта 2016 года № 450-О. Между тем, как уже отмечалось ранее, данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации была высказана применительно к автономному значению законодательных норм, находящихся в отношениях между собой (т.е. на одном уровне нормативного регулирования): «[судимость] в первую очередь уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации уголовной ответственности, однако за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а *общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами* исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера». Конституционный Суд Российской Федерации тем самым в приведенной позиции обосновывает наличие у понятия «судимость» в контексте избирательного законодательства иного (более широкого) значения, чем то, которым данное понятие наделяет УК Российской Федерации (статья 86).

Следовательно, данную позицию нельзя рассматривать как исключение из общего правила о расширительном автономном толковании норм Конституции Российской Федерации, поскольку она относится к отраслевому толкованию законодательных (а не конституционных) норм. В связи с этим об автономной интерпретации Основного закона можно говорить только тогда, когда содержание его норм выходит за рамки прямо

---

²¹⁴ Блохин П.Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование. С. 61–76.

оговоренные Конституцией Российской Федерации и нижестоящим законодательством.

В-третьих, автономное толкование предполагает системную интерпретацию норм Конституции Российской Федерации. Изучение практики автономного толкования демонстрирует, что содержание конституционной нормы пополняется за счет объектов, не охваченных буквальным значением этой нормы и развивающего ее законодательства. При буквальном и изолированном толковании конституционной нормы, во-первых, не всегда можно установить однозначно на первом уровне интерпретации текста значение нормы и, во-вторых, даже если начальный этап уяснения смысла пройден успешно, итогом такого толкования не становится расширение содержания конституционной нормы, что является целью автономного толкования. Поэтому основополагающую роль для выявления автономного значения (не конкретного его варианта, а самой по себе возможности подобной интерпретации Основного закона), помимо собственно толкуемой нормы, играют положения Конституции Российской Федерации, которые объявляют человека, его права и свободы высшей ценностью, обязывая государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы (статья 2), гарантируют каждому равенство перед законом и судом (статья 19) и не позволяют перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод толковать как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (статья 55, часть 1).

Таким образом, автономное толкование Конституции Российской Федерации, в том виде, в каком оно применяется Конституционным Судом Российской Федерации направлено на расширение содержания конституционных прав и свобод посредством формирования автономного значения закрепляющих их норм Основного закона. Поскольку в практике Конституционного Суда Российской Федерации метод автономного

толкования не получил обширного и развернутого обоснования, проверка состоятельности обозначенных в данном параграфе особенностей автономного толкования и их верификация может быть осуществлена на основании анализа решений Европейского Суда по правам человека, применяющего автономное толкование для целей интерпретации Европейской конвенцией.

Параграф 2. Автономное толкование в практике Европейского Суда по правам человека

Автономное толкование, к которому в своей практике неоднократно обращался Конституционный Суд Российской Федерации, сложилось в деятельности Европейского Суда по правам человека. С учетом этого изучение его применения для интерпретации Европейской конвенции позволит составить более полное представление об особенностях автономного толкования, тем более что в сравнительных исследованиях формулируется вывод о применении автономного толкования в процессе конституционно-судебной интерпретации Конституции Российской Федерации по аналогии с толкованием Европейской конвенции²¹⁵.

Об актуальности используемых для толкования Европейской конвенции методов для практики национальных органов конституционного контроля, свидетельствует, также позиция Европейского Суда по правам человека, который прямо называл Европейскую конвенцию «конституционным документом европейского правового порядка»²¹⁶. Критикуя такую характеристику, А. Нуссбергер указывала на то, что для приобретения свойств подлинной конституции, Европейской конвенции недостает единого подчиненного ей государства, положений об организации

---

²¹⁵ См.: *Блохин П.Д.* Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование.

²¹⁶ Эта позиция была высказана в делах, касавшихся чувствительного вопроса определения юрисдикции Европейского Суда по правам человека. См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 года по делу «*Loizidou v. Turkey*».

власти и общества, а также полноценного верховенства по отношению к национальному регулированию²¹⁷. Однако эти справедливо отмеченные различия сами по себе вовсе не исключают постановки вопроса о возможности использования выработанного Европейским Судом по правам человека метода автономного толкования для интерпретации Конституции Российской Федерации с учетом того, что в систему Европейской конвенции все же заложена, как отмечают исследователи, «конституционная основа», а Европейский Суд по правам человека использует в интерпретационной деятельности методы толкования, которые характерны для конституционного правосудия²¹⁸ и реализует полномочия, сходные с полномочиями органов конституционного контроля²¹⁹. Кроме того, сходства «международной и конституционной юстиции» усматривают в литературе в тех аспектах, которые касаются фундаментального единства ценностей, а также положения соответствующих органов – и международные суды и конституционные суды разрешают судьбу внутригосударственного законодательного регулирования²²⁰. Сопоставлению при этом не препятствует и состоявшийся выход Российской Федерации из Европейской конвенции, поскольку речь идет об анализе приемов, которые применяются для толкования схожих нормативных актов (по крайней мере, с точки зрения содержания закрепляемых ими прав и свобод²²¹).

Принятие в 1950 году Европейской конвенции ознаменовало революцию в правовом статусе индивида, которая закрепила приоритет прав

---

²¹⁷ *Нуссбергер А.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – Конституция для Европы? // *Международное правосудие.* 2019. № 2(30). С. 11.

²¹⁸ *Greer S.* Constitutionalizing Adjudication under the European Convention on Human Rights // *Oxford Journal of Legal Studies.* 2003. Vol. 23. № 3. P. 405–433.

²¹⁹ *Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой.* М., 2017. С. 99–100.

²²⁰ *Арановский К.В.* Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // *Журнал конституционного правосудия* № 3 (33). 2013. С. 1.

²²¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» (абзац второй пункта 3.3) // *СЗ РФ.* 15.03.2010. № 11. Ст. 1255.

человека в качестве основополагающего элемента мирового правопорядка и правового государства²²². Ее особенности подчеркнул Европейский Суд по правам человека, отметив, что «в отличие от международных договоров классического типа, Конвенция включает в себя нечто большее, чем просто взаимные обязательства между договаривающимися государствами»²²³.

Выработка текста Европейской конвенции проходила в атмосфере конкуренции идей и повышенного внимания как к формулировке положений документа, так и к их расположению, о чем свидетельствуют обширные *Travaux Préparatoires* (подготовительные материалы)²²⁴. На сегодняшний день они не играют исключительно роль правового памятника и используются Европейским Судом по правам человека в целях интерпретации Европейской конвенции, в том числе в целях определения сферы действия той или иной конвенционной нормы²²⁵. Вместе с тем, как показывает практика, выраженные в подготовительных материалах помыслы составителей Европейской конвенции вовсе не исключают того, что Европейский Суд по правам человека, вопреки намерениям государств, отраженных в *Travaux Préparatoires*, распространит сферу действия конвенционных норм на те права, которые были прямо и недвусмысленно исключены из нее при составлении текста Европейской конвенции²²⁶. Впрочем, в некоторых случаях и сами «государства-основатели» не смогли урегулировать разногласия, касающиеся характера и содержания закрепленных ими прав²²⁷, заложив тем самым основания к активному

---

²²² Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М., 2019. С. 73–75.

²²³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 января 1978 года по делу «*Ireland v. United Kingdom*» (par. 239).

²²⁴ Travaux Préparatoires to the Convention. URL: https://www.echr.coe.int/documents/library_travPrep_table_eng.pdf (дата обращения: 15 января 2022 года).

²²⁵ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 года по делу «*Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*».

²²⁶ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 августа 1981 года по делу «*Young, James and Webster v. The United Kingdom*».

²²⁷ Они разошлись во мнениях, например, по поводу того, выражает ли Европейская конвенция концепции минимального общего знаменателя основных прав и ничего более, или создает правовую основу для более широкой эволюции прав. См. подробнее: Sweet A.S., Keller H. Introduction: The Reception of the

поиску значения конвенционных норм, в том числе посредством судебного толкования.

Известную сложность, которую составителям Европейской конвенции надлежало решить при выработке ее текста, представляло также и европейское многоязычие, поскольку юридический язык всегда взаимосвязан с конкретной правовой системой, что проявляется в специфике юридической терминологии, принятой в разных правовых системах²²⁸. При этом проблема семантического несовпадения понятий, изложенных в Европейской конвенции на разных языках, не являлась умоглядной, и разрешать это затруднение пришлось Европейскому Суду по правам человека путем выработки универсальных и единообразных конвенционных стандартов прав человека. Так, с опорой на французский вариант текста Европейской конвенции Европейский Суд по правам человека указал, что слово «*domicile*», используемое в статье 8 Европейской конвенции, имеет даже более широкое значение, чем «*home*», и может распространяться на деловой офис типа адвокатского²²⁹. Тем самым взаимосвязанные гарантии уважения частной жизни и неприкосновенности жилища были распространены на место, которое в строгом смысле не является местом проживания (жилищем, домом) лица.

С учетом этого гарантированные Европейской конвенцией права и свободы, закрепленные в ее тексте с точки зрения целей, представляющих общественный интерес, которые государства могут законно преследовать²³⁰, были сформулированы в общих и абстрактных понятиях²³¹, которые могли, к

ECHR in National Legal Orders / A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems / Ed. H. Keller and A.S. Sweet. 2008. P. 18.

²²⁸ Ruusila A., Lindroos E. *Conditio sine qua non: on Phraseology in Legal Language and its Translation // Language and Law / Linguagem e Direito*. Vol. 3(1). 2016. P. 121.

²²⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 декабря 1992 года по делу «*Niemietz v. Germany*».

²³⁰ Sweet A.S., Keller H. *Ibid.*

²³¹ В ходе подготовки текста Европейской конвенции точку зрения о необходимости наиболее точного понимания содержания норм документа отстаивали представители Великобритании. См.: *Theil S. «Is the Living Instrument Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and*

тому же, равным образом учитывать разнообразную национальную юридическую терминологию. Это предполагало, соответственно, существование суда, уполномоченного на интерпретацию конвенционных положений. Значение судебного толкования Европейской конвенции обуславливается еще и тем, что она напрямую не определяет методы, которыми необходимо руководствоваться при ее толковании²³². Сам Европейский Суд по правам человека подчеркивал, что никогда не рассматривал положения Европейской конвенции в качестве единственной основы для толкования закрепленных в ней прав и свобод²³³. Такой подход, с одной стороны, позволяет в судебной деятельности придерживаться достаточно свободной стратегии выбора интерпретационных методов. С другой стороны, отсутствие четкого представления о методологической стороне деятельности Европейского Суда по правам человека, т.е., по существу, о том, каким образом будет истолкована Европейская конвенция, создает основу для критики в аспекте произвольности правовых позиций и непрозрачности процесса принятия решений²³⁴.

Наряду с иными принципами и методами толкования Европейской конвенции²³⁵ в практике Европейского Суда по правам человека сложился метод автономного толкования, основанный на концепции «автономных понятий», согласно которой используемые в Европейской конвенции понятия могут иметь собственное значение, иное, чем в национальных правовых системах, а их содержание лишь частично совпадает с содержанием и объемом аналогичных правовых понятий в национальных правовых

International Law?» // *European Public Law*. 2017. № 23 (3). P. 587–613. URL: <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/263171> (дата обращения: 15 января 2022 года).

²³² Dzehtsiarou K. What is Law for the European Court of Human Rights? // URL: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/07/GT-GJIL180003.pdf> (дата обращения: 3 марта 2022 года).

²³³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2008 года по делу «*Demir and Baykara v. Turkey*» (par. 67).

²³⁴ Dzehtsiarou K. Ibid.

²³⁵ См.: Гюлумян В.Г. Принципы толкования Европейской конвенции прав человека (критика и защита) // *Журнал конституционного правосудия*. 2015. № 3. С. 6–18.

системах. В этом смысле идея автономности конвенционного правопорядка созвучна свойству автономности Конституции Российской Федерации, предполагающему наличие у ее норм значения, которое не определяется в полном объеме нижестоящим нормативным регулированием. Это позволяет предметно сопоставить практику применения автономного толкования Европейской конвенции и Конституции Российской Федерации.

Метод автономного толкования, обеспечивающий, по мнению специалистов, единообразное и независимое (от национальных правовых систем) толкование Европейской конвенции²³⁶, относят к числу правовых стандартов Европейского Суда по правам человека²³⁷. В зарубежной литературе, посвященной проблемам толкования Европейской конвенции, также отмечается, что «автономные понятия» это наименование одной из интерпретационных техник, к которой наряду с концепциями «Конвенция как живой инструмент», «реальная и эффективная защита прав и свобод» обращается Европейский Суд по правам человека в целях развития гарантированных Европейской конвенцией основных прав²³⁸.

Зарождение автономного толкования в практике Европейского Суда по правам человека²³⁹ традиционно связывается с его постановлением по делу

---

²³⁶ Русов А.Н. Методологические аспекты разрешения дел Европейским Судом по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/metodologicheskie-aspekty-razresheniya-del-evropeiskim-sudom-po-pravam-cheloveka> (дата обращения: 3 марта 2022 года).

²³⁷ Алисиевич Е.С. Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3–4.

²³⁸ Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // *The European Journal of International Law*. 2010. Vol. 21. № 3. P. 519.

²³⁹ Техника автономного толкования в аналогичных целях используется и Межамериканским Судом по правам человека, который в одном из решений фактически воспроизвел позицию об автономном толковании, сформулированную Европейским Судом по правам человека. См.: Постановление от 15 сентября 2005 года по делу «*Mapiripán Massacre v. Colombia*» (par. 187). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_134_ing.pdf (дата обращения: 3 марта 2022 года). Специалисты вместе с тем отмечают, что при определении автономного значения Европейский Суд по правам человека в большинстве случаев обычно ищет «общий знаменатель» в законодательстве государств-участников Европейской конвенции, в то время как Межамериканский Суд по правам человека в большей степени опирается на международные документы. См.: Killander M. Interpreting Regional Human Rights Treaties // *International Journal on Human Rights*. 2010. Vol. 7. № 13. P. 148.

*Engel and others v. the Netherlands*²⁴⁰. Дальнейшее применение автономного толкования к конвенционным понятиям, по мнению В.А. Туманова, было обусловлено стремлением Европейского Суда по правам человека расширить сферу действия гарантий права на судебную защиту, предусмотренных статьей 6 Европейской конвенции²⁴¹, которая закрепляет право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении предъявленного уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, а также устанавливает ряд иных процессуальных гарантий для лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления. В названном Постановлении, разрешая вопрос о допустимости ограничения свободы военнослужащих в качестве дисциплинарной меры, Европейский Суд по правам человека затронул проблему распространения гарантий, предусмотренных статьей 6 Европейской конвенции (в уголовно-правовом аспекте), на процедуру обжалования такой меры. При этом был сформулирован общеметодологический подход, согласно которому определение того, считается ли «обвинение», выдвинутое государством и носящее дисциплинарный характер, тем не менее «уголовным» по смыслу статьи 6 Европейской конвенции, основывается на разрешении вопроса о том, принадлежат соответствующие статьи во внутреннем праве государства-ответчика к уголовному или дисциплинарному праву, или к тому и другому одновременно. Эта информация имеет только формальную и относительную ценность и должна быть изучена в свете общего знаменателя, выводимого из законодательств различных государств-участников. Анализируя

---

²⁴⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 1976 года по делу *«Engel and others v. the Netherlands»*.

²⁴¹ См.: Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). Текст приводится по: Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». С. 16–29.

постановление по делу *Engel and others v. the Netherlands*, Дж. Летсас отмечал, что проблема, обусловившая необходимость обращения к автономному толкованию складывается из двух аспектов: во-первых, в конкретном деле оспаривается семантическое значение того или иного понятия, закрепленного в Европейской конвенции; во-вторых, государство, вопреки подлинному значению конвенционного понятия, не обеспечило предусмотренные международными обязательствами гарантии²⁴². Формулирование автономного значения конвенционного понятия требуется для определения сферы действия конкретного права, а не для оценки соразмерности вмешательства в него (это осуществляется только в том случае, если Европейский Суд по правам человека сочтет применимой ту или иную статью Европейской конвенции). Суть автономного толкования традиционно обозначается выражением «ошибка классификации». Тем самым обращение к автономному толкованию Европейской конвенции необходимо в том случае, когда во внутригосударственном регулировании было исключено действие конкретного права, предусмотренного Европейской конвенцией²⁴³.

Таким образом, ключевой вывод, давший основание для формирования методологии автономного толкования Европейской конвенции заключается в том, что значение конвенционных понятий не может приравниваться к содержанию, которое аналогичные понятия имеют в национальных правовых системах. Другими словами, если Европейская конвенция гарантирует право на справедливое судебное разбирательство при предъявлении уголовного обвинения, то определять наличие или отсутствие такого обвинения Европейский Суд по правам человека будет в каждом конкретном случае независимо от того, относятся ли соответствующие спорные правоотношения

---

²⁴² Letsas G. Supra note. P.526–527.

²⁴³ Letsas G. The Truth in Autonomous Concepts: How To Interpret the ECHR // European Journal of International Law. 2004. № 15. P. 290.

к сфере уголовного судопроизводства во внутригосударственном регулировании.

Следовательно, при автономном толковании Европейской конвенции Европейский Суд по правам человека определяет значение конвенционных понятий, используя национальные нормы как один из источников (не имеющий при этом решающего значения) для установления сферы применения гарантий, вытекающих из Европейской конвенции. В то же время Европейский Суд по правам человека не разрывает полностью связь с внутригосударственным регулированием, называя его «отправной точкой» для интерпретации Европейской конвенции. Этим, по замечанию В.А. Туманова, обусловлено использование термина «автономные»: так Европейский Суд по правам человека обозначал, что понятия Европейской конвенции в основном соответствуют аналогичным понятиям в национальных правовых системах государств-участников, однако в целях применения гарантий Европейской конвенции им может быть придано иное содержание²⁴⁴. Аналогичной точки зрения придерживается А.И. Ковлер, который отмечал, что «даже в сфере защиты прав человека наднациональный уровень не может быть автономным, ибо он осуществляет свои цели лишь во взаимодействии с национальной правозащитной системой, на которую он должен опираться, если преследует цель достижения эффективных гарантий прав и свобод»²⁴⁵.

Между тем несмотря на то, что Европейский Суд по правам человека полагает возможным в некоторых случаях опереться на внутригосударственное понимание того или иного права (конвенционного понятия), представляется, что ссылка на учет национального законодательства не носит и в принципе не должна носить определяющего юридического характера для характеристики сущности автономного

---

²⁴⁴ См.: Туманов В.А. Указ. соч.

²⁴⁵ Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. С. 136.

толкования²⁴⁶, поскольку в силу статьи 32 Европейской все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, находятся в ведении Европейского Суда по правам человека. Иначе, если бы при определении содержания конвенционных норм принималось во внимание понимание аналогичных правовых институтов в национальном праве, Европейский Суд по правам человека оказался бы «в плену юридических определений, весьма различных в отдельных правовых системах»²⁴⁷. В этом смысле автономное значение, отражающее, как отмечал А.Н. Русов, собственную семантику нормативной системы Европейской конвенции²⁴⁸, представляет собой естественное и неотъемлемое свойство конвенционного правопорядка. Значение конвенционных понятий является автономным в силу самой природы Европейской конвенции²⁴⁹.

Практика Европейского Суда по правам человека отразила, что автономное толкование может применяться практически к любой статье Европейской конвенции²⁵⁰: автономное значение было обнаружено в таких понятиях как: «гражданские права и обязанности» (*civil rights and obligations; droits et obligations de caractère civil*)²⁵¹, «жертва» (*victim; victime*)²⁵², «уголовное обвинение» (*criminal charge; accusation en matière pénale*), «суд»

---

²⁴⁶ Это было бы бессмысленно, с учетом того, что, по справедливому замечанию Е.Т. Усенко, нормы международного права «автономны по отношению к внутренней системе права, сохраняют связь с породившим их международным договором и должны толковаться на основе договора, а не внутреннего права и его системы». См.: Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. С. 160.

²⁴⁷ См.: Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека: Европейская конвенция: новые «старые» права. М., 2015. С. 30.

²⁴⁸ Русов А.Н. Толкование и применение Европейской конвенции о правах человека: методологические аспекты // Права человека. 2013. № 4. С. 26.

²⁴⁹ Sudre F. Le recours aux «notions autonomes» / de la Convention des droits de l'homme. Montpellier, 1998. P. 93–131. Цит. по: Лукашевич В.А. В защиту «европейской семьи»: теория автономных понятий и толкование статьи 8 Европейским Судом по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм».

²⁵⁰ Лукашевич В.А. Указ. соч. С. 220.

²⁵¹ Постановления Европейского Суда по правам человека от 8 декабря 1999 года по делу «*Pellegrin v. France*, от 27 июля 2006 года по делу «*Канаев (Kanayev) против Российской Федерации*», от 19 апреля 2007 года по делу «*Vilho Eskelinen and others v. Finland*».

²⁵² Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2016 года по делу «*Дзиджава (Dzidzava) против России*» (пар. 45).

(*tribunal; tribunal*)²⁵³, «свидетель» (*witness; témoin*)²⁵⁴, «объединение» (*association; d'association*)²⁵⁵, «высылка» (*expulsion; d'expulsion*)²⁵⁶ и др.²⁵⁷. Из решений, в которых Европейский Суд по правам человека прямо указывал на автономное значение того или иного конвенционного понятия, следует, что обращение к автономному толкованию Европейской конвенции необходимо в том случае, когда во внутригосударственном регулировании было исключено (ограничено) действие конкретного права, предусмотренного Европейской конвенцией²⁵⁸. Этот подход позволил Европейскому Суду по правам человека признать, например, что гарантии справедливого суда распространяются даже на производство в органах, которые в национальной правовой системе такого статуса не имеют²⁵⁹.

Применение автономного толкования, следовательно, обеспечивает одинаковое исполнение обязательств, принятых государствами-участниками Совета Европы. По мнению Г. Лагергрена, автономное толкование конвенционных понятий означает их единообразное толкование²⁶⁰. Е.В. Машкова и Ф.М. Виттмер также подчеркивают, что необходимость автономного толкования возникает тогда, когда интерпретация того или иного предписания Европейской конвенции в соответствии с его национальным (т.е. внутригосударственным) пониманием может привести к опасности «подрыва конвенциональных гарантий и эффективного

---

²⁵³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 октября 1984 года по делу «*Sramek v. Austria*» (пар. 36).

²⁵⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2018 года по делу «*Буткевич (Butkevich) против России*» (пар. 90).

²⁵⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 1999 года по делу «*Chassagnou and others v. France*» (пар. 100).

²⁵⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 октября 2006 года по делу «*Болат (Bolat) против России*» (пар. 79).

²⁵⁷ Алисиевич Е.С. Юридические лица как субъекты прав, закрепленных в Европейской Конвенции о защите прав человека // Гражданин и право. № 6. 2003. Доступ из СПС «Гарант».

²⁵⁸ Letsas G. The Truth in Autonomous Concepts: How To Interpret the ECHR. P. 290.

²⁵⁹ В частности, статья 6 Европейской конвенции была распространена на разбирательство в коммерческих арбитражах, которые не принадлежали к государственной судебной системе. См: Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 апреля 2008 года по делу «*Regent Company v. Ukraine*».

²⁶⁰ Совпадающее мнение судьи Г. Лагергрена к Постановлению Европейского Суда по правам человека от 28 мая 1985 года по делу «*Ashingdane v. The United Kingdom*».

обеспечения и защиты прав человека»²⁶¹. Государства вошли в Совет Европы с разным «правовым багажом», однако с момента вступления в это объединение обязались нести равные грузы, поскольку, как справедливо замечает А. Нуссбергер, Европейская конвенция является общим критерием, который одинаковым образом используется для всех участников, независимо, в частности от опыта уважения и защиты прав и свобод в конкретном государстве²⁶². Специфика государственных правовых систем, соответственно, может учитываться, только при оценке соразмерности вмешательства в конкретное право; в части же определения содержания закрепленных в Европейской конвенции понятий (и, как следствие, – конвенционных обязательств) никакого поля усмотрения быть не должно или оно должно значительно сужаться²⁶³.

Тем самым на практике, применяя автономное толкование понятий Европейской конвенции, Европейский Суд по правам человека добивается сокращения пределов дискреции государств²⁶⁴. С такой точкой зрения соглашается С. Грир, который отмечает, что государства имеют суженное поле усмотрения при определении содержания конвенционных прав²⁶⁵. В этом отношении можно усмотреть реализацию закрепленного статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров²⁶⁶, согласно которому государства не вправе ссылаться на нормы внутреннего права в обоснование

---

²⁶¹ *Маикова Е.В., Виттмер Ф.М.* Особенности взаимоотношений между Европейским судом по правам человека и органами конституционного правосудия Германии и Австрии: сравнительно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 57–61.

²⁶² *Нуссбергер А.* Революционная философия европейской Конвенции о защите прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1(80). С. 89-90.

²⁶³ *Gerards J., Senden H.* The structure of fundamental rights and the European Court of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. 2009. Vol. 7. Issue 4. P. 647.

²⁶⁴ *Letsas G.* A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights. Oxford. 2007. Цит по: *Theil S.* Supra note.

²⁶⁵ *Greer S.* The Interpretation of the European Convention on Human Rights: Universal Principle or Margin of Appreciation? // UCL Human Rights Review. 2010. Vol. 3. P. 6. URL.: <https://www.ucl.ac.uk/human-rights/sites/human-rights/files/greer.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

²⁶⁶ Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23 мая 1969 года) // Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. № 37. ст. 772.

отказа от международных обязательств, поскольку иное способствовало бы уклонению от их исполнения²⁶⁷.

Наряду с целями единообразного применения Европейской конвенции и сокращения пределов усмотрения автономное толкование также направлено на развитие содержания конвенционных прав, что предопределяется Преамбулой Европейской конвенции, согласно которой предназначение этого международного соглашения – защита и развитие прав человека и основных свобод в целях достижения большего единства между членами Совета Европы. Традиционно цель развития конвенционных гарантий связывается с обоснованием эволютивного толкования Европейской конвенции²⁶⁸, однако ее преследует и автономное толкование, которое позволяет приспособливать и адаптировать нередко устаревшие понятия и их первоначальное значение к современным условиям, обеспечивает их гибкость и соответствие общеевропейским ценностям²⁶⁹.

Вместе с тем бесконтрольное и не ограниченное применение автономного толкования может приводить к усугублению конфликтов между национальным регулированием (включая конституции) и практикой Европейского Суда по правам человека, который, интерпретируя краткий текст Европейской конвенции, не только осуществляет переквалификацию положений внутригосударственного регулирования²⁷⁰, но и выводит из нее обязательства, не оговоренные государствами-участниками прямо при составлении данной Конвенции или протоколов к ней²⁷¹. Поэтому результаты автономного толкования предпочтительно отражать в систематизированном

---

²⁶⁷ Броунли Я. Международное право. М., 1977. Кн. 1. С. 70.

²⁶⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 апреля 1978 года по делу «*Tyler v. United Kingdom*» (par. 31).

²⁶⁹ Greer S. *Supra note*.

²⁷⁰ Алисиевич Е.С. Автономное значение правовых понятий в практике толкования Европейским Судом положений Конвенции о защите прав человека // Государство и право. 2005. № 8. С. 81.

²⁷¹ Между тем В.А. Лукашевич со ссылкой на позицию Дж. Летсаса отмечает, что «для Суда выявление автономных понятий является не дискреционным способом преодоления расхождений между национальными правовыми системами, а методом формулирования *существующих* правовых стандартов, *заложенных* в Конвенции» (курсив – В.А. Лукашевича). См.: Лукашевич В.А. Указ. соч.

виде в дополнительных протоколах, которые наряду с Европейской конвенцией также закрепляют основополагающие права и свободы. В отсутствие такого нормативного пополнения каталога конвенционных прав и свобод, предполагающего обязательное согласование воле государств – участников Европейской конвенции, практика автономного толкования понятий Европейской конвенции будет побуждать государства обращаться к автономному – т.е. независимому от положений данной Конвенции – толкованию внутригосударственных норм. Тем самым интерпретационная практика, выработанная Европейским Судом по правам человека в целях единообразного применения Европейской конвенции, будучи адаптированной для целей толкования национальных конституций, может быть обращена, напротив, к отказу от унификации европейских правовых стандартов на основании автономности конституционного регулирования.

Таким образом, автономное толкование, зародившееся в практике Европейского Суда по правам человека, применяется для интерпретации кратких норм Европейской конвенции, которые были имплементированы во внутригосударственные правовые системы. Осуществляя автономное толкование Европейской конвенции, Европейский Суд по правам человека обеспечивает действенность и единообразное применение конвенционных гарантий, а также их развитие. Соответственно, ключевым для автономного толкования Европейской конвенции является стремление Европейского Суда по правам человека к обеспечению работоспособности и единства конвенционной системы защиты прав и свобод²⁷², самодостаточности конвенционного текста (его семантической независимости от государственного правового регулирования) – не зря Европейская конвенция объявляется особым документом конституционного характера, который создает не просто взаимные обязательства государств между собой (как

---

²⁷² «Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, осуществимые на практике и эффективные». См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 1979 года по делу «*Airey v. Ireland*» (par. 24).

традиционный международный договор), а особый международно-правовой порядок. При этом Европейский Суд по правам человека, провозглашая автономный характер конвенционных понятий по отношению к внутригосударственному регулированию, тем не менее не проводит строго аналогичный подход в отношении международного права и отмечает, что Европейскую конвенцию следует толковать, насколько это возможно, в соответствии с другими принципами международного права, часть которого она образует²⁷³. Этому подходу корреспондирует и позиция Комиссии по международному праву, которая отмечала, что Европейскую конвенцию не следует рассматривать, таким образом, как если бы она существовала в правовом вакууме; она не воспринимается и не воспринималась как автономный режим в том смысле, что применение норм общего международного права было бы исключено²⁷⁴.

Оценка концепции автономного толкования, применяемого в практике Европейского Суда по правам человека, позволяет заключить, что не все перечисленные характеристики автономного толкования Европейской конвенции могут быть применимы в свете толкования Конституции Российской Федерации. В частности, в российском конституционном правопорядке однозначно разрешен вопрос о верховенстве Конституции Российской Федерации и ее самодостаточности, в то время как вопрос о соотношении Европейской конвенции и национального конституционного права разрешается по-разному. Не значитсся среди задач конституционного толкования проведение водораздела или границы между Конституцией Российской Федерации и законодательством, как это делают

---

²⁷³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2001 года по делу «*Banković and others v. Belgium and others*» (par. 57).

²⁷⁴ Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» (утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 апреля 2006 года № A/CN.4/L.682) (пункт 164) // Official Document System of the United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G06/610/79/pdf/G0661079.pdf?OpenElement> (дата обращения 3 марта 2022 года).

межгосударственные судебные органы применительно к наднациональному и внутригосударственному праву. Напротив, Конституционный Суд Российской Федерации неизменно подчеркивает конституционный смысл действующего регулирования, осуществляя его конституционно-конформное истолкование, которое, по сути и своему эффекту, противоположено автономному толкованию Конституции Российской Федерации. Как указывал Г.А. Гаджиев, целью конституционно-конформного толкования является недопущение коллизий между конституционными нормами и нормами отраслевого законодательства, а суть данного метода состоит в том, что «приоритет должен отдаваться тому варианту истолкования нормы, который в наибольшей степени соответствует конституционным принципам»²⁷⁵. Данный метод толкования сложился в практике Федерального конституционного суда Федеративной Республики Германия и, по мнению Е.В. Гриценко, позволяет установить, «в каком смысле закон соответствует Основному Закону, а в каком – нет, и тем самым отдать предпочтение конституционному истолкованию, в котором закон и подлежит применению»²⁷⁶.

Кроме того, отсутствие прямой нормативной связи между Европейской конвенцией и внутригосударственным регулированием позволяет Европейскому Суду по правам человека весьма вольно обходиться с последним²⁷⁷, в то время как толкование российского Основного закона не

---

²⁷⁵ См.: *Гаджиев Г.А.* Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) // Журнал российского права. 2003 № 1. Доступ из СПС «Гарант»; Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр»».

²⁷⁶ См.: *Гриценко Е.В.* Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 22–23.

²⁷⁷ Если, конечно, речь не идет о конституционной идентичности, которую государства тщательно оберегают, определяя, в том числе за счет толкования, пределы влияния международного регулирования на национальное право.

может не учитывать объективную юридическую связь Конституции Российской Федерации с развивающимися ее законодательными нормами.

Изложенные соображения ставят под сомнение сформулированный в литературе тезис об аналогичности автономного толкования применяемого Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации²⁷⁸ с учетом отмеченного различия оснований и предпосылок применения данного метода в интерпретации, соответственно, Европейской конвенции и Конституции Российской Федерации²⁷⁹. Такой международно-правовой опыт, даже если он и выглядит как назидательный пример или поучительный образец, тем не менее может иметь лишь относительную ценность в том же смысле, в каком Европейский Суд по правам человека говорит об относительной ценности национального права при определении автономного значения конвенционных норм²⁸⁰.

Соответственно, использование в деятельности национальной конституционной юстиции автономного толкования, пусть и опробованного в устойчивой практике судов межгосударственных объединений, допустимо лишь в той части, в какой она отвечает критериям применимости и пригодности²⁸¹. Функциональное сходство в использовании автономного толкования национальным органом конституционной юстиции и международным судом, а также аналогичность целей применения данного метода позволяют подтвердить сформулированные ранее предположения о природе автономного толкования и выделить ряд его особенностей, которые,

---

²⁷⁸ См.: *Блохин П.Д.* «Вавилонское столпотворение»: комментарий к практике автономного толкования норм Европейской конвенции и российской Конституции. С. 106–120.

²⁷⁹ См. об этом аспекте также: *Игумнов Н.А.* Об основаниях и перспективах автономного толкования конституционных понятий // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право.* 2021. № 6. С. 44–55.

²⁸⁰ «Квалификация согласно национальному законодательству является лишь отправной точкой, а полученные таким образом указания имеют лишь формальную и относительную ценность». См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2019 года по делу *«Михалаке (Mihalache) против Румынии»* (пар. 58) // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск.* 2019. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸¹ Правила такой проверки были детально разработаны в конституционно-правовой науке. См.: *Троицкая А.А.* Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020.

хотя и проявились в контексте интерпретации Европейской конвенции, применимы к характеристике автономного толкования Конституции Российской Федерации.

Во-первых, автономное толкование характеризуется специфической целью – пополнение каталога прав и свобод. Естественно, что толкование международного договора о правах человека, каковым является Европейская конвенция, не может по своей сути быть обращено к каким-либо другим областям регулирования – в отличие от интерпретации норм национальных конституций, которые наряду с правами и свободами определяют конструкцию властных отношений. Поэтому практика применения автономного толкования для целей расширительной интерпретации прав и свобод в контексте Европейской конвенции сама по себе не предreshает разрешение вопроса о допустимости применения данного метода к толкованию норм Конституции Российской Федерации об организации системы публичной власти. Однако с учетом проанализированных решений Конституционного Суда Российской Федерации и исходя из отмеченного ранее дозволительного способа регулирования конституционных прав и свобод, можно заключить, что автономное толкование направлено именно на правовое регулирование конституционного статуса личности.

Во-вторых, автономное толкование предполагает расширение сферы действия интерпретируемой нормы и в силу этого является действенным средством сокращения усмотрения государств – участников Европейской конвенции. В этой части практика применения автономного толкования Европейским Судом по правам человека подтверждает сформулированное по итогам анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации утверждение о том, что автономное толкование решает задачу ограничения дискреции ординарного законодателя за счет включения новых гарантий, не предусмотренных буквой Основного закона, в автономное значение конституционных норм.

В-третьих, опыт автономного толкования Европейской конвенции демонстрирует риски, связанные с использованием данного метода, которые заключаются в возможности возникновения конфликтов внутри правовой системы и потенциальном неисполнении решений судебного органа. Применительно к автономному толкованию Конституции Российской Федерации такие риски могут выражаться в отторжении национальной правовой системой результата автономного толкования, если он отдаляется от буквы Основного закона. Данный аспект подлежит учету в контексте определения пределов автономного толкования Конституции Российской Федерации.

В-четвертых, осуществляя автономное толкование, Европейский Суд по правам человека не отказывается от возможности отступить от заданного при составлении Европейской конвенции содержания конкретного права (и тем самым от изначально заложенного в соответствующую конвенционную норму смысла). Это дает основания к тому, чтобы в природе автономного толкования усматривать нормотворческий характер.

ГЛАВА 3. АВТОНОМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Параграф 1. Метод автономного толкования Конституции Российской Федерации: основные характеристики

Проведенный анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации и выявленные особенности автономного толкования в практике Европейского Суда по правам человека позволяют сформулировать ряд его отличительных признаков и прежде всего *отнести автономное толкование к числу методов интерпретации Конституции Российской Федерации*, имея в виду, что его особенности определяются целями данного метода и результатами его применения, которые достигаются за счет обращения к совокупности разных способов толкования²⁸².

В литературе отмечается, что для уяснения смысла конституционных прав могут быть использованы четыре классических метода толкования грамматический, исторический, системный и телеологический²⁸³, причем высказывается и точка зрения о необходимости совокупного применения всех способов толкования для устранения неясности норм права²⁸⁴. Вместе с тем Конституция Российской Федерации не устанавливает напрямую методы, которые необходимо применять для ее толкования²⁸⁵, и закрепляет

---

²⁸² Метод при этом понимается как совокупность приемов толкования (См.: *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора. М., 2003. С. 120). Можно вместе с тем констатировать и существующую неопределенность в вопросе соотношения таких понятий как «метод», «способ», «прием» толкования, которая не создает непреодолимых преград к тому, чтобы в контексте настоящей работы остановиться в описании автономного толкования на его методологическом статусе, тем более что непосредственно на существо данного вида интерпретации конкретное наименование едва ли может повлиять.

²⁸³ *Должиков А.В.* Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁴ В частности, этот подход выражен в особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2006 года № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» (абзац второй пункта 4).

²⁸⁵ Конституционные акты редко содержат положения, касающиеся вопросов собственного толкования. Заметным исключением здесь можно назвать Конституцию Южно-Африканской Республики 1996 года, которая оговаривает правила толкования, касающиеся интерпретации непосредственно

лишь отдельные аспекты, влияющие на интерпретацию конституционных норм. К их числу относят, в частности, согласованное толкование (непротиворечие основам конституционного строя), системность толкования (учет места нормы в системе конституционного права), единство (учет того, что Конституция Российской Федерации это единый документ), функциональная рациональность (то есть по существу осуществимость, реалистичность даваемого толкования)²⁸⁶. Кроме того, предназначение интерпретации Конституции Российской Федерации определяется директивными требованиями Основного закона (статья 2; статья 18; статья 55, часть 1), которые задают основу для важного в контексте автономного толкования принципа *in dubio pro libertate*.

В отсутствие нормативной регламентации интерпретационной методологии выработка конкретных методов толкования Конституции Российской Федерации, их целей, пределов и иных параметров возлагается на Конституционный Суд Российской Федерации, уполномоченный толковать Основной закон. Этим продиктован акцент в поисках отличительных особенностей автономного толкования на его признаках, которые сложились в конституционно-судебной практике. Проведенный в диссертационном исследовании анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с выявлением автономного значения норм Основного закона позволяет согласиться с высказанным в зарубежной литературе утверждением о том, что автономное толкование конституции представляет собой «процедурную, а не содержательную концепцию» и не отвечает на вопрос о приоритете данного метода перед другими способами и принципами толкования²⁸⁷. К этому тезису необходимо добавить, что

положений конституции, а также толкования законодательных норм (статья 39). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (дата обращения: 20 декабря 2022 года).

²⁸⁶ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 41–45.

²⁸⁷ Stawecki T. Autonomous Constitutional Interpretation // International Journal for the Semiotics of Law. 2012. Vol. 25. № 4. P. 526.

автономное толкование само по себе не позволяет определить конкретное содержание автономного значения той или иной конституционной нормы – оно лишь говорит о потенциальной возможности его формирования посредством интерпретации.

Объектом автономного толкования являются нормы Конституции Российской Федерации. При этом вопрос о возможности такого толкования применительно к тем или иным конституционным предписаниям ни в практике, ни в доктрине однозначно не разрешен. Исключением является утверждение общего характера о том, что «не подлежат автономному толкованию предельно широкие понятия Конституции Российской Федерации, не имеющие определения в законодательстве»²⁸⁸. Между тем такая позиция не позволяет точно выделить виды норм, автономное толкование которых исключается, ввиду присущей всем положениям Конституции Российской Федерации характеристики «открытой текстуры» (*open texture*)²⁸⁹, являющейся, по мнению А. Барака, следствием того, что: конституция является соглашением (*agreement*) населения, достижимое только на высшем уровне понятийного обобщения; конституция устанавливает базовые ценности, социальные позиции, не имеющие четкого языкового выражения; конституции принимаются на будущее и должны быть способны к адаптации в изменяющихся условиях²⁹⁰.

В связи с изложенным положения Основного закона могут быть условно подразделены на три группы: конституционные нормы-принципы,

---

²⁸⁸ Блохин П.Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование. С. 61–76.

²⁸⁹ Г.Л.А. Харт отмечал, например, что законодатели не могут знать обо всех возможных сочетаниях обстоятельств, которые может принести будущее, вследствие чего правовые нормы и понятия являются «открытыми» и при каждом применении подлежат адаптации к развивающимся условиям. См.: *Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. P. 270.

²⁹⁰ *Barak A. Purposive interpretation in law*. P. 372–373.

нормы о конституционном статусе личности, нормы об организации публичной власти²⁹¹.

Определенные в диссертационном исследовании основания и цели выявления автономного значения норм Основного закона позволяют исключить из числа объектов автономного толкования конституционные принципы, которые как общерегулятивные нормы не содержат конкретного правила поведения²⁹² и реализуются в правоотношениях общего характера²⁹³. Сами по себе нормы-принципы, в отличие от конкретно-регулятивных положений Конституции Российской Федерации не служат основанием для возникновения, изменения или прекращения отраслевых правоотношений²⁹⁴, не подлежат развитию в порядке производного нормотворчества и, как следствие, не приобретают отраслевого значения, которое могло бы ограничить их содержание, а потому автономное толкование к ним не применяется.

Что касается норм об организации публичной власти, то они также не подлежат автономному толкованию в силу его правовой природы как расширительного интерпретационного метода. Регламентация статуса властных субъектов в принципе исключает его расширительное толкование и, напротив, предполагает буквальную и максимально приближенную к тексту Конституции Российской Федерации интерпретацию, что обуславливается фундаментальными принципами правового государства, определенности, уважения правомерных ожиданий и др., которые требуют четкого и недвусмысленного определения полномочий органов публичной власти. Вопросы статуса властных субъектов, если говорить не о

---

²⁹¹ В этой классификации не отражены конституционные положения об обществе как самостоятельном объекте конституционного регулирования в силу того, что они распределяются между тремя отмеченными группами норм.

²⁹² Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 85.

²⁹³ См.: Таева Н.Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 25–26.

²⁹⁴ См.: Она же. Нормы конституционного права Российской Федерации. Монография. М., 2010. С. 79–82.

принципиальных положениях, а о конкретных особенностях положения государственных и муниципальных органов, их полномочиях и т.д., относятся к изменяемым главам Основного закона. Соответственно, любая корректировка, затрагивающая объем реализации властных функций, должна, по замыслу конституционного законодателя, осуществляться не посредством толкования, а в предусмотренном Конституцией Российской Федерации порядке принятия поправок (статья 136).

Соответственно, изложенное позволяет подтвердить сформулированную выше гипотезу о том, что автономное толкование Основного закона обращено к именно к его предписаниям о правах и свободах. Их правовая природа как норм, содержание которых определяется отраслевым регулированием и при этом может расширяться посредством толкования, позволяет признать положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие права и свободы, в качестве объекта автономного толкования. Необходимость автономного толкования такого рода конституционных предписаний находит свои основания также в ее стабильности и невозможности в рамках действующего регулирования пересмотреть (изменить, дополнить) текстуальное содержание главы 2 Основного закона – в таких условиях поддержание актуальности и эффективности гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, иначе как интерпретационными средствами, едва ли возможно.

При этом не подлежат автономному толкованию нормы Конституции о правах и свободах в той части, в какой они подлежат замещению в порядке производного нормотворчества, поскольку в таких нормах конституционное содержание полностью определяется отраслевыми нормами и, по существу, отсутствует. Кроме того, автономное значение не выявляется также у тех положений Основного закона, которые предусматривают в силу прямого указания конституционного текста их содержательное наполнение нижестоящим регулированием. К их числу относятся положения

Конституции Российской Федерации, предусматривающие установление федеральным законом: случаев предоставления гарантий социального обеспечения (статья 39, часть 1), категорий граждан (кроме малоимущих), которым предоставляется жилище из публичных фондов (статья 40, часть 3), круга близких родственников и иных лиц, освобождаемых от дачи свидетельских показаний (статья 51), дополнительных требований к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, иных гарантий (наряду с неприкосновенностью) для бывшего Президента Российской Федерации (статья 92¹, часть 2), дополнительных требований к судьям (статья 119) и др. Такого рода конституционные предписания предполагают полное определение их содержания в развивающих нормах, смысл которых задается не той нормой, которая непосредственно допускает соответствующую разновидность производного нормотворчества, а общими конституционными принципами (равенство, правовая определенность, справедливость и др.), связывающими усмотрение законодателя. Тем самым законодатель не вправе, например, дискриминационным образом определять лиц, которым жилье предоставляется бесплатно (например, только полицейским-мужчинам), что вытекает не из части 3 статьи 40 Конституции Российской Федерации, а из ее статьи 19 (часть 1).

Таким образом, объектом автономного толкования являются конкретно-регулятивные нормы Конституции Российской Федерации о правах и свободах, которые применяются в отраслевых (в том числе конституционно-правовых) отношениях и не подлежат замещению в порядке производного нормотворчества.

Непременная цель автономного толкования, состоящая в пополнении каталога конституционных прав и свобод, обуславливает значимое с прикладной точки зрения следствие применения данного метода – *сокращение пределов усмотрения законодателя* в вопросах производного нормотворчества. Осуществляя автономное толкование Конституционный

Суд Российской Федерации, по существу, изымает определенный вопрос, не урегулированный непосредственно Основным законом, из области дискреции нормотворческих органов и уравнивает его с предписаниями, нашедшими отражение в тексте Конституции Российской Федерации. Наряду с проанализированными в диссертационном исследовании примерами, подтверждающими этот вывод, показательным является потенциальное толкование статьи 53 Основного закона, которое в отсутствие конкретного решения Конституционного Суда Российской Федерации по соответствующему предмету обеспечивает не только эмпирическую, но и теоретическую верификацию сформулированного вывода.

Согласно указанной конституционной норме каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Содержание этого конституционного предписания недвусмысленно закрепляет субъектов причинения вреда, а также субъекта, обязанного возместить этот вред, что позволяет говорить о распространении статьи 53 Основного закона на органы государственной власти – федеральные и региональные, – которые за счет средств соответствующих бюджетов обязаны возмещать соответствующий вред. Однако развивающее данное конституционное положение гражданское законодательство дополняет круг обязанных субъектов органами местного самоуправления²⁹⁵, которые даже при самом внимательном рассмотрении в тексте нормы Конституции Российской Федерации никак не проявляются. Полагать, что муниципальная власть по досадному недосмотру или упущению не упомянута в статье 53 Основного закона тем более затруднительно, поскольку в ряде других областей конституционный законодатель не забывает органы местного самоуправления предписывая им соблюдать Конституцию Российской

---

²⁹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (статья 1069) // СЗ РФ. 29.01.1996 года № 5. Ст. 410.

Федерации и законы (статья 15), обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы (статья 24, часть 2), рассматривать обращения (статья 31), поощрять жилищное строительство (статья 40, часть 2) и т.д.

Тем самым с формальной точки зрения, если законодатель изменит норму Гражданского кодекса Российской Федерации, исключив из нее органы местного самоуправления, это не вступит в буквальное противоречие со статьей 53 Конституции Российской Федерации. Однако в случае оценки конституционности такого регулирования неизбежно возникнет вопрос об автономном толковании названной статьи, и действующая система конституционного регулирования подталкивает к формированию автономного значения статьи 53 Основного закона, согласно которому вред, причиненный органами местного самоуправления, также будет подлежать возмещению. Помимо диктующих такое толкование положений статей 2, 18, 19, 8 (часть 2) и 55 (часть 1) Конституции Российской Федерации основание для приведенного вывода дает и практика Конституционного Суда Российской Федерации, который в решении по делу по иному вопросу отметил *obiter dicta*, что «в случаях причинения вреда гражданам и юридическим лицам незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц часть бюджетных средств, составляющих казну Российской Федерации [...], подлежит – в силу статьи 53 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее статей 15, 16, 1069 и 1070 ГК Российской Федерации – обращению к взысканию в судебном порядке». Не обуславливая напрямую возможность возмещения вреда, причиненного органами местного самоуправления статьей 53 Основного закона, Конституционный Суд Российской Федерации тем не менее обозначает, что

в сферу действия данной нормы такая возможность попадает²⁹⁶. Соответственно, автономное толкование исключит разрешение вопроса о круге субъектов возмещения вреда по усмотрению законодателя – незаконные действия (бездействие) всех органов публичной власти будут охвачены статьей 53 Конституции Российской Федерации.

С учетом изложенного определяется и особый *субъект применения автономного толкования* Конституции Российской Федерации – Конституционный Суд Российской Федерации, являющийся согласно Основному закону единственным органом, в отношении которого упоминается полномочие о толковании Конституции Российской Федерации²⁹⁷. Положение Конституционного Суда Российской Федерации в системе публичной власти свидетельствует о том, что именно за ними признается приоритет в области толкования Основного закона, причем как в порядке нормативного толкования, являющегося общеобязательным в силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», так и в порядке казуального толкования, которое по своей силе превышает любую другую интерпретацию Конституции Российской Федерации любым другим субъектом²⁹⁸. Соответственно, лишь Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен на окончательное (неопровержимое) толкование Конституции Российской

---

²⁹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // СЗ РФ. 25.07.2005. № 30 (часть II). Ст. 3199.

²⁹⁷ Толкование конституций в принципе осуществляется особым кругом субъектов. В литературе высказываются среди прочего идеи о т.н. «открытом обществе толкователей конституции». См.: *Хаберле П.* Открытое общество толкователей конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 21–28.

²⁹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2012 года № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт» (абзац первый пункта 4) // СЗ РФ. 26.11.2012. № 48. Ст. 6743.

Федерации, а потому именно в его деятельности автономное толкование приобретает свои конституирующие признаки.

Связь автономного толкования с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации позволяет говорить также о конкретных *процедурах применения данного интерпретационного метода*. Толкование Основного закона, даваемое Конституционным Судом Российской Федерации, принято подразделять на казуальное и нормативное (или абстрактное)²⁹⁹. Основанием для такого разделения служит конкретная процедура, в ходе которой осуществляется интерпретация Конституции Российской Федерации.

В порядке нормативного толкования Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁰⁰ разрешает вопрос в связи с обнаружившейся неопределенностью в понимании Конституции Российской Федерации в конкретной ситуации. При этом, по мнению Г.А. Гаджиева, недопустимыми запросы об абстрактном толковании понятий, конкретизированных в действующих нормативных актах, а «предметом обращения могут быть только «положения Конституции», что предполагает постановку конкретного конституционно-правового вопроса, касающегося только определенных норм (положений) Конституции, и исключает возможность рассмотрения запросов о толковании понятий, глав Конституции, и Конституции в целом»³⁰¹.

---

²⁹⁹ См. об этом: *Хабриева Т.Я.* Указ. соч. С. 24–33.

³⁰⁰ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

³⁰¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 года № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации». Это утверждалось со ссылкой на то, что «если Конституционный Суд будет давать толкование конституционных понятий (терминов), которые раскрыты законодателем в действующих нормативных актах, то возможно появление юридических коллизий, разрешение которых будет представлять большую сложность».

Этот подход нашел отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, который отклонял запрос о толковании понятия «семья» на том основании, что фактически перед Конституционным Судом Российской Федерации был поставлен вопрос о согласовании ряда федеральных законов в целях единообразного определения круга лиц, составляющих семью. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, абстрактное толкование понятия «семья», наполняемого, в зависимости от целей правового регулирования, различным юридическим содержанием, означало бы вторжение в компетенцию законодателя или потребовало бы проверки конституционности федеральных законов в иной, чем это установлено Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», процедуре, что недопустимо»³⁰². По аналогичным основаниям не был принят к рассмотрению запрос о толковании содержащихся в частях 1 и 2 статьи 59 Конституции Российской Федерации понятий «защита Отечества» и «военная служба», «долг и обязанность гражданина Российской Федерации», «гражданин Российской Федерации несет военную службу». Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, данные понятия раскрыты в действующем законодательстве, а потому разрешение поставленного заявителем вопроса означало бы проверку конституционности формулировок, установленных законодателем в законах, в связи с чем данный запрос нельзя признать допустимым³⁰³.

Следовательно, автономное толкование в порядке нормативного судебного толкования Конституции Российской Федерации (если не происходит сопоставления конституционной нормы с раскрывающими ее

---

³⁰² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 года № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации» (абзац пятый пункта 2).

³⁰³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 1997 года № 36-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Вологодской области о толковании частей 1 и 2 статьи 59 Конституции Российской Федерации».

содержание положениями других нормативных актов) не осуществляется и осуществляться не может. Невозможность применения автономного толкования в процедуре абстрактного толкования Конституции Российской Федерации обусловливается тем, что в рамках данной процедуры предметом толкования Конституционного Суда Российской Федерации выступает изначально неопределенное (по крайней мере в понимании субъектов обращения) содержание соответствующего конституционного положения – неслучайно Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», как отмечалось выше, определяет в качестве основания рассмотрения соответствующего дела спорное содержание именно конституционной нормы.

Данное утверждение, на первый взгляд, опровергается толкованием конституционных понятий «система федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти» и «система федеральных органов исполнительной власти», которое было дано Конституционным Судом Российской Федерации по абстрактному запросу Государственной Думы³⁰⁴. В Постановлении от 27 января 1999 года № 2-П Конституционный Суд Российской Федерации фактически осуществил автономное толкование указанных понятий, которое отличалось от их интерпретации Государственной Думой (не закрепленной нормативно, но вытекающей из самого существа поданного запроса), вне процедуры конкретного нормоконтроля. Однако в действительности названное Постановление следует рассматривать как подтверждение выдвинутой гипотезы об осуществлении автономного толкования конституционных понятий именно в порядке конкретного нормоконтроля, поскольку, как следует из текста решения, Государственная Дума связывала необходимость толкования понятия «система федеральных органов исполнительной власти» с

---

³⁰⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.02.1999. № 6. Ст. 866.

разрешением вопроса о том, каким актом эта система должна утверждаться – федеральным законом или указом Президента Российской Федерации. Тем самым произошла фактическая подмена предмета обращения – им должен был стать конкретный указ Президента Российской Федерации, названный Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении (пункт 3) – и, как следствие процедуры конституционного судопроизводства.

Соответственно, применение автономного толкования допустимо в порядке осуществления казуального толкования Конституции Российской Федерации. Отказ от осуществления абстрактного автономного толкования продиктован наряду с прочим реализацией принципа конституционной сдержанности, который предполагает, что законодатель имеет приоритет в вопросе о выборе конкретного варианта развития норм Конституции Российской Федерации. Такой подход выступает в качестве важного сдерживающего фактора для Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку нормативное толкование Основного закона, как отмечается в литературе, открывает более широкие возможности для его интерпретации³⁰⁵.

Наибольшее количество конституционно-судебных дел, связанных с казуальным толкованием Конституции Российской Федерации, представлено конкретным конституционным нормоконтролем в отношении действующего законодательства, что позволяет признать реализацию данного полномочия Конституционного Суда Российской Федерации приоритетной *сферой применения* автономного толкования Основного закона. Вместе с тем востребованность этого интерпретационного метода не ограничивается лишь делами о проверке конституционности внутригосударственного регулирования, поскольку обоснованная в диссертационном исследовании концепция семантической автономности Конституции Российской

---

³⁰⁵ Краснов М.А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Федерации может быть *mutatis mutandis* обращена и к сфере соотношения содержания норм Основного закона и предписаний международного права, которая также допускает применение автономного толкования.

В вопросе о влиянии международного права на содержание конституционных норм Основной закон исходит из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (статья 15, часть 4). Более того, часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в России согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Данные предписания, во взаимосвязи с положениями преамбулы Конституции Российской Федерации и ее статьи 79 говорят о «принципиальном согласии» Российской Федерации «со сложившимися международными стандартами и конституционном восприятии их в качестве масштабов правотворчества и правоприменения»³⁰⁶. Высказывается в литературе и точка зрения, согласно которой национальные конституция и законодательные акты при не могут применяться без учета международных стандартов и всего разнообразия их национальных интерпретаций³⁰⁷. Соответственно, можно говорить о существующей взаимосвязи между содержанием норм Конституции Российской Федерации и международно-правового регулирования. Эта связь, хотя и не может быть отождествлена с прямой юридической зависимостью, существующей между нормами национального регулирования и Основного закона, тем не менее допускает постановку вопроса о пределах влияния международного права на смысл и значение конституционных норм.

---

³⁰⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. С. 164.

³⁰⁷ Интернационализация конституционного права в условиях глобализации. С. 19.

Продолжающиеся процессы универсализации правового пространства, действительно, не обошли стороной российский правопорядок, который испытал значительное воздействие общемировых и европейских правовых стандартов. Исчерпывающий каталог примеров такого влияния едва ли может быть составлен, однако в этом контексте достаточно вспомнить о ряде системных и фундаментальных преобразований в отечественной правовой системе, которые были обусловлены практикой Европейского Суда по правам человека и коснулись реформирования советской процедуры пересмотра судебных актов в порядке надзора³⁰⁸, дифференциации степеней недееспособности³⁰⁹ и др. Эти перемены не только повлекли за собой коренные корректировки законодательного регулирования, но и отразились в изменившемся понимании положений Конституции Российской Федерации о праве на судебную защиту (статья 46), достоинстве личности (статья 21) и т.д. Показателен в этом отношении пример принятия Российской Федерацией специального закона о компенсации за нарушение права на судебную защиту³¹⁰, что было обусловлено необходимостью выполнения требований Европейского Суда по правам человека о создании эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов. Впрочем, на принятие такого регулирования

---

³⁰⁸ Проблему существования надзорной инстанции (в ранее действовавшем законодательном регулировании) судьи Европейского Суда по правам человека называли «главной загадкой российского правосудия». Об этом и о значительном влиянии европейского конвенционного правопорядка на реформирование российского процессуального законодательства см.: *Ковлер А.И.* Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М., 2019. С. 157–159; Борисова Е.А. О последовательности обжалования судебных актов в арбитражном и гражданском процессах: памяти А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 127.

³⁰⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров (*Shtukaturov*) против Российской Федерации».

³¹⁰ Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 03.05.2010. 18. Ст. 2144.

российского законодателя ориентировал и Конституционный Суд Российской Федерации³¹¹.

Кроме того, актуальная конституционно-судебная практика наглядно демонстрирует, что многие положения Конституции Российской Федерации интерпретируются в духе международно-правовых стандартов прав человека. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации, в том числе и в самых недавних решениях, отмечал, что конституционные нормы о правах человека согласуются с положениями Всеобщей декларации прав человека³¹², Международных пактов о гражданских и политических правах³¹³ и об экономических, социальных и культурных правах³¹⁴, Конвенций Международной организации труда³¹⁵ и др.

В процессе универсализации правовых стандартов, в том числе в области прав человека, международные правовые системы вырабатывают собственные специфические модели взаимодействия с национальным правом. Европейский Суд по правам человека, например, избрал более мягкий вариант с постепенной унификацией положений правовых систем европейских государств, в том числе за счет автономного толкования

---

³¹¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» (абзац третий пункта 6).

³¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // СЗ РФ. 10.01.2022. № 2. Ст. 556.

³¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 года № 16-П «По делу о проверке конституционности части первой¹ статьи 110 и статьи 389² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И. Мургиной» // СЗ РФ. 02.05.2022. № 18. Ст. 3187.

³¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2022 года № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М. Понеделкова» // СЗ РФ. 18.04.2022. № 16. Ст. 2782.

³¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2022 года № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова» // СЗ РФ. 25.07.2022. № 30. Ст. 5692.

Европейской конвенции. Суд Европейского союза, напротив, проводит жесткую линию автономизации коммунитарного права, придания ему статуса самостоятельной, отделенной от национального правопорядка, системы. В литературе этот процесс объясняется общей тенденцией к расширению сферы действия международного права, а также активными интеграционными процессами, затрагивающими не только социально-экономические, но и в значительной части правовые аспекты, что обуславливает вовлечение конституционного права в орбиту международного правопорядка³¹⁶. Более того, анализируя влияние международного права на национальное конституционное регулирование, некоторые авторы прямо указывают на то, что международная интеграция отрицает автономию национальных правовых систем³¹⁷. Похожей точки зрения придерживается О. Пферсманн, который полагает, что приоритет права Европейского союза над конституционными нормами отрицает автономность конституции, поскольку в сложившихся соотношениях национального и коммунитарного права конституция не может остановить вмешательство европейского права во внутригосударственную систему³¹⁸.

Между тем именно абсолютизация Судом Европейского союза принципа автономности права Европейского союза вызвала серьезную критику со стороны государств – участников Европейского союза. Так, Федеральный Конституционный Суд Федеративной Республики Германия в серии дел *Solange I*, *Solange II* зарезервировал за собой право контроля актов Европейского союза, принятых с превышением полномочий, которое со ссылкой на концепцию конституционной идентичности было подтверждено в

---

³¹⁶ Витцум В.Г. Международное право = Volkerrecht (книга 2). М., 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁷ ван Хук М. Указ. соч. С. 67. По мнению автора, «коллективная» выгода автономии от экономической, политической и прочих систем и дискурсов – это компенсация за потерю независимости друг от друга».

³¹⁸ Пферсманн О. Автономизация конституционного права во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 55.

решении по делу о проверке конституционности Лиссабонского договора³¹⁹. Похожую реакцию продемонстрировали европейские правовые системы в связи с возникшей в практике Европейского Суда по правам человека тенденции к осуществлению контроля в отношении положений национальных конституций³²⁰. В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), который в литературе справедливо именуется автономной правовой системой³²¹, Суд ЕАЭС со ссылкой на свойства верховенства, прямого действия и непосредственного применения норм евразийского интеграционного права утверждает, что они имеют приоритет над конфликтующими с ним национальными правовыми актами³²². Однако жесткость этой правовой позиции применительно к российской правовой системе уже была компенсирована практикой Конституционного Суда Российской Федерации, который, во-первых, исходит из того, что участие России в евразийских интеграционных процессах не допускает отступления от требований Конституции Российской Федерации³²³ и, во-вторых, подчеркивает, что положения права ЕАЭС (а ранее – Евразийского экономического сообщества) действуют с учетом правовых позиций

---

³¹⁹ BVerfG, Judgment of the Second Senate of 30 June 2009. № 2/08 (para. 240). URL: [bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/06/es20090630_2bve000208en.html](https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/06/es20090630_2bve000208en.html) (дата обращения: 14 апреля 2022 года).

³²⁰ См. об этом: *Исполинов А.С.* Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 61–73.

³²¹ *Дьяченко Е.Б., Энтин К.В.* Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 130; *Чайка К.Л.* Конституционализация интеграционных правов порядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 67–78.

³²² Решение Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 года № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³²³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 года № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза». Подробнее о данной проблеме см.: *Малютин Н.С.* Специфика регулирования прав и свобод человека в интеграционных объединениях на евразийском пространстве // Право.by. 2017. № 3. С. 92–97.

Конституционного Суда Российской Федерации³²⁴. В практическом плане это означает, что в условиях, когда целая отрасль права состоит из международно-правового регулирования, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь ранее высказанными правовыми позициями, а также исходя из верховенства Конституции Российской Федерации, не закрывает дорогу к анализу существа оспариваемого международного регулирования, хотя с формальной точки зрения к его компетенции это не относится.

Соответственно, с учетом того, что международные организации со временем выдвигают все более жесткие требования к унификации национального правового регулирования за счет требования приведения его в соответствие с международными стандартами, возникает необходимость поиска надлежащего соотношения универсального и национального в праве³²⁵ – прежде всего на основании Конституции Российской Федерации³²⁶. Как отмечает С.А. Грачева, активное вмешательство наднациональных правовых норм во внутригосударственное и прежде всего – в конституционное регулирование, обусловило необходимость обращения к выработке условий «некоторой автономности или иммунитета конституционного права»³²⁷. При этом обеспечение такого рода иммунитета национальных конституционных норм невозможно исключительно в контексте вопроса о приоритете (большей юридической силе)

---

³²⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 года № 596-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Магаданрыба» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктами 1 и 3 пункта 1 статьи 347 Таможенного кодекса Таможенного союза».

³²⁵ Лукьянова В.Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 55–58. С.

³²⁶ По справедливому замечанию А.В. Должикова, Конституция Российской Федерации защищает национальную правовую систему «от нежелательного с точки зрения базовых конституционных принципов влияния международных норм. См.: Должиков А.В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³²⁷ Грачева С.А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека: конституционный аспект измерения и оценки Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / М.В. Агальцова, Д.В. Афанасьев, Е.Е. Баглаева и др. М., 2017. Вып. 3: Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

международного регулирования или положений конституции, не затрагивающего проблему их взаимного влияния. Е.Т. Усенко, например, констатируя наличие связи между национальной и международно-правовой системами, верно отмечает, что она «не имеет характера господства и подчинения», «характеризуется координацией, взаимосогласованностью, взаимодополняемостью рассматриваемых объектов в сфере их взаимодействия»³²⁸.

Пределы универсализации конституционного регулирования предлагается искать в конституционных ценностях³²⁹ или в концепции конституционной идентичности³³⁰, которая формировалась в контексте взаимодействия российской правовой системы и практики Европейского Суда по правам человека. Концепция конституционной идентичности позволяет выявить наиболее значимые положения Конституции Российской Федерации, исключая имплементацию в национальную правовую систему решений межгосударственных органов, противоречащих Основному закону, и защитить его ключевые положения – ядро национального правопорядка, – к которым относятся нормы о правах и свободах, как они определены Конституцией Российской Федерации, а также об основах конституционного строя. В связи с этим Конституция Российской Федерации в актуальной редакции прямо предусматривает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании,

---

³²⁸ Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Российское правосудие. 2008. № 12. С. 11–12.

³²⁹ Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.

³³⁰ О проблеме поиска сущности конституционной идентичности см., в частности: Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1–12; Исполинов А.С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 47–68; Клишас А.А. К вопросу о конституционной идентичности государства // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 27–37; Лукьянова Е.А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 130–147 и др.

противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации (статья 79). С данным положением связан пункт «б» части 5¹ статьи 125 Конституции Российской Федерации, согласно которому Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Между тем названные критерии (конституционные ценности и идентичность) неоднократно подвергались критике со ссылкой, в частности, на релятивизм ценностей³³¹ и на то, что ценностная аргументация может замещать рационально-логическое обоснование решения³³², а конституционная идентичность является «ширмой», скрывающей истинные мотивы решения об отступлении от международного регулирования³³³. В свете изложенного метод автономного толкования может предложить более ясную и рациональную стратегию оценки соотношения наднационального и конституционного регулирования именно в аспекте выявления совпадающих и расходящихся значений соответствующих норм³³⁴, имея в виду, что такого рода разночтения обнаруживались, в том числе в содержании Европейской

---

³³¹ Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67.

³³² Белов С.А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 140–150.

³³³ Бланкенагель А. «Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов»: что делать с конституционной идентичностью? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5(126). С. 42–64.

³³⁴ См. об этом: Игумнов Н.А. Об основаниях и перспективах автономного толкования конституционных понятий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 6. С. 44–55.

конвенции и Конституции Российской Федерации, которые как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, закрепляют аналогичные права и свободы человека и гражданина³³⁵.

Обращение именно к интерпретационным средствам разрешения потенциальных противоречий между Основным законом и международным регулированием тем более значимо с учетом того, что, как справедливо отмечает М.Л. Гальперин, к коллизиям и даже конфликтам юрисдикций приводят не текстуальные различия в национальных конституциях и международных договорах, а разное понимание судами одних и тех же норм, использование разных подходов к толкованию юридических текстов, притом что эволютивный подход к толкованию, в частности, норм Европейской конвенции побудил Россию и другие страны Совета Европы «вырабатывать в национальных правовых системах механизмы защиты от произвольных решений международного суда»³³⁶. При этом, даже если не рассматривать политически и идеологически осложненную дискуссию вокруг т.н. «дела Константина Маркина»³³⁷, практика взаимодействия российского конституционного правосудия с международным регулированием демонстрирует возможность автономного толкования конституционных норм.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что в контексте статьи 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации понятие «лишение свободы» в словосочетании «места лишения свободы» должно пониматься исключительно в том смысле, которое ему придает уголовное законодательство; иные ограничительные меры, являющиеся «лишением

---

³³⁵ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П (абзац второй пункта 3.3).

³³⁶ См.: Гальперин М.Л. Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 184.

³³⁷ В рамках этого дела Европейский Суд по правам человека признал, что отказ военнослужащему мужского пола в предоставлении отпуска по уходу за ребенком нарушает положения Европейской конвенции, притом что Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая аналогичный вопрос, не усмотрел нарушений Конституции Российской Федерации в соответствующем законодательстве о статусе военнослужащих

свободы» в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации, не влекут установленных частью 3 статьи 32 Основного закона ограничений³³⁸. Для обоснования своей позиции Конституционному Суду Российской Федерации пришлось обратить внимание на то, что термин «*detention*», использованный при переводе содержащегося в статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации понятия «лишение свободы», неточно отражает суть соответствующего конституционного положения, которое согласно классификации, обусловленной уголовным законодательством, более корректно переводится как «*imprisonment*». Слово «*detention*» могло создать впечатление, будто избирательных прав лишены все лица, чья свобода ограничена содержанием под стражей, в то время как статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации предполагает, что лишение активного избирательного права распространяется исключительно на лиц, реально отбывающих по приговору суда наказание в виде лишения свободы в том его значении, как оно определено уголовным законом. Данное конституционное предписание, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, не затрагивает тех, кто на основании приговора суда претерпевает наказание иных видов, сопоставимых по своей сути с лишением свободы в том смысле, в каком это понятие интерпретируется Европейским Судом по правам человека. Акцент на различающемся содержании понятия «лишение свободы» – с точки зрения Европейской конвенции и с точки зрения Конституции Российской Федерации – позволил частично снять противоречивость оценки национального регулирования Европейским Судом по правам человека.

---

³³⁸ Хотя обсуждение правомерности подхода, сформулированного в данном Постановлении, в том числе в части ссылки на буквальное значение статьи 32 Конституции Российской Федерации, не входит в предмет настоящего исследования, академический подход требует упомянуть и о критике, которой подверглось указанное решение Конституционного Суда Российской Федерации. См., в частности: *Вайпан Г.В.* Трудно быть богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 107–124.

Таким образом, свойство автономности Конституции Российской Федерации проявляется также и во внешнем аспекте, что обуславливает возможность применения автономного толкования норм Основного закона в контексте взаимодействия с межгосударственными объединениями³³⁹. Актуальным это направление деятельности может стать в области взаимодействия с Судом ЕАЭС, которое от Конституционного Суда Российской Федерации, как справедливо отмечают в литературе, потребует прагматичного подхода³⁴⁰ к выстраиванию отношений с евразийским правопорядком.

В поисках автономного значения конституционных норм в контексте их соотношения с международным регулированием можно усмотреть попытку оправдать отклонение российской правовой системы от общепризнанных и универсальных конституционных ценностей, которые нашли отражение в международных правовых стандартах. Между тем в силу Конституции Российской Федерации презюмируется, что заключенные и вступившие в силу международные договоры, не говоря об общепризнанных принципах и нормах международного права, действуют в российской правовой системе. Отсутствие обширного эмпирического материала, подтверждающего прямо или косвенно автономное значение конституционных норм, свидетельствует о том, что в значительной части Конституция Российской Федерации и входящие в национальную правовую систему международно-правовые акты действуют согласованно и непротиворечиво. Соответственно, потенциальный конфликт может быть вызван, как показывает практика Конституционного Суда Российской Федерации (причем в общем масштабе – незначительная), лишь

---

³³⁹ Например, в контексте соотношения Конституции Российской Федерации и Договора о Евразийском экономическом союзе. Об этом см., в частности: *Тарибо Е.В.* О взаимодействии Конституционного Суда РФ и Суда ЕАЭС // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 6. С. 17–21.

³⁴⁰ *Исполинов А.С.* Требуется прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

противоречием Конституции Российской Федерации и истолкования, данного международно-правовой норме. И даже тогда Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» предписывают уполномоченным органам обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с вопросом о *возможности исполнения* решения межгосударственного органа, а не за разрешением непременно отказаться от его реализации.

Таким образом, автономное толкование представляет собой один из методов толкования Конституции Российской Федерации, целью применения которого является расширение содержания ее норм о правах и свободах. Автономное толкование применяется к конкретно-регулятивным нормам Основного закона с целью выявления их автономного значения, которое не совпадает с отраслевым их значением. Сущностью автономного толкования задаются конкретные процедуры (конституционный нормоконтроль) и сферы (оценка конституционности законодательства и международного регулирования) применения данного метода толкования.

Параграф 2. Пределы и ограничения автономного толкования Конституции Российской Федерации

Исследованные в работе характеристики автономного толкования предполагают также постановку вопроса о его пределах и ограничениях, тем более что оно не исключает преобразования Конституции Российской Федерации органом конституционного правосудия. В целом в настоящее время попытки обосновать недопустимость осуществления Конституционным Судом Российской Федерации нормотворческих функций сошли на нет – как негативное, так и позитивное конституционно-судебное нормотворчество с достаточной степенью обстоятельности было осмыслено

в доктрине и практически не отрицается³⁴¹. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации стала неотъемлемой частью современного российского конституционализма, в том числе в части модернизации Конституции Российской Федерации³⁴².

Соответственно, при всей убедительности теоретических концепций, которые отказывают конституционному правосудию в нормотворческих возможностях со ссылкой на разграничение учредительной и учрежденной власти³⁴³, разделение властей³⁴⁴, недопустимость «правления судей»³⁴⁵ и др., данная составляющая деятельности конституционной юстиции едва ли может быть поставлена под сомнение. Не является в этом смысле исключением и Конституционный Суд Российской Федерации, который, обставляя свои решения оговорками о недопустимости вмешательства в конституционное нормотворчество³⁴⁶, фактически осуществляет его, что было продемонстрировано, наряду с прочим в настоящем исследовании.

С учетом этого необходимо говорить о конструктивных пределах и сдержках, ограничивающих свободу конституционно-судебной деятельности в контексте автономного толкования как таковую без акцента на разграничение создания новых норм Конституции Российской Федерации и ее толкования в узком смысле. Отмеченные пределы и ограничения вытекают как из общего положения Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов публичной власти, так и из самой сущности

---

³⁴¹ Гриценко Е.В. Судебное нормотворчество как способ реализации судебного конституционного контроля / Современный российский конституционализм. СПб.; Ростов-на-Дону: Профпресс, 2011. С. 337–346; Малютин Н.С. Судебное толкование как конституционная процедура в контексте разделения властей в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 12–19.

³⁴² См. об этом: Игумнов Н.А. Модернизация Конституции Российской Федерации и конституционное правосудие: в поисках разумного баланса // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 71–75.

³⁴³ Шустров Д.Г. Понятие толкования в конституционном праве. С. 80.

³⁴⁴ Татаринев С.А. О некоторых особенностях нового законодательного регулирования статуса Конституционного Суда РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 54.

³⁴⁵ См. об этом: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2011. С. 250–251.

³⁴⁶ См. напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 года № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации» (абзац пятый пункта 2).

метода автономного толкования Конституции Российской Федерации. Кроме того, исследователи отмечают, что общими пределами судебного усмотрения в целом являются объективные пределы, обусловленные моралью, формальной логикой, физическими и социальными закономерностями³⁴⁷, однако они отдельно в настоящей работе не рассматриваются.

Среди *институциональных ограничений*, не останавливаясь на общих вопросах положения Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов публичной власти и его полномочий, можно упомянуть важный в контексте обсуждения конституционно-судебного нормотворчества аспект, связанный с тем, что Конституционный Суд Российской Федерации не вправе рассматривать какие-либо дела (в том числе о толковании Конституции Российской Федерации) по собственной инициативе – в отличие от Конституционного Суда РСФСР³⁴⁸. Несмотря на очевидное противоречие данного полномочия природе конституционного правосудия (не случайно отказ от него был принципиальным решением при разработке и принятии действующего законодательства о конституционном судопроизводстве), в литературе высказываются и предложения о возвращении конституционной юстиции возможности рассматривать дела по собственной инициативе³⁴⁹. Однако такое предложение едва ли можно признать согласующимся с признаваемой как законодателем, так и самим Конституционным Судом Российской Федерации субсидиарной ролью конституционной юстиции как резервного и исключительного способа

---

³⁴⁷ Шарнина Л.А. Толкование как способ восполнения правовой неопределенности в конституционном праве: вопросы судебного усмотрения // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁸ Закон РСФСР от 12 июля 1991 года «О Конституционном Суде РСФСР» (часть 2 статьи 74) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 25.07.1991. № 30. Ст. 1017.

³⁴⁹ См., например: Пресняков М.В. О месте Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти: «Добро должно быть с кулаками»? // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 61–64.

защиты конституционных прав граждан³⁵⁰ и разрешения иных конституционно-правовых конфликтов.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации не может не учитывать реакцию на результаты толкования Конституции Российской Федерации со стороны социума, государства и юридического сообщества³⁵¹. Косвенным подтверждением тому является акцент, сделанный в Заключении Конституционного Суда Российской Федерации, на том, что положения закона о поправке к Конституции Российской Федерации, оценка которых требует более развернутого выражения позиции Конституционного Суда Российской Федерации, определяются «в том числе на основе мониторинга дискуссии в средствах массовой информации и в сети Интернет, а также с учетом общественной значимости»³⁵².

Если говорить о *статусных ограничениях*, то к ним относятся, например, порядок назначения судей Конституционного Суда Российской Федерации на должность и прекращения их полномочий, претерпевший существенные изменения по итогам конституционной реформы 2020 года³⁵³ и связанность присягой, которая велит судьям Конституционного Суда Российской Федерации подчиняться только Конституции Российской Федерации³⁵⁴. Ограничение судейского усмотрения, в том числе в приложении к толкованию конституционных текстов, усматривают наряду с изложенным и в особых мнениях судей органов конституционного

---

³⁵⁰ Игумнов Н.А. Исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты как новое условие допустимости конституционной жалобы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 71.

³⁵¹ Морщакова Т.Г. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. №3(118). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (абзац десятый пункта 1) // СЗ РФ. 23.03.2020. №12. Ст. 1855.

³⁵³ Критический обзор реформированного порядка см.: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.

³⁵⁴ См. подробнее: Арановский К.В., Князев С.Д. Институт присяги судьи Конституционного Суда РФ: истоки, особенности, значение // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 134–141.

контроля³⁵⁵, хотя в российском конституционном судопроизводстве они и не подлежат более опубликованию.

Вместе с тем более важным и существенным фактором, выражающим ограничения в области толкования Основного закона Конституционным Судом Российской Федерации, является принцип разумной (конституционной) сдержанности. Значение этого принципа в своей интерпретационной деятельности косвенно, хотя и достаточно прямолинейно, подчеркивает сам Конституционный Суд Российской Федерации, указывая на то, что «при отсутствии каких-либо внешних ограничений в рамках конституционного судопроизводства управомоченные публично-властные субъекты могут принять в отношении конституционного суда различного рода ограничительные меры в области конституционного судоустройства, вплоть до дезавуирования институциональной самостоятельности конституционного нормоконтроля, а следование принципу конституционной сдержанности снижает вероятность этого варианта развития событий, который, как показывает опыт, не является чисто гипотетическим»³⁵⁶.

Этот принцип не нашел отражения в нормативном правовом регулировании и сформировался в конституционно-судебной практике, что само по себе уже говорит об определенной степени самоограничения и стремления к установлению рамок собственной интерпретационной деятельности. В то же время, в литературе высказывается мнение о том, что данный принцип из средства сдерживания и самоограничения судебной власти трансформируется в «абстрактную аргументационную конструкцию» и «инструмент манипулирования системой сдержек и противовесов, позволяющий органу конституционного контроля осуществлять

---

³⁵⁵ Ултургашев П.Ю. Особые мнения судей в практике судебного конституционного контроля: сравнительно правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 13.

³⁵⁶ См.: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренная решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года.

избирательное правосудие, адаптируя конституцию к интересам действующего политического курса и не создавая неудобных конституционно-правовых препятствий»³⁵⁷. Основания для собственной сдержанности Конституционный Суд Российской Федерации усматривает в своих конституционных полномочиях и месте в системе разделения властей, которые задаются положениями статей 10, 118 и 125 Конституции Российской Федерации³⁵⁸, и рассматривает принцип конституционной сдержанности как лежащий в основе его контрольной деятельности³⁵⁹.

Традиционно конституционная сдержанность рассматривается как самим Конституционным Судом Российской Федерации³⁶⁰, так и в профильной литературе³⁶¹, в качестве принципа, ограничивающего реализацию конституционно-нормоконтрольных полномочий по отношению к нормативному регулированию. При этом суть данного принципа усматривают в выборе из нескольких возможных вариантов решения того, который наименьшим образом вмешивается в прерогативы законодателя. В связи с этим конституционную сдержанность критикуют в том аспекте, что

---

³⁵⁷ См.: *Джавакян Г.З.* Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 16.

³⁵⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 года № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, приданном ее положениям в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р. Инамова» (абзац третий пункта 3) // СЗ РФ. 19.11.2012. № 47. Ст. 6551.

³⁵⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2008 года № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварничиной» (абзац второй пункта 6) // СЗ РФ. 22.12.2008. № 51. Ст. 6205.

³⁶⁰ Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, воздерживается от оценки политической и экономической целесообразности законодательства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31¹ Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князык и П.Н. Пузырина» (абзац первый пункта 1.2) // СЗ РФ. 15.06.2015. № 24. Ст. 3548) или заключения международного договора (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 года № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» (абзац третий пункта 2) // СЗ РФ. 16.07.2012. № 29. Ст. 4169).

³⁶¹ *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 20–25.

Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, подстраивается под законодателя и позволяет ему задавать контекст конституционного регулирования³⁶².

Между тем применительно к автономному толкованию, которое не исключает достаточно творческого преобразования конституционного текста, принцип самоограничения и сдержанности приобретает несколько иное значение с учетом того, любой вариант автономного значения конституционной нормы, продиктованный целью расширения перечня конституционных прав и свобод, будет означать сокращение пределов усмотрения законодателя. Следовательно, предполагается еще более строгий стандарт самоограничения, который при обращении к методу автономного толкования выражается в учете текстуального значения конституционных норм, исключительном характере автономного толкования, необходимости согласования результатов автономного толкования и всей остальной правовой системы.

В свете отмеченных обстоятельств ключевым фактором ограничения (самоограничения) применения автономного толкования является текст Конституции Российской Федерации. В литературе высказываются суждения о том, что Конституционный Суд Российской Федерации не всегда может рассматривать дословный текст интерпретируемой нормы в качестве непреодолимой границы толкования; рациональное применение Конституции Российской Федерации или принятого на ее основе закона может потребовать от интерпретатора выйти за пределы чисто грамматического толкования, основанного на дословном тексте конституционной нормы³⁶³. Это, безусловно, справедливо для обычных законов. Однако если речь идет о толковании Конституции Российской

---

³⁶² Гриценко Е. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. № 5. С. 123.

³⁶³ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. С. 46.

Федерации, то ее текстуальное выражение должно выступать более серьезным ограничением³⁶⁴.

Такой подход обусловлен не только теоретическими, но и рациональными, прагматическими причинами. Существенное отступление от текста Конституции Российской Федерации грозит рисками отторжения результата автономного толкования в правовой системе, а также исключением из элементов обоснования решения важного базиса – Конституции Российской Федерации, которая представляет собой отраженный в тексте продукт общественно-политического согласия. Поэтому и выход за пределы текста Основного закона, как верно замечает Г.А. Гаджиев, может быть обусловлен тем, что права и свободы, не закрепленные непосредственно Конституцией Российской Федерации, были «освоены» обществом и в силу этого могут войти в число конституционно-признанных прав и свобод³⁶⁵.

Как и конституционную традицию³⁶⁶, права и свободы необходимо освоить, а прежде всего – осознать, чтобы в постоянном использовании и обращении они изнутри давили на текстуальные конституционные рамки, естественным образом раздвигая их и наполняя объемом нормы Основного закона. Тогда и не придется конституционной юстиции искусственно и с опережением, которое редко когда на пользу идет правам и свободам, выводить из Конституции Российской Федерации то, что не было по тем или иным причинам охвачено замыслом конституционного законодателя, исполнившимся в наличном конституционном тексте. Достаточно будет просто засвидетельствовать и формализовать в установленной процедуре шаг

---

³⁶⁴ Это ограничение тем не менее является в целом преодолемым в контексте автономного толкования, не исключающего отступления от буквального значения интерпретируемой нормы, что подтверждается, в частности, проанализированным выше примером толкования права на обращение, в конституционной формулировке которого Конституционный Суд Российской Федерации изменил сочетание «граждане Российской Федерации» на слово «каждый», встречающееся в ряде иных норм, имеющих более широкое текстуальное значение.

³⁶⁵ См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). С. 245.

³⁶⁶ См.: *Арановский К.В.* Конституционная традиция в российской среде СПб., 2003.

за пределы буквы Основного закона, совершенный не конституционным правосудием, а самим обществом. В отсутствие такого согласия чрезмерно выходящий за рамки текста вариант толкования, в свою очередь, поддерживаться будет лишь убеждающей силой аргументов Конституционного Суда Российской Федерации и его статусом. Поэтому автономное толкование не может не учитывать буквальное значение текста и, бесспорно, ограничивается в применении, если Конституция Российской Федерации напрямую исключает конкретное значение нормы.

Наряду с этим в отходе за счет автономного толкования от текстуального значения открытых и подверженных интерпретации норм Основного закона можно усмотреть угрозу стабильности конституционного регулирования. О принципиальном значении стабильности текста конституции говорил, в частности Г. Еллинек, который отмечал, что только при наличии формальных препятствий к произвольному изменению конституционных законов можно говорить о конституции в юридическом смысле³⁶⁷. Конституционный Суд Российской Федерации предъявлял требование стабильности правового регулирования как к ординарному законодательству³⁶⁸, так и собственно к нормам Конституции Российской Федерации³⁶⁹. Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что особый механизм внесения изменений в Конституцию Российской Федерации обусловлен, «необходимостью обеспечения стабильности Конституции Российской Федерации и ее защиты от произвольных

---

³⁶⁷ Еллинек Г. Указ. соч. С. 11.

³⁶⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 года» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» (абзац третий пункта 4.1) // СЗ РФ. 10.05.2004. № 19 (часть 2). Ст. 1923; СЗ РФ. 19.07.2004. № 29.

³⁶⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 года № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» (абзац первый пункта 2 и абзац четвертый пункта 3.1).

изменений», а конституционный законодатель «обязан обеспечить правовую определенность и стабильность правового положения субъектов права, чьи права и интересы затрагиваются в связи с изменением конституционного регулирования».

Стабильность отечественного Основного закона обеспечивается тем, что его изменение требует прохождения сложной процедуры принятия конституционных поправок, а в части о правах и свободах – это и вовсе невозможно в рамках наличного конституционного правопорядка: конституционный текст и гарантированные непосредственно на его основании права и свободы в большей степени защищены от изменений. В то же время в отличие от буквы Основного закона результаты автономного толкования, если они не нашли выражения в конституционном тексте³⁷⁰, существуют лишь в решениях органа конституционного контроля, который не следует строго принципу *stare decisis*³⁷¹ и время от времени корректирует свои правовые позиции. Как правило, в этом отношении в первую очередь вспоминают изменение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с оценкой порядка замещения должности главы субъекта Российской Федерации. В контексте данной работы отсутствует необходимость возобновлять эту дискуссию, тем более что практика конституционного правосудия позволяет привести более нейтральный пример – корректировка позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу долгосрочных свиданий для лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы³⁷².

---

³⁷⁰ Как это было, например, с понятием «закон» в контексте определения предмета конституционной жалобы (статья 125 Конституции Российской Федерации), объем которого расширялся практикой Конституционного Суда Российской Федерации, что в результате было формализовано на уровне конституционного текста.

³⁷¹ Подробный разбор этого аспекта см.: Белов С.А. Принцип *stare decisis* и *jurisprudence constant* в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 6. С. 10–19.

³⁷² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // СЗ РФ. 28.11.2016. № 48 (часть III). Ст. 6839.

Изложенное позволяет также заключить, что автономное толкование, тем более если оно связано с отступлением от строгого текстуального прочтения Конституции Российской Федерации и расширением сферы действия ее норм, выступает в качестве исключительного метода интерпретации, обращение к которому допустимо лишь если иные способы не дали необходимого результата. С практической точки зрения это означает, что к числу критериев проверки конституционности нормативного акта относятся, прежде всего, правовая определенность, конституционная обоснованность, справедливость регулирования – и лишь в последнюю очередь его соответствие автономному значению нормы Конституции Российской Федерации. Такой подход отражает принципы конституционной сдержанности и уважения решений законодателя³⁷³, за которым должно быть признано (и признается) первенство в вопросе о судьбе конкретного варианта производного регулирования³⁷⁴, если он не продиктован непосредственно Конституцией Российской Федерации.

Взятый же законодателем в пределах своих возможностей «правовой барьер»³⁷⁵ может быть впоследствии подтвержден Конституционным Судом Российской Федерации и выведен им на конституционный уровень (через формирование автономного значения нормы), что, как следствие, повлечет

Примечательно, что поводом для пересмотра позиций Конституционного Суда Российской Федерации по обозначенной проблеме послужило решение Европейского Суда по правам человека. См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу *«Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации»*.

³⁷³ На существенное значение такого законодательного толкования конституции указывал, в частности, М. Тропер, приводя достаточно прагматичный аргумент о том, что конституционные суды должны учитывать законодательное толкование конституции в силу зависимости органов конституционного контроля от органов, осуществляющих их формирование. См.: *Тропер М.* Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 179.

³⁷⁴ На этот аспект обращает внимание, в частности, А.В. Должиков, который отмечал, что «... в ситуации отступления от буквы Основного закона под видом толкования любой орган конституционного правосудия серьезно рискует легитимностью собственных решений. Однако концепция судейского уважения (от англ. – *judicial deference*) законодателя и административных органов при толковании конституционных прав является признаком не только переходных государств, но и развитых демократий. Такая концепция применительно к толкованию конституционных прав может выражаться в терпимости органа конституционного правосудия к определенной доле правотворческих ошибок». См.: *Должиков А.В.* Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

³⁷⁵ *Зорькин В.Д.* Россия должна взять правовой барьер: к двадцатилетию Конституции Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 1–12.

невозможность свободного отказа законодателя от достигнутого уровня нормативных гарантий прав и свобод. Е.В. Тарибо, например, высказывал точку зрения о том, что осуществляя проверку законоположений, регулирующих права, прямо не поименованные в Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации формирует судебную доктрину «не поименованных в Конституции РФ, но имеющих конституционное значение прав», к числу которых относятся, в частности, право на бесплатную приватизацию жилья, право владеть и пользоваться оружием и др.; дискреция законодателя в отношении этих прав не безгранична и невозможна, в частности, отмена этих установленных законом прав³⁷⁶.

Отсюда вытекает еще одно ограничение автономного толкования, которое состоит в том, что оно должно учитывать общее восприятие его решений правовой системой: «толкование конституционной нормы не должно отторгаться массивом нижестоящих отраслевых норм, а должно согласовываться с ними»³⁷⁷. В этом контексте, с одной стороны, есть основания утверждать со ссылкой на высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации, что не толкование Основного закона должно учитывать нижестоящее регулирование, а, напротив, остальные правовые акты, входящие в национальную правовую систему, должны подчиняться любому варианту конституционной интерпретации. С другой стороны, абсолютизация такого подхода вступала бы в противоречие с объективными взаимосвязями, которые существуют между Конституцией Российской Федерации и законодательством, которые были рассмотрены в параграфе 2 главы 1 диссертационного исследования.

Отчетливо отмеченная проблема проявилась в вопросе об автономном толковании статьи 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой

---

³⁷⁶ Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М., 2018. С. 222–223.

³⁷⁷ Там же.

каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1); обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (часть 2). Данные конституционные положения, очевидно, распространяются лишь на уголовную ответственность, что следует из использованных конституционным законодателем слов «обвиняемый» и «приговор». Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал достаточно общую по своему характеру правовую позицию о том, что наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения является одним из принципов юридической ответственности; конституционные положения о презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства и их должностных лиц, выражают общие принципы права при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности в уголовном и в административном праве³⁷⁸. Между тем несмотря на этот общий подход Конституционный Суд Российской Федерации воздержался от формирования автономного значения статьи 49 Конституции Российской Федерации как предполагающего распространение конституционной гарантии презумпции невиновности на все виды публично-правовой ответственности (как это было сделано, например, в отношении запрета двойного привлечения к ответственности) и последовательно признавал допустимым отступление от нее применительно к таможенным правонарушениям³⁷⁹, нарушениям в сфере

---

³⁷⁸ В таком виде данная правовая позиция нашла отражение здесь (причем в привязке к статье 49 Конституции Российской Федерации): Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2003 года № 172-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вепрева Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 10 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (абзац второй пункта 3).

³⁷⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 года № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества

конкуренции³⁸⁰, административным правонарушениям в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами³⁸¹. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из отраслевых особенностей юридической ответственности в ее разнообразных вариантах позволяет законодателю в соответствии с буквой Конституции Российской Федерации, которая императивно требует закрепления презумпции невиновности лишь в сфере уголовной ответственности, по-разному разрешать вопрос о распределении бремени доказывания вины иным образом, освобождая органы государственной власти от доказывания вины при обеспечении возможности для самих субъектов правонарушения подтверждать свою невиновность. При таких условиях автономное толкование статьи 49 Конституции Российской Федерации как не допускающей отступления от принципа презумпции невиновности вступало бы в принципиальное противоречие с общим для правовой системы подходом, допускающим в сферах, не связанных с уголовной ответственностью исключения из этого принципа³⁸².

К числу факторов, выступающих ограничением автономного толкования, относится также то, что посредством применения данного

с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // СЗ РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2409.

³⁸⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22¹ и 23¹ Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» // СЗ РФ. 13.07.2009. № 28. Ст. 3581.

³⁸¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2010 года № 1621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части 3 статьи 1.5, примечания к статье 1.5, статьи 2.6¹, части 3.1 статьи 4.1 и части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

³⁸² Можно вместе с тем отметить, что такой подход, в частности, в контексте нарушений правил дорожного движения встречается и в зарубежной практике. См. об этом тематический обзор: Зарубежная практика конституционного контроля. Выпуск 162 «Презумпция невиновности при привлечении к ответственности за нарушение правил дорожного движения, зафиксированное техническими средствами, в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля / Конституционный Суд Российской Федерации. Управление международных связей, изучения и обобщения зарубежной практики конституционного контроля. СПб., 2010.

метода Конституционный Суд Российской Федерации не управомочен уменьшать объем конституционного права или свободы. Ранее отмечалось, что расширение и более полная защита прав и свобод является неременной целью автономного толкования, поэтому отступление от этой цели означало бы разрушение самой сути автономного толкования, его природы.

Основной закон определяет, например, что конституционная защита гарантирована лишь тем публичным мероприятиям, которые проводятся мирно и без оружия (статья 31). Закрепление условий реализации данного права в порядке регулирования (статья 71, пункт «в») или его ограничение (статья 55, часть 3) в силу Конституции Российской Федерации осуществляется федеральным законодателем, что, в свою очередь, означает возможность корректировки соответствующих регулятивных мер лишь при условии сохранения отмеченных конституционных пределов права проводить публичные мероприятия. Конституционализация (то есть выведение на конституционный уровень) каких-либо иных критериев правомерности проведения публичных мероприятий (например, требований к организатору публичного мероприятия) посредством автономного толкования не допустима. По тем же соображениям не могут быть путем толкования статьи 32 Конституции Российской Федерации установлены дополнительные изъятия из круга субъектов права избирать и быть избранными – наряду с гражданами, признанными судом недееспособными, а также содержащимися в местах лишения свободы по приговору суда. Неслучайно Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что ограничение избирательного права может быть введено федеральным законодателем³⁸³, а следовательно, помимо конституционных пределов

---

³⁸³ «[положение статьи 32, часть 3, Конституции Российской Федерации]... в контексте положений статей 3 и 32 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с закрепленными в ней критериями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина федеральным законом (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, части 2 и 3) – не дает оснований к истолкованию, исключающему возможность ограничения пассивного избирательного права федеральным законом в отношении определенных категорий лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы». См.: Постановление

федеральный закон может закрепить иные основания для ограничения избирательных прав. Это утверждение в то же время означает и возможность их отмены, если, например, отпала необходимость защиты именно такими мерами конституционно-значимых ценностей, сбережение которых было целью введения ограничений данного конституционного права. При этом заданные Конституцией Российской Федерации исключения по усмотрению федерального законодателя отменяться не могут – Основной закон своей высшей юридической силой, прямым действием и повышенной стабильностью обеспечивает их существование до момента пересмотра конституционного текста.

Соответственно, ни сокращение – по сравнению с гарантированным Основным законом – объема конституционного права, ни введение его дополнительных ограничений не может выступать целью или побочным результатом применения автономного толкования.

Суммируя изложенное, можно заключить, что автономное толкование Конституции Российской Федерации не представляет собой ничем не ограниченный «волюнтаристский» интерпретационный процесс. В рамках автономного толкования Конституционный Суд Российской Федерации связан наряду с прочим объективными (не зависящими от него) факторами, к числу которых относятся требования согласования автономного значения конституционных норм с остальной системой правового регулирования и учет текста Основного закона. Влияние на практику применения автономного толкования оказывают и субъективные факторы, такие как самоограничение Конституционного Суда Российской Федерации.

Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» (абзац шестой пункта 2.1) // СЗ РФ. 28.10.2013. № 43. Ст. 5622.

Вместе с тем сложность применения отмеченных пределов и ограничений во многом состоит в том, что они в значительной степени находятся в сфере усмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который имеет возможность достаточно свободно избирать конкретные варианты толкования тех или иных конституционных норм. Это создает пространство для критики интерпретационной деятельности конституционного правосудия, хотя само по себе и не означает, что автономное толкование обязательно будет применено с нарушением внутренней согласованности Конституции Российской Федерации или, вопреки имманентно присущей данному методу толкования цели более интенсивной защиты прав и свобод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция автономного толкования сложилась в практике Европейского Суда по правам человека как способ обеспечения действенности и единообразного применения конвенционных норм. В конвенционной системе защиты прав и свобод автономное толкование продиктовано особой природой Европейской конвенции, выступающей инструментом развития прав человека и основных свобод в рамках европейского правового пространства. Однако, будучи перенесенным в российский конституционный правопорядок, автономное толкование, приобретает существенные отличия и самостоятельные основания. Исходной точкой для автономного толкования, которое применяется в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, становится свойство автономности Конституции Российской Федерации, проявляющееся в онтологическом и семантическом аспектах. Такое восприятие оснований автономного толкования Конституции Российской Федерации позволяет говорить о невозможности безоговорочного и безусловного использования данного интерпретационного подхода в том виде, в каком он применяется межгосударственными судебными органами, в национальной конституционной системе.

Конституция Российской Федерации является автономной (в онтологическом аспекте), поскольку в юридическом смысле она отделена от всех других правовых норм особыми свойствами и чертами, функционирует по внутренне определенным правилам, а ее действительность не зависит от прочих правовых актов. Семантическая автономия конституционного регулирования обусловлена наличием юридической связи между нормами Конституции Российской Федерации и нижестоящего правового регулирования, которое необходимо для полноценного применения большинства положений Конституции Российской Федерации. Тем самым федеральный законодатель в порядке нормативного и при этом

опровержимого толкования норм Основного закона задает значение буквального смысла конституционных норм. Однако свойство семантической автономности Конституции Российской Федерации исключает признание такого отраслевого значения конституционных норм исчерпывающим. Напротив, несмотря на зависимость буквального значения конституционных норм от нижестоящего отраслевого нормативного регулирования положения Основного закона сохраняют свое автономное значение, не ограничиваемое совокупностью их отраслевых толкований.

Выявление и формирование этого автономного значения осуществляется в порядке казуального толкования Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации и представляет собой воссоздание органом конституционного контроля смысла нормы Конституции Российской Федерации, не совпадающего с совокупностью законодательно определенных значений интерпретируемой нормы. Выявленное автономное значение формируется под влиянием всей системы конституционного регулирования (должно быть с нею согласовано) и не может быть определено путем изолированной интерпретации толкуемой нормы Конституции Российской Федерации. При этом автономное значение преимущественно находится в пределах интерпретационного поля нормы, однако в некоторых случаях в целях расширения содержания конституционных прав и свобод может и выйти за него, что не является недопустимым с точки зрения принятого в работе умеренного варианта реалистической концепции толкования Основного закона..

Формирование (воссоздание) автономного значения осуществляется с применением специфического метода интерпретации Конституции Российской Федерации – автономного толкования. К числу отличительных особенностей данного метода относится директивная направленность на пополнение каталога прав и свобод и расширение содержания и гарантий конституционного статуса личности. Кроме того, автономное толкование

норм Конституции Российской Федерации, имеющее характер конституционно-судебного нормотворчества, является действенным средством сокращения усмотрения законодателя, поскольку, по существу, дополняет текст Основного закона новыми положениями, исключая соответствующие сферы регулирования из области свободной дискреции нормотворческих органов.

Объектом автономного толкования являются нормы Конституции Российской Федерации о правах и свободах, не подлежащие замещению в порядке производного нормотворчества. Иные конституционные нормы не могут быть подвергнуты автономному толкованию, поскольку не получают развития в актах производного нормотворчества и в связи с этим не приобретают отраслевого значения (нормы-принципы), а также поскольку в силу своей природы не подлежат расширительной интерпретации (нормы об организации публичной власти).

Субъектом применения данного метода выступает Конституционный Суд Российской Федерации как орган, уполномоченный на официальное толкование Основного закона, которое не может быть опровергнуто иными органами публичной власти.

Преимущественная область применения автономного толкования связана с осуществлением Конституционным Судом Российской Федерации конкретного конституционного нормоконтроля в отношении действующего законодательства. Вместе с тем востребованность этого интерпретационного метода не ограничивается делами такого рода. Автономное толкование может быть использовано в сфере взаимодействия норм Основного закона и предписаний международного права как метод толкования, предполагающий рациональную стратегию оценки соотношения наднационального и конституционного регулирования в аспекте выявления совпадающих и расходящихся значений соответствующих нормативных положений.

Автономное толкование Конституции Российской Федерации не является произвольным и не ограниченным, а, напротив, реализуется в пределах, которые обусловлены как общим положением Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов публичной власти (например, невозможность осуществления автономного толкования по собственной инициативе), так и из самой сущности метода автономного толкования Конституции Российской Федерации. К числу ключевых сдерживающих факторов относятся принцип самоограничения и презумпции конституционности закона и добросовестности законодателя. Кроме того, сама природа автономного толкования, направленного на пополнение круга конституционных прав и свобод, исключает формирование за счет использования данного интерпретационного метода не предусмотренных Конституцией Российской Федерации пределов и ограничений прав и свобод. В то же время соблюдение отмеченных пределов и ограничений во многом зависит от самоограничения Конституционного Суда Российской Федерации, который имеет возможность достаточно свободно избирать конкретные варианты толкования тех или иных конституционных норм.

Проведенное исследование, таким образом, позволило сформулировать основания и ключевые признаки автономного толкования Конституции Российской Федерации. Впрочем, научные поиски в данной области нельзя считать завершенными. В частности, более подробной оценки заслуживает внешний аспект автономности Конституции Российской Федерации и взаимосвязанное с ним автономное толкование в контексте соотношения содержания предписаний Основного закона и международно-правового регулирования. Внимание может быть также обращено к детализированному анализу свойства автономности Конституции Российской Федерации и его соотношениям с иными юридическими свойствами Основного закона, а также значению автономности Конституции Российской Федерации в контексте влияния на содержание конституционных норм неправовых

факторов (культурных, социальных и др.). Востребованным может оказаться и дальнейшее изучение конкретных норм с точки зрения наличия и объема их автономного значения, что обеспечит серьезное развитие не только теории толкования Конституции Российской Федерации, но и практических аспектов определения содержания конституционных норм, значимых как для конституционно-судебной, так и для законотворческой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993, с учётом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ и от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, а также с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

3. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

4. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (статья 1069) // СЗ РФ. 29.01.1996 года № 5. Ст. 410.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3824.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
12. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (статья 3) // Российская газета. 8 февраля 1992 года. № 32.
13. Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 09.05.1994. № 2. Ст. 74.
14. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.
15. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.
16. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.06.2002. № 22. Ст. 2031
17. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
18. Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 21.06.2004. № 25. Ст. 2485.

19. Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2144

20. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года), действующая в редакции Закона Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»

22. Закон РСФСР от 12 июля 1991 года «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 25.07.1991. № 30. Ст. 1017.

2. Решения Конституционного Суда Российской Федерации

Заключение Конституционного Суда Российской Федерации

1. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 23.03.2020. №12. Ст. 1855.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи

20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 26.02.1996. № 9. Ст. 828.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 1996 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 58 и пункта 2 статьи 59 Федерального закона от 28 августа 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 22 апреля 1996 года)» // СЗ РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2811.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 1997 года № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11¹ Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О Государственной границе Российской Федерации» в редакции от 19 июля 1997 года» // СЗ РФ. 17.11.1997. № 46. Ст. 5339.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 года № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 19.01.1998. № 3. Ст. 429.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // СЗ РФ. 02.03.1998. № 9. Ст. 1142.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 23.03.1998. № 12. Ст. 1459.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»),

76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.02.1999. № 6. Ст. 866.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1999 года № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк» // СЗ РФ. 08.11.1999. № 45. Ст. 5478.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 года № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // СЗ РФ. 17.01.2000. № 3. Ст. 354.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 19.06.2000. № 25. Ст. 2728.

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 года № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // СЗ РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2409.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2001 года № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 2). Ст. 5014.

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Г.В. Истомина, А.М. Соколова, И.Т. Султанова, М.М. Хафизова и А.В. Штанина» // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 2). Ст. 126.

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2002 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Саямова» // СЗ РФ. 11.02.2002. № 6. Ст. 627.

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2004 года № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // СЗ РФ. 15.03.2004. № 11. Ст. 1033.

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 года» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // СЗ РФ. 10.05.2004. № 19 (часть 2). Ст. 1923; СЗ РФ. 19.07.2004. № 29.

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 года № № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В.Артемова и Д.А.Савина» // СЗ РФ. 20.12.2004. № 51. Ст. 5260.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // СЗ РФ. 25.07.2005. № 30 (часть II). Ст. 3199.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // СЗ РФ. 04.08.2008. № 31. Ст. 3763.

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2008 года № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты

труда» в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварничиной» // СЗ РФ. 22.12.2008. № 51. Ст. 6205.

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2009 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СЗ РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1367.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // СЗ РФ. № 27. 06.07.2009. Ст. 3382.

24. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» (абзац второй пункта 3.3) // СЗ РФ. 15.03.2010. № 11. Ст. 1255.

25. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22¹ и 23¹ Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» // СЗ РФ. 13.07.2009. № 28. Ст. 3581.

26. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7552.

27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 года № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 16.07.2012. № 29. Ст. 4169.

28. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // СЗ РФ. 30.07.2012. № 31. Ст. 4470.

29. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 года № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, приданном ее положениям в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р. Инамова» // СЗ РФ. 19.11.2012. № 47. Ст. 6551.

30. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2012 года № 25-П «По делу о проверке конституционности

положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт» // СЗ РФ. 26.11.2012. № 48. Ст. 6743.

31. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 07.01.2013 года. № 1. Ст. 78.

32. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // СЗ РФ. 28.10.2013. № 43. Ст. 5622.

33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31¹ Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» // СЗ РФ. 15.06.2015. № 24. Ст. 3548.

34. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля

2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

35. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // СЗ РФ. 28.11.2016. № 48 (часть III). Ст. 6839.

36. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2016 года № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» // СЗ РФ. 28.11.2016. № 48 (часть III). Ст. 6840.

37. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапанова» // СЗ РФ. 10.04.2017. № 15 (Часть VII). Ст. 2283.

38. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 года № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» // СЗ РФ. 11.11.2019. № 45. Ст. 6407.

39. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2019 года № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации

и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.» // СЗ РФ. 16.12.2019. № 50. Ст. 7479.

40. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2020 года № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой» (абзац первый пункта 3) // СЗ РФ. 13.04.2020. № 15 (часть IV). Ст. 2431.

41. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2020 года № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 193 и пункта 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Центр-Продукт» // СЗ РФ. 18.05.2020. № 20. Ст. 3226.

42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2020 года № 43-П «По делу о проверке конституционности подпунктов «а», «е» пункта 14¹ статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» в связи с жалобой гражданина М.Ю. Серяпова» // СЗ РФ. 02.11.2020. № 44. Ст. 7059.

43. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3¹ статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 31.05.2021. № 22. Ст. 3913.

44. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СЗ РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

45. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2021 года № 51-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 21¹ и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина В.И. Тринько» // СЗ РФ. 13.12.2021. № 50 (часть IV). Ст. 8681.

46. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2022 года № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М. Понеделкова» // СЗ РФ. 18.04.2022. № 16. Ст. 2782.

47. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // СЗ РФ. 10.01.2022. № 2. Ст. 556.

48. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 года № 16-П «По делу о проверке конституционности части первой¹ статьи 110 и статьи 389² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И. Мургиной» // СЗ РФ. 02.05.2022. № 18. Ст. 3187.

49. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2022 года № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова» // СЗ РФ. 25.07.2022. № 30. Ст. 5692.

50. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2022 года № 49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина» // СЗ РФ. 21.11.2022. № 47. Ст. 8305.

Определения Конституционного Суда Российской Федерации

51. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 1995 года № 77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

52. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 1997 года № 36-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Вологодской области о толковании частей 1 и 2 статьи 59 Конституции Российской Федерации».

53. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 года № 200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дружининой Ненелли Константиновны и Кадария Тамары Константиновны на нарушение их конституционных прав отдельными положениями статей 527, 532 и 552 Гражданского кодекса РСФСР».

54. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 года № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации».

55. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2003 года № 172-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вепрева Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 10 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

56. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 24-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Печоранефтегаз» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 32¹ Федерального закона «О введении в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах».

57. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2006 года № 469-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб

граждан Боева Алексея Георгиевича, Лапковской Ольги Васильевны, Листрового Андрея Николаевича и Уланова Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав абзацем третьей части 1 статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Законом Красноярского края «О внесении изменений в Закон края «Об утверждении границы города Норильска с городами Кайеркан, Талнах и поселком Снежногорск» и постановлением Совета Администрации Красноярского края «Об объединении населенных пунктов».

58. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3¹ статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

59. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации».

60. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 года № 544-О-П «По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

61. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2009 года № 1128-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ломашевой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 153 и пунктом 1 статьи 156

Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

62. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2010 года № 1621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части 3 статьи 1.5, примечания к статье 1.5, статьи 2.6¹, части 3.1 статьи 4.1 и части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

63. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 года № 113-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Совета Республики Коми о толковании статей 12, 130 и части 1 статьи 132 Конституции Российской Федерации».

64. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 года № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации».

65. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 года № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза».

66. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 450-О «По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2¹ статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

67. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 1207-О «По жалобе гражданина Тоторкулова Алия Хасановича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также частью 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

68. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 года № 596-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Магаданрыба» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктами 1 и 3 пункта 1 статьи 347 Таможенного кодекса Таможенного союза».

69. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2019 года № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

70. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 года № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

71. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 года № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».

72. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 года № 886-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терехова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 3 статьи 40 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

73. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 года № 1136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Музы Светланы Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 1, 9 и 12¹ Закона Вологодской области «О бесплатном предоставлении в собственность отдельным категориям граждан земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на территории Вологодской области».

74. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2021 года № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани».

3. Международные правовые акты и решения международных судебных органов

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23 мая 1969 года) // Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. № 37. ст. 772.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) // СЗ РФ. 8.01.2001. № 2. Ст. 163.

3. Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте 7 февраля 1992 года).

4. Договор о функционировании Европейского Союза (подписан в г. Риме 25 марта 1957 года).

5. Хартия Европейского Союза об основных правах (принята в г. Страсбурге 12 декабря 2007 года).

Постановления Европейского Суда по правам человека

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 1976 года по делу «Engel and others v. the Netherlands».

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 января 1978 года по делу «Ireland v. United Kingdom».

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 апреля 1978 года по делу «Tyrer v. United Kingdom».

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 октября 1984 года по делу «Sramek v. Austria».

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 года по делу «Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium».

11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 августа 1981 года по делу «Young, James and Webster v. The United Kingdom».

12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 декабря 1992 года по делу «Niemietz v. Germany».

13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 года по делу «Loizidou v. Turkey».

14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 1999 года по делу «Chassagnou and others v. France».

15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2001 года по делу «Banković and others v. Belgium and others».

16. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2004 года по делу «Von Hannover v. Germany».

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июля 2006 года по делу «Канаев (Kanayev) против Российской Федерации».

18. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 октября 2006 года по делу «Болат (Bolat) против России».

19. Постановления Европейского Суда по правам человека от 19 апреля 2007 года по делу «Vilho Eskelinen and others v. Finland».

20. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации».

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2008 года по делу «Demir and Baykara v. Turkey».

22. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 декабря 1999 года по делу «Pellegrin v. France».

23. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации».

24. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2016 года по делу «Дзидзава (Dzidzava) против России».

25. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич (Butkevich) против России».

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2019 года по делу «Михалаке (Mihalache) против Румынии».

Решения Суда Европейского Союза

27. Постановление Суда Европейского Союза от 5 февраля 1963 года по делу № 26-62 «NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration». ECLI:EU:C:1963:1.

28. Постановление Суда Европейского Союза от 15 июля 1964 года по делу № 6/64 «Costa v ENEL». EU:C:1964:66.

29. Решение Суда Европейского Союза от 23 апреля 1986 года № 294/83 по делу «Les Verts v. Parliament». EU:C:1986:16.

30. Заключение Суда Европейского союза от 18 декабря 2014 года по делу № 2/13. ECLI:EU:C:2014:2454.

Иные судебные акты

31. Решение Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 года № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010».

32. Постановление Межамериканского суда по правам человека от 15 сентября 2005 года по делу «Maripirán Massacre v. Colombia».

4. Научная литература

Диссертации и авторефераты

1. Алисиевич Е.С. Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

2. Бабошин О.А. Система конституционного права как отрасли российского права: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

3. Гермашев А.Н. Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

4. Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
5. Мазаев В.Д. Реализация конституционных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982.
6. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Прудентов Р.В. Теория и практика метода в праве: общие и конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
8. Русов А.Н. Методологические аспекты разрешения дел Европейским Судом по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Троицкая А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020.
10. Ултургашев П.Ю. Особые мнения судей в практике судебного конституционного контроля: сравнительно правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

Монографии, словари, учебные издания

11. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. 640 с.
12. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. 512 с.
13. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014. 392 с.
14. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 752 с.

15. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде СПб., 2003. 658 с.
16. Богданова Н. А., Шустров Д. Г. Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том I: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции. СПб., 2012. 858 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
18. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1997. 790 с.
19. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. 544 с.
20. Броунли Я. Международное право. М., 1977. Кн. 1. 528 с.
21. ван Хук М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб., 2012. 288 с.
22. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. 508 с.
23. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. 344 с.
24. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): очерки теории и практики М., 2001. 508 с.
25. Витцум В.Г. Международное право = Volkerrecht (книга 2). М., 2011.
26. Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. 176 с.
27. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. 239 с.
28. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988. 704 с.

29. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. 320 с.
30. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А Павлова. М., 2020. 592 с.
31. Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М., 2015. 368 с.
32. Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования / пер. с нем. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907. С. 12.
33. Жданов А.А. Автономный искусственный интеллект. М., 2012. 359 с.
34. Закон: создание и толкование. / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1998. 283 с.
35. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. Конституционный Суд Российской Федерации. 2021.
36. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. 592 с.
37. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. 105 с.
38. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / В.А. Жбанков, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2015. 416 с.
39. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017. 224 с.
40. Ирхин И.В. Территориальная автономия в зарубежных унитарных и регионалистских государствах Европы и Азии: конституционно-правовое исследование. М., 2019. 465 с.
41. Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. I. М., 1968. 544 с.
42. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015. 542 с.

43. Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М., 2019. 304 с.
44. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. 1008 с.
45. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012. 672 с.;
46. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016. 240 с.
47. Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. 462 с.
48. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах. Том 1. Предмет конституционного права: монография. М., 2011. 448 с.
49. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008. 688 с.
50. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М, 2002. 687 с.
51. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М., 2013.
52. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2011. 512 с.
53. Таева Н.Е. Нормы конституционного права Российской Федерации. Монография. М., 2010. 432 с.
54. Таева Н.Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: монография. М., 2006. 176 с.
55. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М., 2018. 256 с.

56. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М., 2008. 240 с.
57. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998. 245 с.
58. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. 240 с.
59. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. 320 с.
60. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. 381 с.
61. Шустров Д.Г. Толкование в конституционном праве: теоретические основы. Монография. М, 2022. 208 с.
62. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. 656 с.
63. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890. Т. 1. 480 с.
- Статьи, опубликованные в периодических печатных изданиях и в сборниках статей*
64. Авакьян С.А. Надо ли принимать и применять положенные законы: конституционно-правовые подходы // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 38–45.
65. Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26.
66. Автономов А.С. Судебное толкование Конституции Российской Федерации как способ преодоления правовой неопределенности при определении места международных договоров в иерархии нормативных

правовых актов в российской правовой системе // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. Выпуск 14. Казань, 2019. С. 45–54.

67. Алисиевич Е.С. Автономное значение правовых понятий в практике толкования Европейским Судом положений Конвенции о защите прав человека // Государство и право. 2005. № 8. С. 77–81.

68. Алисиевич Е.С. Юридические лица как субъекты прав, закрепленных в Европейской Конвенции о защите прав человека // Гражданин и право. № 6. 2003.

69. Антонов М.В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4. С. 74–86.

70. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 78–95.

71. Апресян Р.Г. Историческая и нормативная динамика идеи моральной автономии // Альманах «Дискурсы этики». 2015. № 1 (10). С. 13–34.

72. Арановский К.В. О понятии и объеме иностранного государственного или конституционного права, а также о современных условиях его изучения и преподавания // Lex russica. 2013. № 11. С. 1250–1253.

73. Арановский К.В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия № 3 (33). 2013. С. 1–10.

74. Арановский К.В., Князев С.Д. Институт присяги судьи Конституционного Суда РФ: истоки, особенности, значение // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 134–141.

75. Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 50–59.

76. Артемьева О.В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 86–102.

77. Баженова О.И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 1. С. 58–66.

78. Белкин А.А. К соотношению Конституции и государственно-правовых актов (производное нормотворчество) // *Правоведение*. 1985. № 5. С. 3–10.

79. Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2014. № 4. С. 37–56.

80. Белов С.А. Принцип *stare decisis* и *jurisprudence constant* в практике Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. 2021. № 6. С. 10–19.

81. Белов С.А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 2. С. 140–150.

82. Бланкенагель А. «Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов»: что делать с конституционной идентичностью? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018. № 5(126). С. 42–64.

83. Блохин П.Д. «Вавилонское столпотворение»: комментарий к практике автономного толкования норм Европейской конвенции и российской Конституции // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 6. С. 106–120.

84. Блохин П.Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование // *Закон*. 2019. № 6. С. 61–76.

85. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

86. Бондарь Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 24–35.

87. Борисова Е.А. О последовательности обжалования судебных актов в арбитражном и гражданском процессах: памяти А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 120–140.

88. Вайпан Г.В. Трудно быть богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 107–124.

89. Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67.

90. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.

91. Винницкий Д.В. Концепция автономии налогового права и ее влияние на законодательство и судебную практику // Законодательство. 2003. № 5.

92. Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10.

93. Витрянский В.В. О преобразовании госарбитража в арбитражные суды.

94. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.

95. Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 30–41.

96. Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) // Журнал российского права. 2003 № 1. С. 130–154.

97. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о гарантиях права частной собственности при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд // Законодательство. 2008. № 1.

98. Гальперин М.Л. Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 181–189.

99. Гошуляк В.В. Верховенство Конституции Российской Федерации // Публичное право сегодня. 2021. № 4.

100. Грачева С.А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека: конституционный аспект измерения и оценки Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / М.В. Агальцова, Д.В. Афанасьев, Е.Е. Баглаева и др. М., 2017. Вып. 3: Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. 672 с.

101. Гриценко Е. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. № 5. С. 107–130.

102. Гриценко Е.В. Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 14–29.

103. Гриценко Е.В. Судебное нормотворчество как способ реализации судебного конституционного контроля / Современный российский конституционализм. СПб.; Ростов-на-Дону: Профпресс, 2011. С. 337–346

104. Гюлумян В.Г. Принципы толкования Европейской конвенции прав человека (критика и защита) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 6–18.

105. Должиков А.В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 11–31.

106. Должиков А.В. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 125–151.

107. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10. 123–133.

108. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1–12.

109. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах: резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1–5.

110. Зорькин В.Д. Россия должна взять правовой барьер: к двадцатилетию Конституции Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 1–12.

111. Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 75–87.

112. Игумнов Н.А. Запрет двойного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) в фокусе конституционно-судебной интерпретации // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1 (91). С. 4–9.

113. Игумнов Н.А. Исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты как новое условие допустимости конституционной жалобы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 69–76.

114. Игумнов Н.А. К вопросу об автономности конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 10–16.

115. Игумнов Н.А. Модернизация Конституции Российской Федерации и конституционное правосудие: в поисках разумного баланса // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 71–75.

116. Игумнов Н.А. Об основаниях и перспективах автономного толкования конституционных понятий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 6. С. 44–55.

117. Игумнов Н.А. Толкование права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации: на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 34–38.

118. Исполинов А.С. В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2/13 // Международное правосудие. 2018. № 2. С. 16–27.

119. Исполинов А.С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 61–73.

120. Исполинов А.С. Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 251–277.

121. Исполинов А.С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 47–68.

122. Исполинов А.С. Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия) // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 118–134.

123. Исполинов А.С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.

124. Клишас А.А. К вопросу о конституционной идентичности государства // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 27–37.

125. Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека: Европейская конвенция: новые «старые» права. М., 2015. 608 с.

126. Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 36–43.

127. Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1511–1516.

128. Кравец И.А. Верховенство конституции – принцип конституционализма // Журнал российского права. 2002. № 7.

129. Кравец И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.

130. Краснов М.А. «Конституционные страхи» // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 3–11.

131. Краснов М.А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 77–91.

132. Кряжкова О.Н., Рудт Ю.А. Расстановка мест слагаемых в решениях конституционных судов: почему сумма меняется? // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5.

133. Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 92–102.

134. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Лебедев В.А., Зенин С.С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9. С. 85–95.

135. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 5–17.

136. Лифшиц И.М. Международные договоры государств – членов Европейского союза с третьими странами в практике Суда ЕС // Международное правосудие. 2019. № 3. С. 84–101.

137. Лукашевич В.А. В защиту «европейской семьи»: теория автономных понятий и толкование статьи 8 Европейским Судом по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / М.В. Агальцова, А.Ю. Бушев, М.Р. Воскобитова и др. М.: Статут, 2016. Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». 656 с.

138. Лукьянова В.Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 53–69.

139. Лукьянова Е.А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 130–147.

140. Лучин В.О., Мазуров А.В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1.

141. Малютин Н.С. Специфика регулирования прав и свобод человека в интеграционных объединениях на евразийском пространстве // Право.by. 2017. № 3. С. 92–97.

142. Малютин Н.С. Судебное толкование как конституционная процедура в контексте разделения властей в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 12–19

143. Марино И. «Нулевые толкования» Конституции: опыт России // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 32–47; № 11. С. 44–59.

144. Машкова Е.В., Виттмер Ф.М. Особенности взаимоотношений между Европейским судом по правам человека и органами конституционного правосудия Германии и Австрии: сравнительно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 57–61.

145. Медушевский А. Конституция России: Пределы гибкости и возможные интерпретации в будущем // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 11–21.

146. Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 8. С. 73–78.

147. Морщакова Т.Г. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. №3(118).

148. Морщакова Т.Г. Судебная речь о партии и автономное толкование понятий: правовая позиция эксперта в Конституционном Суде России / Служение праву: памяти профессора В.А. Туманова посвящается; Сборник статей. М., 2017. С. 87–103.

149. Нарутто С.В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 64–70.

150. Низов В.А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 134–149.

151. Нуссбергер А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – Конституция для Европы? // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 3–19.

152. Нуссбергер А. Революционная философия европейской Конвенции о защите прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1(80). С. 86–93.

153. Петров А.А. Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 28–41.

154. Пирязева Н.Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 140–147.

155. Пресняков М.В. О месте Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти: «Добро должно быть с кулаками»? // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 61–64.

156. Пресняков М.В. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ее отраслевая интерпретация // Гражданин и право. 2014. № 11.

157. Пресняков М.В. Стабильность Конституции РФ и конституционная определенность: к вопросу об особенностях российского конституционализма // Гражданин и право. 2021. № 4.

158. Пферсманн О. Автономизация конституционного права во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 54–67.

159. Русов А.Н. Толкование и применение Европейской конвенции о правах человека: методологические аспекты // Права человека. 2013. № 4. С. 20–28.

160. Сергевнин С.Л. К вопросу о механизмах реализации и охраны конституции // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5(65). С. 7–13.

161. Сивицкий В.А. Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты // Юридическая техника. 2010. № 4 С. 499–502.

162. Таева Н.Е. Дефиниции в конституционном праве: технико-юридический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2713–2721.

163. Таева Н.Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 24–29.

164. Тарибо Е.В. О взаимодействии Конституционного Суда РФ и Суда ЕАЭС // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 6. С. 17–21.

165. Татаринов С.А. О некоторых особенностях нового законодательного регулирования статуса Конституционного Суда РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 52–56.

166. Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. № 1. С. 72–102.

167. Тимошина Е.В. Судья как новый Суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. №2. С. 50–61.

168. Тимошина Е.В., Кондуров В.Е. В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти Законодателя» // Вопросы философии. 2022. Т. № 10. С. 29–43.

169. Троицкая А.А. Селективная рациональность? Аргументация Конституционного Суда РФ о сроках полномочий Президента в зеркале

когнитивистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1. С. 94. С. 84–99.

170. Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 171–181.

171. Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44).

172. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41–46.

173. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 20–25.

174. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Российское правосудие. 2008. № 12. С. 11–18.

175. Хаберле П. Открытое общество толкователей конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 21–28.

176. Хабермас Ю. Кризис Европейского Союза в свете конституционализации международного права // Дайджест публичного права Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2013. Вып. 2. № 1. С. 1–55.

177. Хилjuta В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex russica 2019. № 4. С. 117–128.

178. Чайка К.Л. Конституционализация интеграционных правопорядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 67–78.

179. Шарнина Л.А. Толкование как способ восполнения правовой неопределенности в конституционном праве: вопросы судебного усмотрения // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 7–11.

180. Шустров Д.Г. Понятие толкования в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 1. С. 61–85.

181. Шустров Д.Г. Преобразующие Конституцию Российской Федерации неформальные способы ее изменения: между действительностью и конституционностью // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 5 (144). С. 42–75.

182. Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

183. Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 277–293.

Литература на иностранных языках

184. Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. 448 p.

185. Black's Law Dictionary. 9th ed. 2009. 1920 p.

186. Burka G. de. The European Court of Justice and the International Legal Order after Kadi // Harvard International Law Journal. 2009. Vol. 51. № 1.

187. Dzehtsiarou K. What is Law for the European Court of Human Rights? // URL: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/07/GT-GJIL180003.pdf>.

188. Fallon R.H. Judicial Supremacy, Departmentalism, and the Rule of Law in a Populist Age // Texas Law Review. 2018. Vol. 96. Issue 3. P. 487–553.

189. Gerards J., Senden H. The structure of fundamental rights and the European Court of Human Rights // *International Journal of Constitutional Law*. 2009. Vol. 7. Issue 4. P. 619–653.

190. Greer S. Constitutionalizing Adjudication under the European Convention on Human Rights // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2003. Vol. 23. № 3. P. 405–433.

191. Greer S. The Interpretation of the European Convention on Human Rights: Universal Principle or Margin of Appreciation? // *UCL Human Rights Review*. 2010. Vol. 3.

192. Hart H.L.A. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. 396 p.

193. Kelsen H. *General theory of law and state*. Cambridge, 1949.

194. Killander M. Interpreting Regional Human Rights Treaties // *International Journal on Human Rights*. 2010. Vol. 7. № 13. P. 145–169.

195. Lenaerts K. The autonomy of European Union Law // *I Post di Aisdue, I* (2019) Sezione «Convegni annuali e interinali Aisdue» n. 1, 28 ottobre 2018.

196. Letsas G. *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights*. Oxford. 2007.

197. Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // *The European Journal of International Law*. 2010. Vol. 21. № 3. P. 509–541.

198. Letsas G. The Truth in Autonomous Concepts: How To Interpret the ECHR // *European Journal of International Law*. 2004. № 15. P. 279–305.

199. Pill S.C. Valuing our Discordant Constitutional Discourse: Autonomous-Text Constitutionalism and the Jewish Legal Tradition // *Buffalo Law Review*. 2016. Volume 64. № 2. P. 349–411.

200. Rosenfeld M. Constitutional adjudication in Europe and the United States: paradoxes and contrasts // Oxford University Press and New York University School of Law. 2004. Volume 2. Number 4. P. 633–668.

201. Ruusila A., Lindroos E. *Conditio sine qua non: on Phraseology in Legal Language and its Translation* // Language and Law / Linguagem e Direito. Vol. 3(1). 2016. P. 120–140.

202. Scalia A., Garner B.A. *Reading Law: the interpretation of legal texts*. West Group? 2011. URL: <https://jm919846758.files.wordpress.com/2020/09/rlilt.pdf>.

203. Stawecki T. *Autonomous Constitutional Interpretation* // International Journal for the Semiotics of Law. 2012. Vol. 25. № 4. P. 506–535.

204. Sudre F. *Le recours aux «notions autonomes» / de la Convention des droits de l'homme*. Montpellier, 1998. P. 93–131.

205. Swaine L. *The Origins of Autonomy* // History of Political Thought. 2016. Vol. 37. №. 2. P. 216–237.

206. Sweet A.S., Keller H. *Introduction: The Reception of the ECHR in National Legal Orders / A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems* / Ed. H. Keller and A.S. Sweet. 2008.

207. Theil S. «Is the Living Instrument Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law?» // European Public Law. 2017. № 23 (3). P. 587–613.

208. Waldron J. *Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues* // California Law Review. 1994. Vol. 82. №. 3. P. 509–540.

5. Иные источники

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении

правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

2. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>.

3. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренная решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года.

4. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 года № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации».

5. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2006 года № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации».

6. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного

общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр».

7. Зарубежная практика конституционного контроля. Выпуск 162 «Презумпция невиновности при привлечении к ответственности за нарушение правил дорожного движения, зафиксированное техническими средствами, в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля / Конституционный Суд Российской Федерации. Управление международных связей, изучения и обобщения зарубежной практики конституционного контроля. СПб., 2010. 61 с.

8. BVerfG, Judgment of the Second Senate of 30 June 2009. № 2/08.

9. Совпадающее мнение судьи Г. Лагергрена к Постановлению Европейского Суда по правам человека от 28 мая 1985 года по делу «Ashingdane v. The United Kingdom».

10. Travaux Préparatoires to the Convention. URL: https://www.echr.coe.int/documents/library_travPrep_table_eng.pdf.

11. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» (утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 апреля 2006 года № A/CN.4/L.682) // Official Document System of the United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G06/610/79/pdf/G0661079.pdf?OpenElement>.

12. Конституции государств мира // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78>.

13. The World's Constitutions To Read, Search, And Compare // URL: <https://www.constituteproject.org/?lang=en>.

14. Гуманитарный портал // URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7169>.